

2 РУССКАЯ РЕЧЬ 1981

МАРТ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АПРЕЛЬ

В номере:

П. Н. Денисов. Живой, как жизнь	3
В. Н. Фойницкий. Об источнике выражения «живая жизнь»	10
Ю. А. Бельчиков. В. И. Ленин о Белинском	12
П. М. Фесуненко. Стилистическая роль обособлений в произведениях В. И. Ленина	17
В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ	
В. Н. Сергеев. А. В. Луначарский — оратор	22
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
В. В. Одинцов. Везде язык поэзии	28
В. В. Прозоров. «Идеи в масках» М. Е. Салтыкова-Щедрина	35
Е. А. Некрасова. Как «сделаны» стихи А. Блока?	39
ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА	
К 70-летию Г. М. Маркова. Отрывок из романа «Сибирь»	47
ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА	
И. К. Марковский. Жар-птица	52
В. М. Мокшенико. Молочные реки и кисельные берега	57
КУЛЬТУРА РЕЧИ	
Г. М. Абакшина. Какого рода «вагон-библиотека»?	60
Л. П. Катлинская. Ничисто	64
ЯЗЫК ПРЕССЫ	
В. Н. Вакуров. Неожиданные сравнения в фельетоне	70

СРЕДИ КНИГ

К. С. Горбачевич. Книга о теории речевой культуры	73
---	----

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Александр Христофорович Востоков (1781—1864)	77
Афанасий Матвеевич Селищев (1886—1942)	84

В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР	88
--	----

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

В. Н. Иевлева. Где был напечатан первый отечественный букварь?	92
Г. К. Валеев. Древнерусские подпоручики Кижэ	99

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

С. Д. Холматова. По законам братства	105
М. В. Орешкина. Языковые проблемы массовой коммуникации в СССР (Хроника)	110

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н. А. Ревенская. И стимул, и вдохновение	113
Конференция в Копривштице	117
II-й советско-английский семинар	117

НА КАРТЕ РОДИНЫ

М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. Ярославль	119
Е. С. Отин. Таганрог	127

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н. Д. Русинов. Угличское <i>Петушково</i> и Сказка о золотом петушке	132
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

А. Н. Шустов. Александрийский столп	135
Н. М. Михайлова. <i>Теплый</i> и <i>горячий</i>	139
Е. Н. Этерлей. Квас	143
Г. Л. Вечеслова. Кравчий — кравчая	147

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	150
---	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Буквенные окончания при цифрах; Государственный Знак качества; Склоняется ли слово ГОСТ?	154
--	-----

Кроссворд	153
---------------------	-----

На обложке: Рисунок Б. Захарова

ЖИВОЙ, КАК ЖИЗНЬ

В 1888—1890 гг. Ленин изучает «Капитал», в котором К. Маркс показывает «как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1, с. 138).

«Таков скелет „Капитала“, — заключает В. И. Ленин в своей работе «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?».

«Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производ-

ственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями» (Т. 1, с. 138—139).

Каждое слово В. И. Ленина заслуживает внимания составителей словаря его произведений. Так, наиболее частотные союзы и союзные слова, предлоги, частицы, местоимения, местоименные наречия, вводные слова и некоторые другие категории слов выбирались из ленинских текстов не полностью, и в употреблении большинства из них язык В. И. Ленина не расходится с русским литературным языком конца XIX — первой четверти XX вв. У В. И. Ленина имеются свои излюбленные служебные слова, уже отмечавшиеся исследователями его языка и стиля. Таковы союз *ибо*, местоимение *сей*, частица *де*.

Со знаменательными словами дело обстоит сложнее. Нам уже приходилось писать об этом на примере существительных *газета*, *ружье*, *револьвер*, *сабля* (Русская речь, 1980, № 2). Мы говорили о том, что показателями, сигналами существенности, характерности слова для языка и стиля писателя могут выступать такие легко наблюдаемые явления, как: 1) изменения в смысловой структуре многозначного слова в сторону ее расширения, сужения, детализации, терминологизации и т. д.; 2) изменения в функционально-речевых и стилистических характеристиках слова.

В настоящей статье остановимся на одном из трудных случаев перераспределения смысловых акцентов в семантике слова.

Когда общенаучное слово не отягощено разветвленной полисемией, то выявление специфического марксистско-ленинского акцента в его смысловой структуре не выходит за пределы трудностей, привычных для профессионального лексикографа, но когда анализируемое слово, обозначая ключевое понятие науки, допускающее и идеалистическое и материалистическое истолкования, кроме того, располагает сложной семантической структурой, то лексикографический анализ приближается к тому уровню, на котором академик Л. В. Щерба правомерно полагал, что слово заслуживает отдельной монографии.

Таково, по нашему мнению, слово *жизнь* и прилагательное *живой*. Мы утверждаем, что в скрытом, завуалированном виде слово *жизнь* всегда подразумевается при изложе-

нии материалистического понимания истории. Это одинаково характерно и для русского языка, на котором писал Ленин, и для немецкого (*Leben*), на котором писал Маркс.

В работе «Карл Маркс» В. И. Ленин, воздавая должное своему учителю, пишет: «Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процесс жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (Т. 26, с. 56).

Мы видим, что при изложении материалистического понимания истории в текст вкрапливается слово *жизнь* или оно присутствует в его частичных контекстуальных синонимах: *действительность*, *бытие* и *сознание* (т. е. материальная и духовная жизнь), *процесс*, *развитие*, *движение*, *практика* и т. д.

На страницах ленинских работ, по данным нашей картотеки, это слово встречается более двух тысяч раз.

Интересующее нас значение С. И. Ожегов в «Словаре русского языка» (10-е изд. М., 1973) определяет так: «Реальная действительность. *Провести предложение в жизнь. Войти в ж.* (осуществиться)». «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова — с пометой только ед.: «Реальная действительность во всей совокупности ее проявлений. *Бояться жизни. Жизнь есть борьба и труд. Нужно жить не воображением, а действительной жизнью.*» 17-томный Словарь — «Действительность. Газета — школа наблюдения жизни. Писатель, работающий для газеты, нуждается в прочных, но подвижных связях с действительностью. Федин, Мастерство писателя».

У Ленина наиболее яркие контексты употребления

слова *жизнь* в данном значении встречаются в разных работах, но в них ясно выступают два момента: 1) терминологическое, историко-философское звучание данного значения слова *жизнь*; 2) единство этого значения и в немецком и в русском языке — при единстве философской позиции! Разные философские системы будут вкладывать в это слово разный смысл.

Ключевой для марксистской философской позиции является, конечно, знаменитая цитата из «Материализма и эмпириокритицизма»: «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» (Т. 18, с. 145).

В «Философских тетрадах» в выписках из трудов Гегеля и других философов часто встречаются слово *жизнь* и сочетание *живая жизнь*.

В ленинском конспекте «Науки логики» Гегеля находим такое место, принадлежащее самому В. И. Ленину: «Вещь в себе *вообще* есть пустая, безжизненная абстракция. В жизни в движении все и вся *бывает* как „в себе“, так и „для других“ в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое» (Т. 29, с. 97). В конспекте гегелевских «Лекций по истории философии» В. И. Ленин записывает «своими словами» о диалектике у Гегеля следующее: «Диалектика *вообще* есть „чистое движение мысли в понятиях“ (т. е., говоря без мистики идеализма: человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни...)» (Т. 29, с. 226—227).

Мы видим, что обсуждаемое значение слова *жизнь* реализуется обычно в контекстах: действительная жизнь и живая жизнь, например: противоречие живой жизни, живое противоречие живой жизни, противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения; настоящая гуща живой жизни; данные живой жизни; когда речь идет о древнем Риме и тому подобных, не слишком близких к живой жизни материях; разобрать до конца хоть один конкретный пример из живой жизни, а также: «Ведь отношение интеллигентской и пролетарской (рабочей) функции в социал-демократическом рабочем движении, пожалуй, довольно точно можно выразить такой общей формулой: интеллигенция хорошо решает вопросы „принципиально“, хорошо рисует схему, хорошо рассуждает о необходимости сделать... а рабочие делают, пре-

творяют серую теорию в живую жизнь» (Т. 12, с. 92). В других местах: самая научная (и самая далекая от живой жизни) профессорская газета; этот лозунг был живой жизнью; залог не мертвого сна, а живой жизни.

Влияние немецкого языка на сочетание *живая жизнь* в русском языке кажется несомненным в связи с общим влиянием классической немецкой философии на философские истоки марксизма. Особенно показательны в последнем отношении случаи употребления сочетания *живая жизнь* в «Философских тетрадах». Например, обведено рамочкой: «Нужно не *leblose Knochen*, а живая жизнь» (Т. 29, с. 81).

Историко-философское происхождение данного значения слова *жизнь* теперь, должно быть, не вызывает сомнений у читателя. Но путь исканий извилист и труден. Для Шеллинга живое тождественно духовному. Понятие жизни привлекало и Шиллера в его эстетике и теории искусства. Гете в образной форме высмеивал отрыв от жизни, от действительности:

Суша, мой друг, теория везде,

А древо жизни пышно зеленеет!

Освобождая диалектику Гегеля от идеалистических наслоений, В. И. Ленин записывает в рамочке: «„вечная жизнь“ — диалектика» (Т. 29, с. 182), помещая это замечание напротив таких гегелевских слов: «... *сама идея представляет собой диалектику*, которая вечно отделяет и отличает тождественное от различного, субъективное от объективного, конечное от бесконечного, душу от тела — и лишь постольку идея *есть вечно: творчество, вечная жизненность и вечный дух*...» (Т. 29, с. 181—182).

В историко-философском плане неогегельянство может быть истолковано и как философия жизни, где все существующее рассматривается как форма проявления жизни, которая в данном течении понимается как некая изначальная реальность, которая не тождественна ни духу, ни материи и может быть постигнута лишь интуитивно. Гегель был по-разному прочитан идеалистами и марксистами, в частности, В. И. Лениным.

Однако нам представляется, что определить слово *жизнь* в этом значении просто как «реальная действительность» (Ожегов) или как «реальная действительность во всей совокупности ее проявлений» (Ушаков) или как «действительность» (17-томный Словарь) значит обеднить

это значение, не раскрыть его историко-философской сущности.

Контексты употребления показывают, что значение слова *жизнь* в исследуемом самом обширном смысле своими семантическими признаками соприкасается со значением (что видно по частичной контекстуальной синонимии) таких слов, как: действительность, практика, бытие, опыт, процесс, развитие, движение, борьба, конкретное, отдельное, первичное; противопоставляясь значениям таких слов и сочетаний, как: фантазия, мечты, мечтания, мертвая схема, серая теория и т. д.

В этом значении слово *жизнь* употребляется как активный деятель, верховный судья, непререкаемый авторитет: жизнь учит, показывает, подтверждает, выдвигает что-либо, идет своим чередом, берет свое, навязывает что-либо, опровергает что-либо. Возможны контексты: логика жизни, изжитые, давно разбитые жизнью догматы, факты жизни, уроки жизни.

Тем не менее, В. И. Ленин резко критиковал хвостистское понимание «жизни», пассивную апелляцию к «ходу жизни», «голосу жизни», «чутью к жизни». Если жизнь как реальная действительность во всех своих проявлениях — верховный судья, непререкаемый авторитет, то в частные проявления жизни, выявляющиеся в контекстах с ограничительным определением: общественная, политическая, партийная, фабричная, рабочая, крестьянская, народная, государственная, национальная, русская, российская, французская, европейская и т. п. жизнь, — классы, партии, личности вмешиваются и должны вмешиваться. С авторитетом конкретных форм исторической жизни народов и наций люди могут и вправе пререкаться.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что в середине XIX в. слово *жизнь* в русском и немецком языках выдвинулось на авансцену борьбы философского идеализма и материализма. В своем самом обширном смысле «реальная действительность во всех своих проявлениях» оно было втянуто в орбиту идеализма, породив идеалистические течения конца XIX — первой половины XX вв., включая теории русских философов-идеалистов. Маркс и Ленин истолковали значение этого слова материалистически, указав на зависимость общественного сознания (духовной, интеллектуальной жизни) от общественного бытия (материальной, экономической, хозяйственной жизни) и подчеркнув допустимость и необходимость вме-

пательства в общественную экономическую и духовную жизнь.

В «Тезисах о Фейербахе» Маркс призывал переделать мир. Остается открытым вопрос, почему собственно в таком обширном смысле употреблялось классиками марксизма-ленинизма все-таки слово *жизнь*, а не слова *действительность*, *мир* и другие подобные? Хотя иногда встречались и они.

На наш взгляд, дело обстоит так. Жизнь в исследуемом значении является производным от исходного понятия: «Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования и движения материи, возникшая на определенной ступени ее развития» (Ожегов); «Особая форма движения материи, возникающая на определенной ступени ее развития и представленная громадным числом отдельных организмов» (17-томный Словарь).

Эти филологические дефиниции так же неудовлетворительны, как и дефиниция философского значения слова *жизнь* как «действительность». Они указывают на место жизни (особое, определенное — слова сами по себе достаточно неопределенные) в иерархии форм существования материи, указывают на носителей жизни.

В этих определениях нет и намека на попытку прямо перечислить существенные отличительные признаки жизни в сравнении с физической и химической формулами существования материи. Надо оговориться, что это исходное значение слова *жизнь* представляется таким же развивающимся и углубляющимся понятием, как и значение слова *жизнь* как «действительность». В дополнение к сказанному, оно также является точкой столкновения различных подходов к пониманию жизни, вплоть до мировоззренческих.

Большая Советская Энциклопедия (3 изд.) выделяет такие признаки жизни: обмен веществ, способность к размножению, росту, движению, раздражимости, приспособляемость к среде и т. д. Указываются носители жизни, химизм и генетический код. Подчеркивается, что живые системы характеризуются гораздо более высоким уровнем упорядоченности структурной и функциональной, в пространстве и во времени.

Вот из этих энциклопедических признаков надлежало выбирать филологический дифференциальный минимум признаков для его отражения в лексикографической де-

финиции. В БСЭ выделяется особо человеческий, социальный уровень жизни, открывающий новые возможности регуляции и приспособляемости, недоступные процессу чисто биологического развития.

Философы в XIX в. часто вводили слово *жизнь* в круг философских понятий, потому что интуитивно чувствовали структурное подобие социальной и чисто биологической разновидностей жизни: системность, организованность, активность, динамизм, спонтанность, саморазвитие, целостность, органичность, естественность и т. д. Эти признаки особо не формулировались. Они «списывались» под обобщающую функцию языка, т. е. предполагалось, что каждый человек понимает внутреннее подобие между жизнью человека и жизнью общества, человечества.

Невыявленность полного перечня признаков понятия *жизнь* ни в биологическом, ни в социально-философском смысле не помешала разгореться принципиальному философскому спору между материалистами и идеалистами. При этом исторический материализм, опираясь на тогдашнее новейшее естествознание (теорию Дарвина), буржуазную английскую политэкономия, немецкую классическую философию и французский социализм в принципиальном отношении как бы опередил частные естествен-

Об источнике выражения «ЖИВАЯ ЖИЗНЬ»

В русской фразеологии есть очень употребительное словосочетание *живая жизнь*. Пожалуй, наибольшую известность оно получило благодаря произведениям Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и «Подросток». В 1898 году под этим заглавием вышел роман И. Н. Потапенко, а в 1911 году — первая часть известного критико-философского труда В. В. Вересаева, посвященная сопоставительному анализу творчества Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

В 1913 году в Петербурге выходила ежедневная газета «Живая жизнь».

В. И. Ленин также охотно и часто употреблял этот фразеологизм. В статье «К вопросу о диалектике» (1915 г.) он указывал: «Условие познания всех процессов мира в их *самодвижении*, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29, с. 317). В статье о книге Александра Тодорского «Год — с вишневой и плугом», озаглавленной «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов», он требовал: «Надо пошире распространить эту книгу и выразить пожелание, чтобы как можно большее число ра-

ные и общественные науки, лишил идеализм возможности спекулировать на неполноте наших знаний как о биологической, так и о социальной формах жизни, открыв тем самым новые пути для углубления и развития материалистического понимания истории, для вечного сближения теории с живой жизнью.

Таким образом, несмотря на то, что по количеству словоупотреблений в ленинских произведениях преобладают контексты типа общественная жизнь, политическая жизнь, партийная жизнь, русская жизнь и под., смысловую структуру слова *жизнь* вполне определяют три взаимосвязанные семантические точки: 1) биологическое понятие жизни; 2) социально-философское понятие жизни, являющееся расширением и углублением первого понятия; 3) формы и проявления как биологической, так и социально-философской разновидностей жизни в реализации и конкретизации привычных путей развертывания семантических узлов как метафор, метонимий, синекдох и функциональных переходов.

П. Н. ДЕНИСОВ

*доктор филологических наук,
зав. сектором Словаря языка В. И. Ленина
Института русского языка АН СССР*

ботников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта» (Т. 37, с. 407).

В примечаниях к 17-му тому полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского отмечается: «Понятие „живая жизнь“ В. Л. Комарович связывал с традицией старших славянофилов, употреблявших слово „живой“ в смысле „истинно суций“... понятие „живая жизнь“ в смысле „истинная и горячая“ употребляется и И. В. Киреевским в статье „Жизнь Стеффенса“. В более ранней статье И. В. Киреевского указан источник понятия „живое знание“ — натурфилософия Шеллинга. К Шеллингу восходит, по-видимому, понятие „живая жизнь“ и у Герцена».

Можно указать не гипотетический, а точный источник выражения „живая жизнь“. Это — трагедия Ф. Шиллера «Мессинская невеста» (1803 г.). Там есть строка: «Жизнь в ней *живая!*!».

В оригинале это место звучит так: «ein lebendiges Leben».

Фразеологизм *lebendige Leben* без указания происхождения зафиксирован в «Словаре иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова (кн. 2, Изд-во «Наука», М.—Л., 1966, с. 759). Следует добавить, что А. И. Герцен и Ф. М. Достоевский любили, хорошо знали и неоднократно цитировали произведения великого немецкого писателя.

В. Н. ФОЙНИЦКИЙ

В. И. ЛЕНИН

О

БЕЛИНСКОМ

•

Деятельность В. Г. Белинского — великого русского революционера-демократа — В. И. Ленин рассматривал в связи с историей русского революционного движения и с развитием передовой общественной мысли в России. В работе «Что делать?» он отметил выдающуюся роль В. Г. Белинского в развитии прогрессивной общественной мысли, революционного движения в России: *«...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...»* (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 6, с. 25). В 1914 году В. И. Ленин писал: *«Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский»* (т. 25, с. 93, 94).

Во времена Белинского *«все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»* (т. 2, с. 520). Передовые люди крепостнической эпохи были одушевлены *«горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области»*. Они искренне верили в то, что *«отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние»* и желали *«содействовать этому»*

(т. 2, с. 519). Такая характеристика в самой большой степени относится к Белинскому.

В знаменитом «Письме к Гоголю» Белинский дает картину политического произвола и бесправия, царившего в крепостнической России: «... она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Шешками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей!». И далее автор делает вывод: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть».

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что своей непримиримостью к крепостническому строю Белинский вызывал ненависть со стороны реакционеров, приживальщиков крепостников-помещиков, попов, подьячих, чиновников, которым «было „трудно“ расстаться с крепостным правом» (т. 35, с. 197). За революционный темперамент, за страстность, с которой он отстаивал свои взгляды, современники называли его «неистовым Виссарионом». Весьма знаменательно и зловеще звучала шутка коменданта Петропавловской крепости, с которой тот обращался к Белинскому при встрече на Невском проспекте в Петербурге: «Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для вас его и берегу».

В. Г. Белинский жил и работал в сложных исторических условиях, в период жестокой николаевской реакции. Это была эпоха, по свидетельству Герцена (Былое и думы), мглы, произвола и отчаяния, когда за каждое смело сказанное слово люди платились каторгой и ссылкой.

Белинский по своей натуре — боец, трибун. Современники говорили, что ему нужна была широкая общественная аудитория. Однако в те тяжелые времена передовая мысль находила свое выражение лишь в литературе и литературной критике. «Только в одной литературе... — признавал Белинский в „Письме к Гоголю“, — есть еще жизнь

и движение вперед». Этим обстоятельством и можно объяснить, почему в литературно-критических статьях Белинского важное место занимают вопросы политики и социологии, общественного развития России, актуальные проблемы истории, философии, этики.

В основе политических, исторических и литературно-эстетических взглядов Белинского лежит идея об исключительно важной, решающей роли народа в жизни общества, в духовном развитии нации. И один из главных вопросов, с разрешением которого он связывает избавление от крепостного права, — это пробуждение «в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре...». Спасение России видится Белинскому «в успехах цивилизации, просвещения, гуманности» (Письмо к Гоголю). Белинский глубоко верил в могучие творческие силы русского народа: «На Руси все растет не по годам, а по часам, и пять лет для нее — почти век» (Сочинения Александра Пушкина). Любовь к народу: проповедь высокого чувства гуманности, убеждение в необходимости революционной борьбы — все это осознавалось передовыми людьми как главные черты политического мировоззрения великого критика. Некрасов написал о нем в «Медвежьей охоте» так:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Белинский, как революционный демократ, защищал и выражал интересы крепостного крестьянства. В. И. Ленин отмечает это принципиально важное обстоятельство, оценивая деятельность Белинского и в целом говоря о русской демократии XIX века как выразителе и защитнике интересов самых широких народных масс, главным образом крестьянских.

Ленинские суждения о Белинском, его оценки творчества выдающегося русского публициста складывались в ходе острой политической борьбы против идейных противников партии. Борьба Ленина за Белинского, Чернышевского и Добролюбова была борьбой за сплочение демократических сил, выступающих против царизма, борьбой за боевые революционные традиции русской

демократии, за то идейное оружие, которое рабочий класс мог с успехом использовать в борьбе против царизма, за свои великие цели.

В 1912 году В. И. Ленин с удовлетворением отмечал, что в России получила широкое распространение демократическая литература (см.: т. 22, с. 83). Произведения Белинского стали существенным фактором в политической борьбе 1900-х годов. И поэтому важно было отстоять общественную значимость его публицистики.

В. И. Ленин высоко ценил «Письмо к Гоголю» Белинского. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» он писал, что это письмо, «...подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору» (т. 25, с. 94). Большое значение «Письма к Гоголю» в те годы определялось его яркой антикрепостнической направленностью. Разрешенное царской цензурой лишь в 1905 году, оно было чрезвычайно актуально разоблачением антинародной сущности царизма, революционным пафосом неприятия насквозь прогнившего, изжившего себя исторически политического строя.

Неслучайно это произведение Белинского, ставшее его политическим завещанием, было встречено в штыки либералами и реакционерами 1900-х годов. В статье «Еще один поход на демократию» В. И. Ленин с возмущением писал, что либералы выступают против демократической литературы, проникнутой идеями Белинского и Гоголя, а также и против самого «Письма к Гоголю»: «...Какое „беспокойство“! — воскликнула мпящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела на деле этот „народ“, несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю» (т. 22, с. 83).

«Письмо к Гоголю» сыграло выдающуюся роль в развитии русского публицистического стиля. Для стиля «Письма» типичны отточенные, глубоко продуманные формулировки, страстное, публицистически острое, энергичное выражение мыслей и чувств пламенного борца. Написанное «на одном дыхании», одухотворенное революционными идеалами и высоким патриотизмом, «Письмо к Гоголю» представляет собой классический образец сти-

ля, свойственного лучшим произведениям передовой русской публицистики.

Оценка деятельности Белинского, точное определение ее социальных корней, глубокое понимание творчества великого критика опираются на внимательное и детальное изучение В. И. Лениным его литературного наследия. Труды В. Г. Белинского вошли в золотой фонд советской культуры. Его революционный демократизм, философские идеи, борьба за реализм в искусстве сохраняют и теперь свою жизненность и плодотворность. Ленинское учение о культурном наследии прошлого служит верным ориентиром при исследовании истории русской общественной мысли, формирования и развития русского публицистического стиля.

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ

Владимир Ильич, который любил пролетариат, потому что чувствовал его, как класс-организатор, чувствовал огромную, исполинскую внутреннюю мощь его, любил его и в каждом отдельном рабочем, с которым он умел необычно говорить. Поэтому важно, по мнению Владимира Ильича, было широчайшее распространение политической сознательности в массах, и хотя он знал, что не брошюрами, не статьями, не речами это делается, и учил нас, что это делается путем практического участия в революции и что самая лучшая школа — это сама революция, тем не менее не впадал в недооценку публицистики, как таковой, и поэтому ею занимался в широчайших пределах, страстно желая говорить не только партии, но и за пределами партии.

(...) В его публицистике эта черта замечается в высшей степени. Он чрезвычайно прост, как писатель... Я думаю, что впечатление непередаваемого блеска, которое производили многие работы Ильича, например, брошюры о государстве, о болезни левизаны или брошюры о повороте к нэпу, знакомо каждому. Это такие брошюры, после которых испытываешь какое-то внутреннее эстетическое волнение: такая в них ясность, простота и чистота мысли. Получается это не в силу каких-либо полемических обычных приемов, не в силу образности речи или остроумия, но вам кажется, что мысль так ясна, что даже ум ребенка мог бы ее воспринять, и, когда читаешь Ленина, начинаешь понимать, какая социально-педагогическая мощь лежит в публицистике В. И. Ленина.

А. В. Луначарский

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ОБОСОБЛЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ЛЕНИНА

В. И. Ленин в своих работах всегда стремился к ясности, точности и выразительности изложения. Часто он использовал обособленные конструкции, особенно в тех случаях, когда необходимо было раскрыть смысл того или иного понятия, выделить существенные признаки какого-нибудь явления или предмета, усилить их смысловую и эмоциональную действенность.

С целью уточнения В. И. Ленин широко употребляет приложения с причинным значением, присоединяемые к определенному слову союзом *как*: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (Полное собрание сочинений, т. 41, с. 8); «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» (т. 41, с. 6). В обоих примерах при помощи приложений раскрывается сущность понятий *марксизм* и *большевизм*.

Обособленные приложения, поясняющие или усиливающие смысл подлежащего или других членов предложения, выразительны, динамичны: «В особенности же империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление „государственной машины“, неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах» (т. 33, с. 33). В построении развернутого обособленного приложения вместо сочетания слов *эпоха банкового капитала, гигантских капиталистических монополий, перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм* В. И. Ленин применяет повторение сочетаний: «эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм». Такое употребление приложений с повторением стержневого слова *эпоха* всесторонне поясняет и эмоционально подчеркивает значение слова *империализм*.

С помощью обособленных приложений конкретизируется содержание личных местоимений: «Торговля — вот то „звено“ в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, „за которое надо всеми силами ухватиться“ нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии» (т. 44, с. 225). Дважды употребленное личное местоимение в дательном падеже *нам* наполняется особым содержанием, а высказывание в целом становится более выразительным.

У В. И. Ленина часто встречаются пояснительные конструкции с союзом *то есть*. Их употребление в научных трудах, в публицистических статьях, в ораторских выступлениях способствует ясности и доступности изложения. Основная функция обособленных приложений с союзом *то есть* — пояснять научные термины, непонятные слова и словосочетания: «А диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии» (т. 33, с. 88—89); «Соз-

далась оторванность оппортунистических партий от „масс“, т. е. от наиболее широких слоев трудящихся, от большинства их, от наихудше оплачиваемых рабочих» (т. 41, с. 25—26). Во второй цитате пояснительная конструкция с союзом *то есть* построена на соединении трех обособленных приложений, экспрессия которых усилена тройным употреблением предлога *от*.

Чтобы научные термины были понятны и доступны, В. И. Ленин по несколько раз и в разной форме пояснял и уточнял один и тот же политический, экономический, философский термин. В книге «Государство и революция» читаем: «Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т. е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою» (т. 33, с. 83). И в следующем предложении: «Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т. е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще» (т. 33, с. 83). Повторения определяющих слов (*одного* класса, *одной* части; *всякого... насилия, всякого насилия*) придают конструкциям с союзом *то есть* смысловую весомость.

Существенной особенностью стиля В. И. Ленина является постоянное выделение, подчеркивание характерных признаков анализируемого явления. «Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического» (т. 41, с. 8) — здесь прилагательные представляют собой парные сочетания противоположных признаков. Единство логического и эмоционального с особой силой раскрывает смысл в этих парах: *движения — легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического*.

Своеобразие синтаксического построения проявляется и в употреблении причастных и деепричастных оборотов. В научных трудах и публицистике В. И. Ленина причастные обороты часто употребляются для пояснения отдельных явлений, связанных с основным содержанием предложения или его определенной части: «Партия, заключившая компромисс с германскими империалистами, который

состоял в подписании Брестского мира, вырабатывала свой интернационализм на деле с конца 1914 года» (т. 41, с. 21); «Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков, имеющая, по данным последнего партийного съезда (IV. 1920), 611 тысяч членов» (т. 41, с. 30). Причастные обороты способствуют сжатости и четкости мысли, придают высказываниям определенный стиль, характерный для ораторской речи. Кроме того, устраняется возможное повторение слова *который* в придаточных определительных предложениях.

Четкими и ясными являются такие предложения, в которых причастные обороты поясняют несколько однородных придаточных частей: «История сыграла такую шутку, что в России в 1905 году родились Советы, что их фальсифицировали в феврале — октябре 1917 года меньшевики, обанкротившиеся вследствие неумения понять их роль и значение, и что теперь *во всем мире* родилась идея Советской власти, с невиданной быстротой распространяющаяся среди пролетариата всех стран, причем старые герои II Интернационала *повсюду* так же банкротятся благодаря их неумению понять роль и значение Советов, как наши меньшевики» (т. 41, с. 13). Здесь причастные обороты раскрывают ведущие понятия определительных придаточных частей «меньшевики, обанкротившиеся вследствие неумения понять их роль и значение»; «идея Советской власти, с невиданной быстротой распространяющаяся среди пролетариата всех стран».

Причастные конструкции создают емкие параллельные построения, усиленные приемом повторения. В результате в причастии активизируется значение действия: «Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (т. 41, с. 27) — три однотипных причастных оборота уточняют и раскрывают существенные признаки понятия *партия* в сжатой и выразительной форме.

Деепричастные обороты также являются важным стилистическим средством в ленинской речи. «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием

и тщательностью за всяким и каждым „последним словом“ Европы и Америки в этой области» (т. 41, с. 7—8). Речь идет не только о том, что передовая мысль России «жадно искала правильной революционной теории», но и о том, что она *искала*, «следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом“ Европы и Америки в этой области»; развернутое обособленное деепричастие усиливает главное действие важным дополнительным действием и подчеркивает их единство, их связанность.

Деепричастные обороты встречаются также в сочетании с иными стилистическими средствами. «Показав таким образом, что авторитет и автономия — понятия относительные, что область применения их меняется с различными фазами общественного развития, что за абсолюты принимать их нелепо, добавив, что область применения машин и крупного производства все расширяется, Энгельс переходит от общих рассуждений об авторитете к вопросу о государстве» (т. 33, с. 61). Два однородных деепричастия *показав* и *добавив* конкретизируются придаточными дополнительными предложениями (первое — тремя, с однородным соподчинением, второе — одним). Обособленный деепричастный оборот всесторонне характеризует основное действие, выраженное глаголом *переходит*.

●

Мы рассмотрели типичные случаи употребления обособления как стилистического средства в языке произведений В. И. Ленина. Целенаправленное применение обособленных конструкций является постоянным признаком научного, публицистического и ораторского стилей В. И. Ленина.

П. М. ФЕСУНЕНКО
Киев

БЛИЖАЙШИЙ соратник В. И. Ленина, государственный и общественный деятель, профессиональный революционер Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933) был выдающимся партийным организатором, талантливым дипломатом, публицистом, критиком, писателем, драматургом, искусствоведом, академиком.

**В ПОМОЩЬ
ПРОПАГАНДИСТУ**

А. В. ЛУНАЧАР-

СКИЙ —

ОРАТОР

Обладая энциклопедическими знаниями, огромной эрудицией, блестяще владея многими европейскими языками, занимая ответственный пост народного комиссара просвещения, А. В. Луначарский внес неоценимый вклад в дело создания социалистической культуры. Вместе с Н. К. Крупской, М. Н. Покровским и другими видными деятелями просвещения он заложил базу новой системы образования, разработал основные положения теории и практики строительства советской школы. В многочисленных выступлениях, посвященных творчеству Пушкина, Гоголя, Некрасова, Чернышевского, М. Горького, Маяковского и др., в сообщениях и репортажах о международном положении, в речах по вопросам педагогического образования проявлялась эрудиция Луначарского.

Лекции, дискуссии и диспуты с его участием неизменно собирали широкую аудиторию, неоднократно прерывались или заканчивались аплодисментами. Современникам казалось, что Луначарскому не составляло особого труда выступить с речью, написать статью на любую тему. Однажды после очередного импровизированного доклада Луначарского спросили: как ему удается столь блестяще выступать без подготовки? Он ответил: «Я готовился к этому всю жизнь». Блестящая образованность Луначарского, поразившая всех, — результат огромного постоянного труда.

Будучи наркомом просвещения, А. В. Луначарский часто выступал перед учителями, профессорами, студентами, рабочими, деятелями науки и искусства с речами и

докладами о социалистической революции и задачах просвещения, о воспитании нового человека, о стоявших перед молодым государством проблемах образования и обучения. Готовил ли речи по вопросам педагогики и просвещения, анализировал ли театральные постановки — он широко использовал все выразительные возможности слова, считая, что мысли должны излагаться не только понятно и грамотно, но и эмоционально. Луначарский выступал убежденно и вдохновенно, передавая слушателям свое настроение.

Рассмотрим языковое мастерство Луначарского на примере его выступления на I Всероссийском съезде по просвещению. Съезд проходил в Москве с 25 августа по 4 сентября 1918 года. В работе приняли участие В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, П. Н. Лепешинский и другие. Луначарский произнес речь 26 августа (в кн.: Луначарский о народном образовании. М., 1958). Как же он построил выступление и какие языковые средства при этом использовал?

Луначарский всегда придавал большое значение составу слушателей. Он знал, что успех доклада во многом зависит от контакта с аудиторией. Для установления этого контакта у Луначарского было много разных приемов. Он считал, что особая доверительность докладчика всегда располагает к нему слушателей. В выступлениях Анатолий Васильевич обычно вспоминал о каком-либо случае, происшедшем с ним, приводил тот или иной подходящий пример, рассказывал о В. И. Ленине и его соратниках, об известных деятелях литературы и искусства, о встречах и беседах с ними. Так же была построена его речь и 26 августа 1918 года:

«В первые дни, когда я сделался комиссаром народного просвещения и подобрал 5—6 человек наиболее подготов-

ленных людей, я обратился к учительству с просьбой, чтобы оно шло к нам на помощь. Я указал в общих чертах, как я представляю себе задачи школы, и просил, чтобы педагоги откинули политику и шли работать к нам в обновленные школы»; «Едва только мы в Петрограде наладили этот аппарат [Народный комиссариат просвещения.— В. С.], едва только мы подумали, что можем жить реальной жизнью.., как началось немецкое наступление. Необходимо было значительную часть комиссариата перевести сюда [в Москву.— В. С.]... Вы ведь знаете, что такое эвакуация, что такое перенесение всех этих бумаг, касс, архивов и т. д.».

Луначарский использует различные образные языковые средства, внося эмоционально-экспрессивную окраску. Он включил около 50 фразеологизмов: *нести знамя; говорить полным голосом; бросаться в глаза; пустой звук; рано или поздно; биться как рыба об лед; охать и ахать; абсолютный нуль; далеко не уедешь; в один прекрасный день; достигать апогея; закрывать глаза* и др.: «Только хватило бы у нас того персонала, который может дать реальные знания жаждущему учительству. Без этих сотрудников пустым звуком была бы вся программа, ибо школа без учительства есть определенный и абсолютный нуль»; «Наша революция не останется бесплодной, мы пришли и взяли власть не для того, чтобы в один прекрасный день ее отдать, а для того, чтобы создать этот новый прекрасный мир. Мы должны высоко нести наше знамя...»; «Раньше педагоги не говорили полным голосом, они боялись министров...».

Желая довести до слушателей содержание выступления, Луначарский объясняет значение некоторых слов, уточняет основные положения: «Мы знаем, что человеческое общество в историческом развитии неразрывно связано с природой, что труд есть тот корень, из которого вырастает естествознание, то есть понимание природы»; «Мы хотим подлинного народовластия, то есть передачи всей власти народным массам»; «Разумеется, и эстетическое образование не может быть оставлено в стороне: мы понимаем его, как развитие творческих побуждений человека к красоте. Основная задача человека — сделать себя и все вокруг себя красивым».

Говоря о внутреннем положении нашего государства, о тех трудных условиях, в которых приходится заниматься проблемами образования, строительством культуры, Луначарский

чарский использует образные средства языка. Диктатуру пролетариата он называет «сердцем и мозгом народа», о тяжелом труде американских рабочих говорит, что они «потом поливают машину». Гипербола довольно часто встречается в этой речи Анатолия Васильевича (*бешеный саботаж, идти по горло в крови и грязи* и др.): «Нам сейчас трудно, мы должны идти по горло в крови и грязи, но после нашей революции (как после каждой великой революции) придет волна творчества и расцветет новое, прекрасное, благоухающее искусство».

Известно, что удачные сравнения помогают лучше усвоить мысль, выдвигаемое положение, и Луначарский часто их употребляет: «Мы не могли пригласить туда [в местные комиссии.— В. С.] врагов, которые не согласны с нами., вводить чужой элемент было бы равносильно тому, чтобы ввести чужих офицеров в свою крепость». Он придает большое значение использованию эпитетов, которые уточняют понятия, дают оценку явлениям, фактам, людям (*горячее стремление, прекрасное поколение* и др.): «Конечно, существует только одна объективная правда для каждого данного времени, но, очевидно, не каждый класс смеет принять всю эту правду. Один только пролетариат имеет эту смелость, тогда как буржуазия принимает науку постольку, поскольку ей это выгодно. Когда же наука делает выводы губительные, убийственные для этого класса, тогда буржуазия закрывает на них глаза».

Луначарский намеренно вводит лексику разных речевых пластов: книжную, высокую, разговорную и просторечную (*аксиома, санкция, санкционировать, дебатировать, храм, страж, скопище, хартия, эксцесс, ухаживание, грядущий, горнило, поножовщина, поголовно, покамест, выклянчивать, околпачить* и др.): «Буржуазия пустила в ход все средства, чтобы околпачить весь мир...»; «Недавно я на диспуте дебатировал со священниками...». В речи используются и антонимы (*минимум — максимум, радоваться — огорчать* и др.): «Наш лозунг — минимум полицейского насилия, минимум давления на массы и максимум просветительной работы»; «То, чего мы добились за эти 10 месяцев, заставляет верить в пас всемирный пролетариат. Пролетариев Запада глубоко огорчают наши ошибки, их радуют наши успехи».

Оратор пользуется повествовательными, описательными приемами изложения, прибегает к вопросно-ответной форме речи: «Тут поднимается очень серьезный вопрос,

можем ли мы ограничиться только общим образованием? Нет, нужно еще техническое образование, которое сделало бы человека полезным членом общества, чтобы он не был энциклопедистом». В речи употреблены разные типы предложений, в том числе и сложные. Благодаря повторыям частей, особой ритмичности такие предложения легко воспринимались на слух. Луначарский прибегает к анафоре, то есть одинаковому построению начала предложений: «Мы хотим воспользоваться идеей Ленина — пользоваться памятниками как пропагандой. Мы хотим всюду делать надписи, гласящие великие мысли и чувства, взяв их у великих мыслителей. Мы хотим воздвигнуть храмы наши, там будут изображения великих людей, как иконы... Мы хотим, чтобы города были не только торжищем, но и храмом...». Здесь преднамеренно многократно используется сочетание местоимения *мы* с глаголом *хотим*. Этот прием создает определенный ритм речи, позволяет слушателям следить за ходом излагаемого материала.

Наряду с анафорой встречается лексический повтор. Предложения построены с повторяющимся союзом *если*, местоимением *наш* и др.: «...если учителя не получили денег, если не было связи с учительством, если во всю организацию Комиссариата народного просвещения было внесено разрушение, если мы почти год бились, как рыба об лед, чтобы подойти к делу, то вина на тех, которые отказались от передачи дел нам»; «Вера, с которой мы подходили к делу, поможет нам сломить врагов и показать нашу правду, нашу истину», Особую роль играет повтор рядом стоящего слова: «Но есть опасность другого рода: это борьба, борьба с только что повергнутым врагом, который все еще готов поднять голову...».

Выступавшему с трибуны А. В. Луначарскому часто приходилось спорить, вскрывать и разъяснять ошибки, поправлять впадавших в заблуждение товарищей. Луначарский «был мастером полемики, — писал известный писатель Л. Никулин, — умел сразу найти слабое место в доводах противника и атаковать его, разбить и заставить признать свое поражение, но при этом не позволял себе никаких личных, оскорбительных выпадов» (Никулин. Годы нашей жизни).

Полемика занимала ведущее место в арсенале ораторских средств А. В. Луначарского, особенно во время Ве-

ликой Октябрьской социалистической революции и в первые годы Советской власти. Полемизируя, он сначала отвечал противнику, а затем разоблачал его лживые, извращающие действительность утверждения. Так, например, когда в 1925 году в нашей стране отмечалось 200-летие Академии наук, на юбилейные торжества съехались ученые из разных стран мира. Буржуазные ученые в своих выступлениях выдвигали фальшивый тезис об аполитичности науки. Они говорили, что наука — это светило, которое одинаково светит всем, независимо от классовой принадлежности. От молодой Советской республики выступил нарком просвещения А. В. Луначарский. Он опроверг тезис об аполитичности науки. Действительно, соглашался с иностранными учеными А. В. Луначарский, солнце светит всем. Но когда лучи его падают на вспаханную пахарем землю, она дает прекрасные всходы, а когда те же лучи падают в мусорную яму, то под их воздействием развиваются отвратительные микробы, несущие эпидемии, заразу и смерть человеку.

На этом юбилейном заседании Анатолий Васильевич продемонстрировал блестящее знание иностранных языков. Он начал свою речь на русском языке, затем продолжил на немецком, французском, итальянском и закончил традиционной для ученых латынью. Изумлению профессоров не было предела. Речь А. В. Луначарского на юбилее Академии наук надолго осталась в памяти ученых. После этого буржуазная пресса провозгласила советского наркома А. В. Луначарского самым культурным и эрудированным министром просвещения в Европе.

Вклад А. В. Луначарского в развитие советского ораторского искусства, в теорию и практику пропагандистского мастерства огромен. Обладая исключительным импровизаторским даром и большим ораторским опытом, А. В. Луначарский постоянно работал над содержанием и формой речей, стремясь к их совершенствованию и улучшению. Марксистский, революционный оптимизм, ленинская вера в неизбежность победы коммунистических принципов и идеалов являлись основой мастерства Луначарского-оратора.

В. Н. СЕРГЕЕВ
Ленинград

Рисунок Ю. Космынина

Поэту К. Н. Батюшкову очень не везло — и при жизни (ранняя тяжелая болезнь), и в посмертной славе, и в последующем изучении и оценке его творчества историками литературы. Язык, стиль, художественный метод Батюшкова не определены, не ясно даже — к классицизму или романтизму, к предромантизму или предреализму принадлежит этот яркий и самобытный поэт. Современники часто объединяли Батюшкова с Жуковским. Белинский их разъединял: «Направление поэзии Батюшкова совсем противоположно направлению поэзии Жуковского. Если неопределенность и туманность составляют отличительный характер романтизма в духе средних веков,— то Батюшков столько же классик, сколько Жуковский романтик; ибо определенность и ясность — первые и главные свойства его поэзии».

Действительно, на место условно-абстрактного лирического повествования Жуковского приходит живой и непосредственный монолог поэта у Батюшкова. Это дало основание литературоведам утверждать, что им впервые в русской поэзии создан «лирический герой». Косвенно эти выводы можно подтвердить соображениями П. А. Вяземского, который писал в конце декабря 1819 года А. И. Тургеневу:

«Главная примета не в выборе предметов, а в приеме: как, с какой стороны смотреть на вещь, чего в ней не видишь и чего в ней не доищешься, другим неприметного. О характере певца судить не можно по словам, которые он поет, но можно, по крайней мере, догадываться о нем по выражению голоса и изменениям напева. Я не очень ясно мысль мою выражаю, но в ней кроется семя истины. Со временем взгляну. Неужели Батюшков на деле то, что в стихах? Сладострастие совсем не в нем».

Примечательно, что подобные вопросы возникают именно в это время и именно в связи с Батюшковым. Подобный вопрос был бы немислим, например, в отношении лирического образа Жуковского.

Отмеченная Белинским ясность и определенность поэзии Батюшкова обуславливается ее направленностью к конкретным понятиям и предметам быта. Своеобразный характер этой «конкретики», «вещественности» раскрыл Г. А. Гуковский. Приведем строки из стихотворения «К другу» (1815 г.) — оно обращено к Вяземскому,—

Но где минутный шум веселья и пиров?
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой Фалерн и розы наши?

исследователь писал: «Образно — объективно, вещественно реализовать эти слова нельзя,— получится немислимая безвкусица».

Неужто же вторая строка может быть понята в том смысле, что люди напились и уронили бокалы в вазу для пунша или т. п.? Я нисколько не шаржирую, говоря так. Ведь речь в этих стихах идет не о Греции или Риме, а якобы предметно о Москве, и даже точнее — о доме Петра Андреевича Вяземского и о пирушках в нем перед 1812 годом. Следовательно, если только попытаться понять самый текст стихов Батюшкова предметно, придется понять их именно так, как я говорю; много смысла придать данной строке в вещественном ее значении и нельзя; ...Все это в конце концов безразлично, ибо ведь здесь не стаканы и не бокалы, а чаши, опять слово-символ вакхических упоений... И неужто противопоставление: твой Фалерн и розы наши, значит именно твой и наши в смысле реальной принадлежности вина и цветов (вино, мол, твое, а цветы наши). Нет, розы — опять комплекс мироощущения; ты вносил в нашу жизнь праздник, античное упоение, а мы — цветенье молодости, любви, красочность и свежесть, — вот сухая и сокращенная формулировка того, о чем говорится в этом стихе» (Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965, с. 101).

Конкретное у Батюшкова становится абстрактным, объективное — субъективным. Ре-

ВЕЗДЕ ЯЗЫК ПОЭЗИИ

К уроку литературы

альное, предметное превращается в идеальное, служит средством конструирования идеала. Романтический идеал выражается у Батюшкова реалистическими, точнее — реальными средствами. Это иногда производило впечатление двойственности, неупорядоченности, разнобоя.

Сохранились заметки, которые делал Пушкин на полях второй (стихотворной) части «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова. Против некоторых стихов Пушкин пишет: «Вяло, темно, дурно... Но чаще: прекрасно, прелесть, смело и счастливо, прелесть! — да и все прелесть!» А против стихов:

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты...—

Пушкин восклицает: «Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков». Но интересно несоответствие, какое нашел Пушкин в первых строках элегии «Выздоровление». Стихотворение началось сравнением:

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца...—

Пушкин заметил: «Не под серпом, а под косою. Ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных...».

«Конечно, это так, с точки зрения пушкинского миропонимания и стиля конца 20-х годов, уже реалистического, — объяснял Г. А. Гуковский. — Но с точки зрения стиля Батюшкова, как и стиля Жуковского, это не так, потому что здесь и ландыш — не просто цветок, и серп — не сельскохозяйственное орудие, а ландыш — символ молодой, нежной, «весенней» жизни и поэзии, и еще многое другое, чисто эмоциональное, и серп — символ жатвы смерти, неутомимой силы гибели; недаром он — «убийственный», то есть опять эпитет определяет тональность предметного слова как непредметного. Ведь обыкновенный серп, которым жнут, как и серп — символ труда — никак не убийственный».

Слово *ландыш* также имеет чисто символический смысл, не предметно-реальный. Связанные с ним *склоняет голову, вянет* передают именно состояние человека, передают образно, метафорически.

Понятно, почему для Батюшкова характерна традиционная поэтическая фразеология, имевшая абстрактно-символический смысл: *слезы скорби, поле славы, закат дней, путь жизни* и др. И эта поэтическая фразеология соединяется в его стихах с конкретной, почти реальной лексикой. Например, многие поэты, от Ломоносова до Жуковского, употребляли перифразу «военная не-

погода». У Жуковского — «Молчит гроза военной непогоды...»,
У Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе»:

Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!

Высокая перифраза всегда шла в высоком окружении. Контекст же Батюшкова оригинален;

Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы...

Поэт остается верен себе: традиционный, условно-поэтический, восходящий к аллегорической манере поэтов XVIII века образ сопряжен с реальным «заревом столицы». Для Батюшкова чрезвычайно характерно это чередование абстрактно-условного и конкретно-бытового. Первое облагораживает, возвышает простое и реальное, второе оживляет, насыщает точным содержанием, преобразует условность. Если раньше реальный план оставался за стихом, за образом, то теперь он входит в стих. «Элементы реализма» не противоречат общей романтической установке поэта. В «Моих пенатах» есть строки:

В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном...

«Убогая хижина», как справедливо отмечали многие исследователи, играет такую же роль в стихах Батюшкова, как и «мирт», и «лавр», и любимые им образы и предметы античного мира.

О реализме это не свидетельствует. Понять поможет аналогия со сказочным описанием: сказочный персонаж может быть описан очень конкретно, но все же останется сказочным персонажем. Яркими, светлыми красками (в отличие от мрака и печали Жуковского) рисует Батюшков свой идеал, который он представляет ясно, скульптурно.

„Яркий“ и „светлый“ — любимые эпитеты Батюшкова, — отметил Н. В. Фридман. — В его стихотворениях доминирует цветовая гамма красно-желтых тонов, гармонирующая с радостной напряженностью эмоций лирического героя. См. эпитеты: багряный, пурпурный, румяный, золотой, желтый, янтарный. Нередко встречаются у Батюшкова и эпитеты: синий, лазурный, зеленый, серебряный, лилейный. Напротив, у него почти отсутствуют черные и серые тона, чаще всего отражающие «пониженные» эмоциональные состояния» (Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова, М., 1971, с. 288—289).

Своеобразие и значительность образов Батюшкова можно увидеть в сравнении с его современниками. Для этой цели воспользуемся сопоставлением двух переводов «Песни Гаральда Смелого», проведенным Н. В. Фридманом. Эту «Песнь» перевели Н. А. Львов и Батюшков. В ней рассказано о любви одного из норвежских королей, известного скальда Гаральда по прозвищу Смелый (XI в.) к его будущей жене — русской княжне Елизавете (дочери Ярослава Мудрого). Эта песнь привлекла к себе внимание в Европе и в России. Н. М. Карамзин писал об исторической основе песни: «Елизавета не презирала его: он следовал единственно обыкновению тогдашних нежных рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своих любовниц... Гаральд женился на Елизавете в 1045 году... Она скоро умерла, оставив двух дочерей...». В переводе Н. А. Львова Гаральд говорит о своих достоинствах так:

Не досуж ли, не горазд ли я на восемь рук?
Я умею храбро драться и копьём бросать;
Я веслом владеть умею и добрым конем;
По водам глубоким плавать я навьк давно;
По снегам на лыжах бегать аль не мастер я?..

Насколько же совершеннее это выразил Батюшков:

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду...

Н. В. Фридман так комментировал данное сопоставление: «В отличие от Львова Батюшков рисует цельные, законченные и в высшей степени динамичные картины и вместе с тем наполняет свою песнь конкретными деталями, которые становятся почти физически ощутимыми для читателя. Эти детали закреплены рядом точных эпитетов («звонкий лед», «хладная влага» и т. д.) и замечательно ярким сравнением «окрылившего» ноги железом витязя с лебедем, «идушим» по морю» (там же, с. 289—290).

Сопоставление, действительно, очень характерно и показательно, но совсем не в том направлении, которое указано Н. В. Фридманом. Все его рассуждение представляется неточным. Начать с того, что у Батюшкова нет «замечательно яркого сравнения» окрылившего ноги железом витязя с лебедем. Гаральд у Батюшкова говорит, что, «окрылив железом ноги» (т. е. надев конь-

ки), он обгоняет лань, а плавает он, как лебедь. Здесь скорее вообще нет сравнения (в литературном смысле), налицо простое сопоставление (в общеязыковом и даже житейском значении). Эпитеты *звонкий лед*, *хладная влага* и т. д. точны, но просто сказать так — значит ничего не сказать. Например, определения к существительному «лед» — *тонкий, крепкий, прозрачный* — тоже были бы точны. Своеобразие эпитетов у Батюшкова вовсе не в том, что они конкретизируют признаки предмета в логико-понятийном, реальном отношении. Если брать вопрос шире, то опять-таки дело не в том, что Батюшков «наполняет свою песнь конкретными деталями». Львов куда конкретнее Батюшкова (как вообще поэт-классик конкретнее и реальнее поэта-романтика). В самом деле, у Батюшкова Гаральд «летает на бурном питомце пустыни», а у Львова сказано прямее: Гаральд «владеет добрым конем». У Батюшкова — «окрыленные железом ноги», у Львова — Гаральд «мастер бегать на лыжах»; у Батюшкова неясное «хладную влагу рукой рассекая», у Львова определенное: «плавать я навик давно»; и даже «умею храбро драться» точнее и реальнее, чем «рушил секирой твердыни». Если подходить с позиций логической точности, то Батюшков проиграет, уступит Львову по всем пунктам. Сила Батюшкова (а прелесть речи его Гаральда слишком заметна в данном сопоставлении) вовсе не в реальности или конкретности деталей и эпитетов. «Звонкий» к существительному «лед» все-таки не простое определение, а поэтическое, экспрессивное. «Влага» у него все-таки «хладная», а не «холодная», да и само слово «влага» поэтичнее, чем точное «вода», которое могло бы здесь быть и, действительно, есть в стихах Львова. И пожар у него не просто «пожар» или «огонь пожара», а «пожарный огонь», лебедь — «отважный».

Батюшков описывает конкретные действия, предметы, явления, но в изображении их он, не уходя в отвлеченные категории, пользуется слегка приподнятыми, возвышенными поэтическими средствами, но так, что они особенно не выделяются, не бросаются в глаза. Маскировка достигается благодаря чередованию: конкретное и простое (что может быть естественнее вопроса: «Вы, други, видали меня на коне?») сочетается с изысканным, поэтическим. Если в первой строке: «видали», «на коне», то во второй — «Вы зрели...», «на бурном питомце пустыни». Реальные «пепел», «вьюга» и «огонь» соседствуют с «рушил секирой твердыни»; перифрастическое «рассекать рукой влагу» — с «по морю иду».

Такова основа образности Батюшкова: во взаимодействии простой речи и «языка богов». То, что прежде полагалось разделять, распределять в зависимости от темы и жанра, теперь соседствует, оживляя и подкрепляя одним другое. Поэтому и конкретность у Батюшкова вела к скульптурности, то есть к идеалу, к реальности

искусства, а не быта. Это было лишь приближение к быту, которое помогало абстракцию сделать осязаемой. Об этом писал В. В. Виноградов: «Конкретная, осязательная пластичность, скульптурность образов в стиле Батюшкова очень часто является следствием их приближения к бытовым явлениям, к впечатлениям повседневной жизни».

Любопытно в этой связи, какие строки Батюшкова особенно нравились Пушкину. Так, на полях «Опытов» против строк из элегии «На развалинах замка в Швеции»:

Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы,..—

Пушкин написал: «Живо, прекрасно». А ведь здесь четкий параллелизм простого обозначения и поэтической перифразы. «Прелесть! — да и все прелесть!» — восторженное восклицание Пушкина вызвано такими строками из элегии Батюшкова «К другу»:

Минутны странники, мы ходим по гробам;
Все дни утратами считаем;
На крыльях радости летим к своим друзьям,
И что ж? Их урны обнимаем...

Батюшков пишет о себе, о друзьях, о конкретном случае, и здесь же — «минутны странники», «на крыльях радости», не говоря уже о выразительной метафоре — «все дни утратами считаем...». Одно из самых характерных стихотворений Батюшкова, послание его «К Жуковскому», начинающееся словами:

Прости, балладник мой,
Белёва мирный житель!
Да будет Феб с тобой,
Наш давний покровитель...—

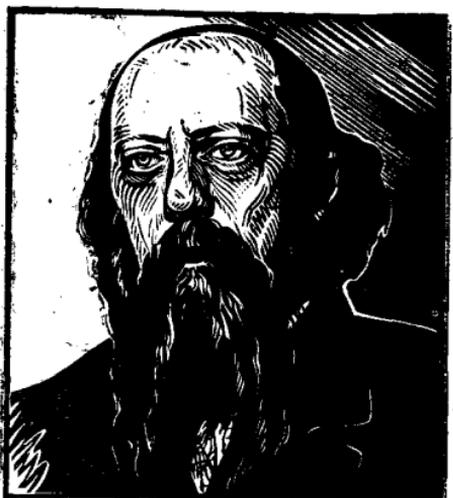
где налицо сплав живого просторечия и «языка богов» (показательно обилие перифраз, да еще каких — «Белёва мирный житель!»), вызвало примечательный отзыв Пушкина: «Прекрасно, достойно блестящих и небрежных шалостей французского остроумия, — и везде язык поэзии».

Стихотворения Батюшкова были собраны еще при жизни поэта в книге, которая называлась «Опыты в стихах и прозе». Это, действительно, были опыты, давшие замечательные результаты. Поэтическое словоупотребление Батюшкова проложило новые пути, по которым пошла русская поэзия.

В. В. ОДИНЦОВ

Рисунок С. Гавриловой

В царской России, стране деспотического самодержавного режима, многие прогрессивные писатели вынуждены были обращаться к особой манере повествования — эзопову языку — художественной речи, основанной на иносказании, широко использовавшей иронию. Блестящий образец применения эзопова языка в русской литературе дает творчество Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

«ИДЕИ В МАСКАХ» М. Е. САЛТЫКОВА- ЩЕДРИНА

Сам сатирик называл свою «манеру писать» рабьей, имея в виду прежде всего ее вынужденный, связанный с непрерывными цензурными давлениями, характер. Но то была речь внутренне свободного, независимо и честно мыслящего художника, и автор «Губернских очерков» и «Истории одного города» предупреждает, чтобы ее не путали с языком раболепствующей литературы. Эзоповский «рабий язык» — совсем иное дело. Художественный эффект его основан на расшифровке подтекста. Он был верным и поэтически экономным посредником между писателем и читающей публикой. Нужно Салтыкову-Щедрину рассказать о пристрастии своих героев к шпионажу и доносам, он употребляет иносказательные выражения, вроде «сердцевед», «собирает статистику» или «командированный чин». И читателю сразу становится ясно, о ком речь. Дикий произвол начальства именуется «цивилизацией», а пощечины, которые достаются мужику от полицейских — «аплодисментами».

Иногда сатира открывается указанием, что рассказ ведется о давно прошедших временах («В старые годы, при царе Горохе...» или «Нынче этого нет, а было такое время...»), хотя весь смысл дальнейшего повествования, бесспорно, относится к современности.

Вводя в сатирические очерки и сказки вместо людей разное зверье, Салтыков-Щедрин свободно употребляет самые сильные определения. Загримирует он, положим, какое-нибудь весьма высокопоставленное лицо под медведя и принимается при каждом удобном случае величать его «негодяем» и «скотиной». Формы остроумной и едкой щедринской эзоповской речи чрезвычайно разнообразны.

В устах Салтыкова-Щедрина эзопова речь превратилась в одно из действенных средств пропаганды революционно-просветительских идей в условиях свирепого цензурного гнета. «Ведь открыто смеяться нельзя,— говорил А. В. Луначарский,— ведь вещи нельзя называть прямо своими именами, ведь надо надевать на свои идеи маску. Но идея в маске — это одна из высших форм искусства. Именно то, что свой тончайший и ядовитейший анализ русской общественности и государственности Щедрин умел виртуозно одевать в забавные маски, спасло его от цензуры и сделало виртуозом художественно-сатирической формы» (Луначарский А. В. Русская литература. Избранные статьи. М., 1947, с. 201).

Однако не могло же быть так, что эзоповская речь, доступная прогрессивно настроенному читателю, оставалась непонятой идеологами реакции, цензорами и т. д. Власти превосходно угадывали смысл любого «неблагонадежного» сочинения, но беда для них была в другом. Трудно было не столько обнаружить истинные намерения автора, сколько вразумительно мотивировать обвинение в его адрес. Попробуй обвинить сочинителя в непочтительном отношении к царю, так ведь художник резонно заметит, что не он государя сравнивает с тварью животной, будь то лев, орел или медведь, а сам, мол, обвинитель проделывает это сомнительное уподобление. У него же в сказке, в очерке или в повести нет ни слова ни о ком из освященных властью лиц. И что самое главное — формально писатель будет всегда прав.

Салтыков-Щедрин блестяще использовал богатейшую изобразительность и выразительность русской речи, заключенную в слове множественность смысловых рядов, оттенков, связей, полисемантику словесного образа, его объемность и неисчерпаемость.

В настоящем произведении искусства, по замечанию сатирика, «каждое слово — богатая картина; каждое выражение образно и рельефно». Салтыков-Щедрин в своих глубоких размышлениях о писательском мастерстве, о свойствах языка художественной и публицистической литературы обращал внимание и на «живые образы», и одновременно на их претворение в слове. Первоочередными он считал «признаки жизненной правды» характеров и обстоятельств, а не «образчики более или менее правильного словосочетания». Однако процесс реализации образа в слове не был в созна-

нии Салтыкова-Щедрина односторонним, он заключал в себе и обратное воздействие слова на образ.

Традиционное, устойчивое понятие не исчерпывает затаенного в слове смыслового богатства. Говоря, к примеру, о слове «благонамеренность» (одним из излюбленных щедринских слов, употребляемых в различных сатирико-публицистических контекстах) и о заключенном в нем содержании, Салтыков-Щедрин предупреждал: «Я собственно не имею ничего против этого почтенного выражения, и преследую лишь иезуитизм, который им прикрывается». За обычным, издавна закрепившимся за словом понятием проглядывает иное, видоизмененное злобой дня.

Салтыков-Щедрин очень часто путем нарочито-буквального прочтения известной поговорки или фразеологизма, бытующих лишь в переносном смысле, до предела использует их образную семантику: «Возьмем для примера хоть одно такое выражение: *согнуть в бараний рог*. Что нужно сделать, чтобы выполнить эту угрозу? Нужно перегнуть человека почти вчетверо, и притом так, чтоб головой он упирался в живот и чтоб потом ноги через голову перекинулись бы на спину. Только тогда образуется довольно правильное кольцо, обвившееся само около себя и представляющее подобие бараньего рога. Возможно ли подобное предприятие? — по совести, это сказать нельзя. Я уверен, что человек умрет немедленно, как только начнут пригибать его голову с теми условиями, какие необходимы для подобной операции».

В щедринских сатирах встречаются и более лаконичные, но не менее выразительные превращения пословиц, поговорок, устойчивых словосочетаний. Вот как в необходимом ему эзоповском ключе развивает писатель скрытое образное начало поговорки *уши выше лба не растут*, разоблачающей одновременно и обывателей, укрывающихся за эту «пошлую мудрость», и «столпов» жизни, сбывающих ее массам в своих корыстных интересах. В одном случае, приводя эту пословицу, Салтыков-Щедрин метит в цензурное ведомство, самим своим существованием напоминающее литературе о положенных ей пределах. Щедринские Пустоплясы так разглагольствуют о Коняге: «Понял он, что уши выше лба не растут, что плетью обуха не перешибешь...». Напомнив поговорку, внушаемую русскому человеку «с детства», Рассказчик в «Похвале легкомыслию» заявляет: «С тех пор я не только не пытаюсь, но просто-напросто ничего не понимаю и только наблюдаю, чтоб уши мои как-нибудь не выросли сверх пропорций».

Синтаксическая деформация устойчивых выражений приводит всякий раз к комически неожиданному смысловому эффекту. Скажем, поговорка *упечь туда, куда Макар телят не гонял* становится у Салтыкова-Щедрина эзоповской перифразой, обозначающей адми-

нистративную политическую ссылку. Вариаций этого образа в щедринских произведениях множество. Поговорка то возникает в воображении героя как призывный начальственный клич: «услать его туда, куда Макар телят не гонял», то употребляется глуповским летописцем в элегически-повествовательной манере (смещенный с поста градоначальника Беневоленский, «сев в кибитку, благополучно последовал в тот край, куда Макар телят не гонял»), то используется Рассказчиком в целях разоблачения тех или иных примет «нашей общественной жизни» («...Ташкент есть страна, ...где имеет право гражданства предание о Макаре, телят не гоняющем»). Один из безымянных молодых героев очерка «Непочтительный Коронат», вызывающий искреннюю симпатию писателя, многозначительно роняет: «Прощайте! я на днях туда вырну, откуда одна дорога: в то место, где Макар телят не гонял!» Авторские вторжения в народно-идиоматические структуры могут быть еще значительнее. Говоря о превратностях судьбы, русские «культурные люди», возвращающиеся из заграничной поездки, рассудительно замечают о всевидящем начальственном оке: «...а ежели чего паче чаяния — в пастухи определят, вместе с Макаром телят пасти велят» (Подробнее о фразеологическом новаторстве Салтыкова-Щедрина см.: Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953).

В письме к А. Н. Пышину в 1871 году Салтыков-Щедрин делится своими раздумьями над существом сатирического письма: «...Я выработал себе такое убеждение, что никакою формой стесняться не следует, и заметил, что в сатире это не только не безобразно, но иногда даже и не безэффектно». Яркостью и многозначностью выражения сатирической мысли писатель обязан «живому, образному русскому слову», к которому он относился необычайно бережно, рассчитывая каждое слово, чтобы оно не представляло диссонанса, чтоб оно было именно то самое, какое следует. Сатирику претила всякая нарочитость, манерность, выпренность слога, равно как и элементарная речевая небрежность, стилистическая глухота, высокомерное отношение к законам читательского восприятия. «Прежде, нежели писать трактаты, — язвительно заметил Салтыков-Щедрин в одной из рецензий 1869 года, — надобно твердо знать грамматику и не показывать слишком явного отвращения к правилам словосочетания. Трудно исчислить все блага, доставляемые твердым знакомством с синтаксисом, но между ними есть одно, которое бросается в глаза особенно ярко. Это благо — говорить и писать так, чтобы вас понимали».

В. В. ПРОЗОРОВ

Саратов

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ, разумеется, сразу улавливает сходство с заглавием статьи В. Маяковского «Как делать стихи?», в которой поэт раскрывает тайны своего мастерства. А. Блок не выступал публично с детальным анализом своих стихотворений, но и в его творчестве можно обнаружить указание на то, как «сделаны» его стихи. Чтобы получить представление о творческой лаборатории А. Блока, обратимся к стихотворению «Незнакомка» и его «Варианту» — так поэт в первой публикации назвал стихотворение «Там дамы щеголяют модами...», помещаемое в собраниях сочинений непосредственно за «Незнакомкой».

НЕЗНАКОМКА

I

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

II

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

III

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

IV

Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

Как „сделахи“ стихи А. Блока?

V

И каждый вечер друг единственный
 В моем стакане отражен
 И влагой терпкой и таинственной,
 Как я, смирен и оглушен.

VI

А рядом у соседних столиков
 Лакеи сонные торчат,
 И пьяницы с глазами кроликов
 «In vino veritas!» кричат.

VII

И каждый вечер, в час назначенный
 (Иль это только снится мне?),
 Девичий стан, шелками схваченный,
 В туманном движется окне.

VIII

И медленно, пройдя меж пьяными,
 Всегда без спутников, одна,
 Дыша духами и туманами,
 Она садится у окна.

IX

И веют древними поверьями
 Ее упругие шелка,
 И шляпа с траурными перьями,
 И в кольцах узкая рука.

X

И странной близостью закованный,
 Смотрю за темную вуаль,
 И вижу берег очарованный
 И очарованную даль.

XI

Глухие тайны мне поручены,
 Мне чье-то солнце вручено,
 И все души моей излучины
 Пронзило терпкое вино.

XII

И перья страуса склоненные
 В моем качаются мозгу,

И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

XIII

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

I

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остёр —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

II

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

III

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она — бесстыдно упоительна
И унизительно горда.

IV

За толстыми пивными кружками,
За сном привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкие черты.

V

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

VI

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями
И ты вином оглушена?

VII

Средь этой пошлости таинственной,
 Скажи, что делать мне с тобой —
 Недостижимой и единственной,
 Как вечер дымно-голубой?

Эти стихотворения интересны для нас прежде всего тем, что в них при очевидной близости тематического содержания использованы разные принципы художественной организации текста. Их отличие — в характере ввода образа Незнакомки. Если в первом из стихотворений Незнакомка встает перед нами как видение, возникшее на грани реального и воображаемого мира, как образ, возвышенный и чистый, не имеющий точек соприкосновения с пошлым и серым миром, окружающим героя, то во втором — возникает более земной образ женщины, хотя бы на мгновение, но включающейся в этот мир. В этих стихотворениях Блок применяет художественные средства контраста и словесного повтора. Сопоставив способы использования этих во многом противоположных приемов, мы отчасти сможем ответить на вопрос, вынесенный в заглавие нашей заметки.

*

Обратимся к анализу «Незнакомки», где словесный контраст используется для проведения грани между темой лирического героя и Незнакомки и окружающей их обстановки (см. I—IV четверостишия и две последние строчки стихотворения). Это главный, композиционный, контраст. Но для творческого почерка Блока чрезвычайно характерно самое разнообразное использование «вариантов» одного и того же художественного средства. Именно они и создают то ощущение мерцания, перетекания смыслов стихов, которое исследователи считают наиболее существенной приметой поэзии Блока. Поэтому и в самом приеме контраста можно выделить моменты и напряжения, и ослабления. Такая пульсация достигается благодаря тому, что общая тема этих начальных четверостиший (строф) в каждом из них дается с большей или меньшей эмоциональной окраской. Сопоставим: воздух *дик и глух*, окрики *пьяные, весенний и тлетворный дух* (1-я строфа); пыль *перелучная, скука загородных дач, детский плач* (ослабление эмоциональной окраски — II-ая строфа); *заламывающая котелки, среди канав гуляют с дамами испытанные остряки* (дальнейшее ослабление эмоционального тона — III-ья строфа); *скрипят уключины, раздаётся женский визг, ко всему приученный, бессмысленно кривится*

диск (вершина эмоционального тона — IV-ая строфа). V-ая строфа открывает новую тему: описание заканчивается, появляется лирический герой. Мы легко улавливаем изменение тональности повествования (вместо «окриков пьяных», «детского плача», «скрипа уключин», «женского визга»... — «друг единственный», «смирн и оглушен», «влага терпкая и таинственная»). В VI-ой строфе опять возникает словесный контраст с предыдущим четверостишием («торчат», «пьяницы с глазами кроликов», «кричат»), он неброско оттеняет тему Незнакомки, которая возникает в следующей, VII-ой строфе, слегка отделяя ее от темы лирического героя и в то же время создавая контрастный фон к ее образу. В дальнейших строфах (VII—XIII, кроме двух последних стихов) темы лирического героя и Незнакомки развиваются как бы вместе, но без взаимопроникновения.

Рассмотрим словесные повторы, назначение которых в этом произведении — «смягчать» резкость контрастных противопоставлений; поэтому повтор, как увидим, будет постоянно сопутствовать контрасту. Разберем роль некоторых из них: *И раздается* детский плач → *И раздается* женский визг. Здесь можно усмотреть два типа сходства — повтор одного и того же слова и одновременно совпадение синтаксической и ритмической структуры стихов. Но в то же время эти строчки содержат и контрастное по эмоциональной окраске противопоставление: *детский плач* → *женский визг*. Так словесный повтор переходит в словесный контраст. Или сближающий темы лирического героя и Незнакомки повтор (V и VII строфы) взаимодействует с одним из видов контраста (VI-ая строфа, «разрывающая» тему Незнакомки и героя).

Так в стихах постоянно взаимодействуют противоположные тенденции, борение которых и создает эмоциональное напряжение стиха. Повтор в V и VII строфах легко сопоставим с конструкцией — *По вечерам*, начинающей стихотворение. Таким образом, число словесных совпадений не только увеличивается, но и образует своеобразный ритм, объединяющий начальные строфы стихотворения в блоки по два четверостишия в каждом (I — *По вечерам*, III — *И каждый вечер*, V — *И каждый вечер*, VII — *И каждый вечер*) и прекращающийся на VIII-ом четверостишии, посвященном непосредственно образу Незнакомки. *Влага терпкая* и таинственная → *терпкое вино* — здесь не только словесный, но и смысловой повтор (влага терпкая — это ведь терпкое вино). Все эти повторы, связывая различные фрагменты текста, только в двух местах косвенно затрагивают тему Незнакомки. Первый словесный контакт сближает V и VII строфы. Другой, более насыщенный словесными перекличками, сосредоточен в XI-ой строфе. О словесном повторе *терпкая влага* → *терпкое вино* уже говорилось. Назовем и другие,

менее заметные словесные совпадения: *глух*→*глухие* (I и XI строфы); *тайственный*→*тайны* (V—XI). Как видим, в XI-ой строфе сосредоточены почти все словесные совпадения части стихотворения, посвященной Незнакомке, с другими, как бы вводными строфами. Но это четверостишие посвящено не столько образу Незнакомки, сколько лирическому герою, потрясенному ее появлением. Именно эта строфа и последнее четверостишие, описывающие состояние лирического героя, графически противопоставлены всем остальным строфам о Незнакомке, начинающимся с союза *и*.

Это еще пример неисчерпаемого разнообразия художественных приемов, организующих стихи Блока.

Поэт стремится избежать прямой словесной связи образа Незнакомки с его окружением: он подыскивает близкие по смыслу, но обладающие более высокой эмоциональной окраской слова, отделяющие Незнакомку от развивающегося в стихотворении «земного» мотива (*гуляют с дамами*→*раздается женский визг, но девичий стан, шелками схваченный...*; или: *а в небе... бессмысленно кривится диск*→*мне что-то солнце вручено...*). И в то же время начало темы Незнакомки дано приземленно (пунктир реальности): *пройдя меж пьяными* — и окружено приметамы реального мира: *в час назначенный...; в туманном движется окне; садится у окна*). Но сообщив эти вполне реалистичные детали, Блок незаметно снимает четкость их конкретного восприятия: так, *туманное окно*, которое могло бы быть указанием на признак места действия, получает дополнительный символический оттенок при сопоставлении с помощью словесного повтора со следующим за ним фрагментом: «*Дыша духами и туманами, Она садится у окна*». Тема тумана отделяет Незнакомку от реального мира, в котором она появляется (вот еще один контраст, сопутствующий словесному повтору: *туманное окно, туманы*⇒*меж пьяными*). Указание на время действия (в час назначенный) сопровождается противоположным утверждением (Иль это только снится мне?). Так приметы реального мира, окружающие Незнакомку, поворачиваются к читателю то осязаемыми гранями, то символически-расплывчатыми очертаниями. Образ Незнакомки построен по этому же принципу: приметы внешнего облика (*девичий стан, шелками схваченный; шляпа с траурными перьями; в кольцах узкая рука*) сменяются наплывами эмоционального восприятия конкретных деталей и порождаемых ими символических ассоциаций (*смотрю за темную вуаль и вижу берег очарованный и очарованную даль...*). Движения Незнакомки, изначально стремительные, переходят в статическую неподвижность, она как бы застывает в раме окна (*девичий стан... движется*⇒*пройдя*⇒*медленно садится у окна*); в дальнейшем действия характеризуют уже только лирического героя (*смотрю... вижу...*), а затем и они приоб-

ретают статичную форму (мне поручены, мне... вручено... в моем качаются мозгу...). Тема Незнакомки не получает своего завершения: ни она, ни лирический герой так и не выводятся из пассивного состояния к активным, а потому и более реально-конкретным, действиям. Загадка так и остается загадкой. Заканчивается стихотворение тоже особого рода смысловым повтором: *истина в вине* — это ведь буквальный перевод латинского выражения из VI-ой строфы. Так замыкается круг, и тема Незнакомки, хотя и не получает конкретного завершения, но и резко не обрывается, что придает художественную убедительность стихотворению, построенному на полутонах, на переливах смысла, на образных смещениях.

•

Обратимся к стихотворению «Там дамы щеголяют модами...». И здесь мы будем говорить о тех же приемах словесного контраста и повтора. При анализе предыдущего стихотворения мы старались показать, что основное назначение этих приемов сводилось к отграничению темы Незнакомки от окружающего ее фона, но отграничению незаметному, возникающему как бы произвольно, без четких границ. Совершенно иное использование этих приемов характерно для второго стихотворения. В нем контраст рассредоточен и растворен во всем стихотворении: в один ряд ставятся такие понятия, как пыль и солнце, запыленные вокзалы и недостижимая заря, пошлость и таинственность. Контраст проникает (что наиболее существенно) и в образ Незнакомки. Если в предыдущем стихотворении необычность ее облика тщательно и незаметно формировалась рядом художественных приемов, постепенно возводящих женский образ на недостижимую высоту (мне чье-то солнце вручено...), то здесь необычность облика создается столкновением противоречивых характеристик (Ко мне приходит иногда Она — бесстыдно упоительна И унизительно горда). Образ Незнакомки второго стихотворения более земной, вырастающий из вполне реального женского портрета, обладающего рядом характерологических деталей: вуаль, покрытый мушками, глаза и мелкие черты; под шлемом с траурными перьями (шлем как головной убор конкретнее шляпы). Такое представление о Незнакомке поддержано и позицией лирического героя. Мы помним, как тонко и тщательно поэт, отделяя героя и Незнакомку от окружающей среды, в то же время не соединял вместе и эти две темы, проводя между ними еле ощутимую грань (напомним: контраст VI строфы, разделяющий темы Незнакомки и лирического героя, отсутствие «общих» действий...). В этом же стихотворении темы героя и Незнакомки развиваются вместе (*Ко мне приходит иногда Она...*; оглушенный и взволнован-

ный... тобой...; И ты вином оглушена?; скажи, что делать мне с тобой...).

В гармоничном соответствии с приемом контраста находится и применение словесного повтора. Назовем два случая его использования, наиболее существенные для формирования образа Незнакомки: я... *оглушенный* и *взволнованный* Вином, зарею и тобой — И ты вином *оглушена*? (Повтор еще более тесно связывает темы лирического героя и Незнакомки). Во втором случае повтор сближает темы Незнакомки и зари, формируя уже в конце стихотворения представление о недосыгаемости, возвышенности женского образа: Скажи, что делать мне с тобой — *Недостижимой* и единственной, Как вечер дымно-голубой? Сопоставим: Туда манит перстами алыми... Над запыленными вокзалами *Недостижимая* заря. К такому сопоставлению читатель уже отчасти подготовлен предыдущими строками, в которых заря и Незнакомка поставлены в один ряд (И *оглушенный* и *взволнованный* Вином, *зарю* и *тобой*). Возвышение образа, его отрыв от «пошлости таинственной» происходит только в конце стихотворения. Но на протяжении всего повествования данный образ впитал в себя столько примет реального мира, что этот «взлет» не может окончательно стереть ощущение его жизненности, реальности. Такое восприятие стихотворения отвечает художественному заданию, которое перед собой поставил автор, сведший почти на нет тему сна-видения (Сопоставим: Иль это только снится мне? и За толстыми пивными кружками, За *сном* привычной *суеги*...).

Второе из стихотворений, как видим, существенно отличается по художественной манере от первого. Но и метод четких контрастных противопоставлений, характерный для анализируемого стихотворения, не случаен для Блока. Великий художник слова стремился видоизменять языковую основу своего творчества не только в пределах отдельного произведения, насыщая его огромным разнообразием приемов, создающих переливающийся, бесконечно видоизменяющийся рисунок стиха, но и искал способы, разрушающие привычность восприятия его «обычной» художественной манеры. Два стихотворения, о которых мы говорили, принадлежат к этим двум типам, в совокупности составляющим индивидуальный художественный стиль А. Блока.

Е. А. НЕКРАСОВА
Рисунок С. Гавриловой

К 70-летию
Г. М. Маркова

Выдающемуся советскому писателю Георгию Мокеевичу Маркову 19 апреля 1981 года исполняется 70 лет. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, Г. М. Марков уже много лет возглавляет писательскую организацию страны.

Творчество Г. М. Маркова, как и всех советских литераторов, нерасторжимо связано с планами и делами народа и партии, является их достоверной и вдохновенной летописью.

«Нельзя писать, не познавая Родины, не познавая жизни, ее людей, не видя полей и лесов, морей и рек, не слыша свиста степных ветров, не зная запахов родной земли. И познание это,— подчеркивал Г. М. Марков,— должно быть постоянным и непрерывным, как непрерывна сама жизнь».

Произведения Г. М. Маркова, отличающиеся широтой охвата жизненного материала и глубиной проникновения, открыли читателю революционную, борющуюся, сказочно меняющуюся Сибирь.

Георгий Мокеевич родился и вырос в Сибири, в семье потомственных охотников. Творческая биография писателя неразрывно связана с суровым, но прекрасным и многообразным миром тайги и мужественными людьми, которые называются емким словом — сибиряки.

«Среда охотников, в которой я провел свое детство и юность,— вспоминал Георгий Мокеевич,— необычно поэтическая. Труд охотников-промысловиков тяжелый, но увлекательный, полный разнообразных неожиданностей и приключений. Охотник — своеобразный первооткрыватель: он постоянно ищет, всегда в движении. Как правило, охотники — хорошие рассказчики, искусные мастера живого слова...

Обычно по вечерам у костра собирались охотники всей артели. За день каждый из них исходил по тайге сорок — пятьдесят, а то и более километров. И вот после ужина начинаются рассказы о том, что было, а иногда и о том, чего не было... Невозможно оторваться от этих рассказов! Они уносят тебя в самые далекие и сокровенные уголки бескрайней тайги, вводят в мир простых и суровых понятий трудовой жизни охотников, беспощадно требующий от них ловкости, мужества, постоянного напряжения. И что бы я ни написал сейчас, я чувствую себя неотрывным от этого окружения, окружения моего детства» (Агатов М. Об авторах ваших книг. М., 1972, с. 257—258).

И действительно, характеры героев его широко известных и в нашей стране и за рубежом произведений — романов «Строговывы», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь» — жизнеутверждающие, и язык этих романов ярок и образен, его свежесть и поэтичность связаны с сибирскими скитаниями, задушевными, сердечными разговорами в кругу интересных, мужественных людей. Так, роман Маркова «Сибирь» повествует о жизни и борьбе молодых революционеров — большевиков Ивана Акимова и Кати Ксенофоновой; перед читателем предстает целая галерея самобытных сибирских характеров — семьи Горбяковых, Лукьяновых, древняя Мамика, правдоискатель Окентий Свободный и другие.

На литературной странице мы печатаем отрывок из романа «Сибирь» (М.: Молодая гвардия, 1977).

Окентий долго молчал. Понимал, что Катя вызывает его на открытый, чистосердечный разговор. А он не очень-то доверял женщинам, давно избегал общения с ними, считал, что, коли появилась женщина, добра не жди. Но в этой девчонке (с высоты своего возраста Окентий воспринимал Катю именно как девчонку) было что-то располагающее. Может быть, ее серьезность? А может, то, что ее привел Степан Лукьянов, человек, которому Окентий доверял? Не знал Окентий, как и поступить, но только чувствовал, что от разговора не уклониться.

— Неверующий я, дочь, — наконец сказал он и странно выставил свое худощавое лицо.

— Не верующий ни во что? — спросила Катя, не спуская глаз с Окентия.

— Ни в бога, ни в черта, ни в царя, — переходя с писклявого голоса на твердый и резкий тон, ответил Окентий, и кончик его носа вызывающе приподнялся.

— Ну, а все-таки во что-нибудь вы верите? Без веры жить невозможно. Например, в материальность мира верите? В человеческое счастье верите? — Катя в последние дни мало разговаривала и сейчас испытывала удовольствие от возможности задавать Окентию вопросы. Она оживилась, глаза ее загорелись.

— Скажу, дочь, во что верю, — приподняв руки, остановил ее Окентий. — Верю в Природу. Она была до нас вечно и будет после нас вечно. И существа будут, как и были. Такие ли, как при нас, или иные, но будут. Все от солнца, дочь. Солнце кончится — и земле конец. И будет это не скоро. Сосчитать нельзя — счету не хватит у человека. Потому что ум у него короткий. А что будет дальше, не знаю, но что-то все-таки будет. Ничего не может не быть.

«Стихийный материалист», — промелькнуло в голове Кати, и она поторопила его тем же вопросом:

— А в счастье человека верите?

— Измельчали людишки, разменяли людское на зверское. — Окентий вскинул свою голову, и кончик его носа заострился, как бы невидимо вонзаясь в Катины любопытствующие глаза. — Свобода от страха, дочь, в этом счастье человека... Я пробился, дочь, к этому через страдания. Гнет страха преследовал меня. Вначале был страх, который внушила семья. Страх перед родителями. Потом страх перед обществом. С малых лет грозовой тучей висел над моей бедной головой страх перед богом. Пожалуй, самый большой страх. А страх перед царем? А страх перед нечистой силой? Перед голодом? Перед смертью? Я не жил, а трепетал, душа моя всегда была собрана в комок...

— И вы считаете теперь себя свободным от страха? — спросила Катя, когда Окентий умолк.

Все, что он сказал, не совпадало с ее первым представлением о хозяине избы. «Отшельник, разуверившийся монах» — таким поначалу представлялся ей Окентий. Теперь она поняла, что поспешила с выводом. По-видимому, Окентий был из числа тех людей, которые не так уж редко встречались на Руси: искатель истины, творец своего особого способа жизни, экспериментатор по созданию универсального счастья людей на земле.

Катя давно уже убедилась, что подобные люди не обладали силой, способной социально преобразовать Россию или даже серьезно двинуть ее по каким-то путям к обновлению, но потому, что эти люди все же действовали, иска-

ли, мыслили, они вызывали у Кати интерес и даже порой преклонение.

Пусть Окентий тысячу раз не прав в своих взглядах, она не собирается ни в чем разубеждать его, но уяснить его отношение к миру, узнать его воззрения на человека, взять на критическую поверку собственного сознания существо размышлений старого человека, опыт его жизни она обязана. То, что ей встретился в глухой тайге, в Сибири человек, по всей вероятности, большой и трудной жизни, ее и удивляло и радовало. Удивляло потому, что странно, необычно было его одиночество, а радовало потому, что ее ум, привыкший беспрестанно думать, сопоставлять, получал пищу для работы.

— И вы теперь считаете себя свободным от страха?— повторила свой вопрос Катя и уселась на лавке поудобнее.

— Поборол. Навсегда поборол,— убежденно сказал Окентий.

— Как вам удалось это? Расскажите.— Улыбка тронула губы Кати, но она сдержала ее. Окентий мог ведь и обидеться на ее недоверие, да и недоверие могло оказаться преждевременным.

— Сила души,— проронил он тихо.

— Что сила души?— переспросила Катя.

— Человек, дочь, чем слаб, тем и силен: душа. От нее он может стать суеверным калекой, которого то бог, то сатана будут преследовать каждую минуту, а может от нее же, от души, стать бесстрашным богатырем... которому все ничем... подвластно самое неподвластное.

Катя исподлобья взглянула на щуплую фигуру Окентия, в которой на богатырское не было даже намека, и снова ироническая улыбка пропорхнула по ее губам.

— Как достигнуть этого, дедушка? Каждый, наверно, захотел бы стать богатырем.

— Един путь к этому — душа должна восстать против страха.

— А страхи-то разные? Страх перед богом — одно, а перед голодом — другое.

— Побори поначалу один из них. Другие покажутся слабже. Только упорствуй, не отступай... Потом наступит торжество силы души.

— И все-таки каким же путем шли вы? Это же очень интересно.

— Длинная дорога, дочь. В молодые годы довелось мне быть дьячком в трактовом селе. Попался мне батюшка

неверующий. Он и заронил в мою душу вопрос: а вселилен ли бог? Есть ли он? Не придуман ли он людьми, чтобы держать каждого в страхе? Батюшка остер был на ум, но охоч до зелья. Сгорел от белой горячки, не дожив и до сорока годов. А след в моей душе оставил. Червяк вон и тот подтачивает двухаршинное дерево, а уж коли охватят тебя сомнения, то спасу от них нету. Покинул я православную церковь. Решил поближе узнать иноверцев. У татар жил, аллаху поклонялся. В городе чуть иудейство не принял, три года в синагогу ходил. Потом в староверчество ударился. Успокоения нигде не нашел. Куда ни сунешься, везде страхом тебя, как жерновом, давят. Вот тогда-то и ушел в тайгу. Рассуждал так: человек вышел из природы, его место там. Чем ближе к земле, тем ближе к естеству, тем дальше от мерзостей человеческих, тем дальше от страха...

— И нашли свое?— спросила Катя.

— Не сразу, дочь. Пока обрел свободу от страха в тайге, много воды утекло. Вначале поборол страх перед таинствами леса. Узнал его и так и этак. И поверил, что нет в нем ничего — ни от бога, ни от сатаны. Одно естество. Было до нас, будет после нас. Перестал бояться шума леса. Поборол страх перед тишиной в лесу. Перестал бояться леса днем, а особенно ночью. А потом узнал зверей, птиц и перестал их бояться. Поверил, что даже самый сильный из них слабже человека.

— Трудно все это было?— увлеченная рассказом Окентия, его откровенностью и доверием, спросила Катя.

— Трудно. Не раз собирался убежать отсюда. А только куда убежишь? От одного страха к другому. Выгоды — никакой.

— Случалось, вероятно, всякое?— опять спросила Катя, про себя подумав: «Какая же ты многолика, Сибирь! Каких только людей тут не встретишь! Окентий Свободный! Нарочно такого не придумаешь!».

Чудесный персонаж волшебных сказок — Жар-птица, поиски которой удаются обычно положительному герою благодаря преодолению им невероятных трудностей, перекочевал как образ-символ в язык художественной литературы. Впервые, пожалуй, этому способствовал поэт Н. М. Языков (поэма «Жар-Птица», 1836 г.), хотя двумя годами раньше Жар-птица появилась в чудесном синтезе сказочных сюжетов и мотивов — в «Коньке-Горбунке» П. П. Ершова. И то и другое произведения создавались в пору усиленного интереса русских писателей к истокам народной речи, к народно-поэтическому наследию прошлого, особенно к сказкам.

*

В народных сказках образ чудо-птицы — аллегория, воплощение мечты народа о счастье. Нередко герой ищет не столько жар-птицу, сколько ее перо, обладание которым принесет ему счастье или удачу.

Сказочные ситуации, связанные с жар-птицей, не богаты. Чаще всего жар-птицу или ее перо герой добывает («Сказка об Ива-

не-царевиче и сером волке», «Жар-птица и Василиса-царевна»), жар-птица оживляет героя, убитого братьями («Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»), или уносит на себе от Бабы-яги («Царь-девица»). И тем не менее этот образ-символ очень рано и прочно (конечно, не без влияния литературных обработок и прежде всего неумирающего «Конька-Горбунка») стал достоянием литературной речи. Само слово *жар-птица* фиксируется словарями, начиная с конца XVIII века (Словарь Академии Российской, 1790).

«Словарь современного русского литературного языка» так определяет значение слова — *Жар-птица*: «(народ.-поэтич.). Сказочная птица с ослепительно светящимися, сверкающими перьями».

Жар-птица — восточнославянское наименование (укр. *жар-птиця*, белорус. *жар-птушка*, ср. чеш. *pták ohnivák*, пол. *ptak ognisty*).

Из перечисленных наименований видно, что сказочная птица получила свое название по внешнему признаку — цвету перьев. В. Даль в своем Толковом словаре дает ей такое определение: «Жар-птица — сказочная птица русского суеверия, на которой перо как жар горит, едва ли не *навлии* или *фазан*». Тут же В. Даль дает значение прилагательного *жаркий* (*жаркой*) — «огненный, рудо-желтый, красножелтый, ранжевый» цвет. Материалы «Словаря русских народных говоров» (вып. 9, Л., 1972) показывают, что слово *жаркий* в значении «красно-оранжевый, огненный, красный» имеет широкое распространение: *жаркая калина, платье жаркое, жаркий цвет, жаркие цветы*. А вот свидетельство А. И. Афанасьева — знаменитого издателя наших народных сказок: *жаркий* употребляется в областном языке в смысле «оранжевый» (Поэтические воззрения славян на природу). Слово *жаркой* в значении «оранжевый» приведено в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (вып. 5, 1978).

Элемент *жар* в слове *жар-птица* формально напоминает существительное. Он является реликтом того периода, когда прилагательные еще формально не выделились из общей категории имени.

Вот что по этому поводу пишет Л. П. Якубинский: «То обстоятельство, что в славянских языках некогда существовали способы выражения определения-прилагательного, свойственные турецкому языку, доказывается нашими архаичными по структуре приложениями, определениями-существительными типа *жар-птица, душа-человек, царь-девица* и т. д.» (История древнерусского языка. М., 1953). А. А. Потебня в работе «Из записок по русской грамматике» приводит таких примеров значительно больше. Он пишет: «Прилагательные возникли из существительных, т. е. было время, оставившее в разных индоевропейских языках более или менее явственные следы и донныне, когда свойство мыслилось только конкретно, толь-

ко как вещь»; «Формальные признаки прилагательных почти все исключительно поздние».

Этимологическая связь между существительным *жар* и прилагательным *жаркий* в значении цвета не вызывает сомнений. Это подтверждается не только названием птицы в других славянских языках, но и материалами древнерусского языка. Слово *жар*, наряду с другими, имело значение «сияние», да и сам «жар» всегда ассоциируется с красным цветом. В то же время у слова есть косвенная связь со значениями «процветание», «благополучие» (см. «Словарь русского языка XI—XVII вв.», вып. 5, М., 1978), ибо «жар-птица» является символом удачи, счастья. «Словарь русских народных говоров» (вып. 9) фиксирует значение «красный, алый цвет» не только у прилагательного, а и у существительного: «На бахромке жар, жар» (Владим.), «жар-жаром» — очень ало (Вят.).

*

Будучи активным сказочным элементом, слово *жар-птица* стало достоянием разговорной речи на всей огромной территории восточных славян, хотя иногда встречается в несколько ином морфологическом составе. Так «Словарь русских народных говоров» (вып. 9) фиксирует: «Птица жарская. Жар-птица... У нас в саду летат птицы жарские, стихи чарские, коты заморские» (Спас., Ряз.).

Попад в письменную речь, слово *жар-птица* долго использовалось в своем конкретно-сказочном значении: «Слушая от няни сказки о нашем золотом руне — Жар-птице, о преградах и тайниках волшебного замка, мальчик то бодрился, воображая себя героем подвига, — и мурашки бегали у него по спине, то страдал за неудачи храбреца» (Гончаров. Обломов). *Жар-птица* изредка употреблялось в сравнениях. «Словарь современного русского литературного языка» дает такой пример: «Снова наступили ясные дни, но уж османовцы чувствовали, что красное лето, как дивная жар-птица, улетело за теплые синие моря до следующего года» (Авдеев. Далеко-далеко).

Но вот нашей «птице» стало тесно в клетке сравнений, и, как обычно бывает (а сравнение — первый шаг к образно-переносному употреблению), она совсем недавно (о чем говорят примеры) вылетела на простор активных образно-фигуральных ассоциаций. Будучи поэтическим символом человеческой мечты, слово особенно часто привлекает к себе внимание современных поэтов. Запестрело оно как синоним к словам и сочетаниям *счастье, удача, мечта, удачная находка, достижение заветной цели, нечто романтическое, не-*

сбыточная мечта и др. Образно-переносные значения — новая ступенька в употреблении слова. Обратимся к примерам: «Что-то молнией вспыхнуло в уме. Одна фраза, один намек, осколок мысли, тень формулы — и тут все скопом вцепляются в идею, и уже не отпустят жар-птицу, пока она не оживет, не полетит» (Известия, 1973, 25 декабря); «... стоило мелькнуть фразе, мысли, образу — он бросался к первому рядом стоящему столу или конторке и не давал улететь сверкнувшей жар-птице..., хватал на лету и тут же запикивал в строчки, зарешечивал переплетом букв» (Юность, 1974, № 2); «Не только для гения, для простого смертного, что может быть печальнее равнодушия? Подумать страшно: человек всю жизнь шел к великой цели, достиг ее, поймал свою жар-птицу, но никого это не интересует; ни коллег, ни друзей, ни жену; сам смысл трудов ото всех сокрыт. Жар-птицу никто не видит» (Комсомольская правда, 1972, 13 мая); «Жар-птица Палеха пронесла чудесное искусство по пути длиною в полвека. Она шире расправляет крылья, еще выше поднимает и несет дальше творчество палешан, создающих уникальные произведения» (Юность, 1974, № 12).

Как видно, почти в каждом случае обыгрываются сказочные сюжетные детали, что наряду с переносным значением придает образность всей фразе. Тут же могут присутствовать и текстуальные синонимы: «Но кто же станет отрицать, что бесплодная погоня за жар-птицей, неуклюжие попытки оправдать свои мечтания какой-то особой предначертанностью судьбы нередко имеют один исток: неумение найти дело для себя» (Известия, 1970, 4 ноября).

Аналогично употребление в таких же значениях и сочетаниях *перо жар-птицы*: «Ну, а если знакомство-то с делом шапочное, до волшебного пера жар-птицы — до вершины мастерства, приносящего удовлетворение, еще шагать да шагать?» (Известия, 1971, 14 марта).

Но вот слово *жар-птица* (в своем переносном значении) под пером некоторых журналистов теряет сказочный ореол, превращается в какой-то неоформленный, блеклый образ. Например: «Они строят свои планы в зависимости от конкретной позиции на доске и не гоняются за жар-птицей композиций» (Комсомольская правда, 1971, 10 августа). Подобные примеры являются неудачной попыткой использования поэтической символики в публицистической речи. К счастью, они редки.

Частое привлечение слова в образно-изобразительный арсенал современного русского языка активизирует и его словообразовательные возможности. Вот первая ласточка: «*Жар-птичники*» (юмореска в «Правде Украины», 1974, 1 января). В материале речь идет о тех, кто направляет свои усилия не только на выполнение про-

изводственных планов, сколько на то, как бы отчитаться, поставить «птичку».

В работе «Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов» (М., 1976) Р. Н. Попов отметил случаи, когда слово *жар-птица* образует формы прилагательных: *жар-птицын*, *жар-птичий* и даже *жароптицев*. Первый такой пример мы встречаем в «Жар-Птице» Н. М. Языкова: «...сердечно рад жар-птицыну перу».

Такова счастливая судьба архаичного по строению слова *жар-птица* в истории русского литературного языка. И по всему видно, что оно надолго закрепилось в образно-выразительных средствах современного литературного языка как активный элемент, а не тусклый штамп.

И. К. МАРКОВСКИЙ

Николаев

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Уже несколько раз у меня возникал спор с редакторами: склоняется ли первая часть названия „Москва-река“ или нет?

О. К. Антонов, Киев.

Сочетания со словом *река* составляют особый разряд. В книжной речи склоняется и первая, и вторая часть этих наименований, например: «Проезжая верхом по берегу *Москвы-реки*, можно было поверх частокола видеть весь сад Морозова»; «Берега *Москвы-реки*, Яузы и Неглинной покрыты были множеством деревянных домов...» (Толстой А. К. Князь Серебряный); «Соединившись с Хапиловкой, Серебрянка по подземному водопроводу поступит в специальные очистные пруды, откуда осветленной и прозрачной направит свой путь к своей старшей сестре — *Москве-реке*» (Вечерняя Москва, 1980, 16 августа); «...[Витязь] прищартуется у берега *Москвы-реки* в районе парка» (Вечерняя Москва, 1980, 23 августа).

В разговорной речи встречаются случаи, когда первая часть в косвенных падежах сохраняет начальную форму (на *Москва-реке*).

При употреблении следует учитывать стилистическую окраску контекста.

В русской фразеологии немало выражений, почерпнутых из фольклора. Одно из них — *молочные реки и кисельные берега* — стало своеобразным фразеологическим символом неиссякаемого материального достатка.

Это выражение употребляется чаще всего в стилистически сниженных контекстах как насмешка над людьми, мечтающими о жизни без труда: «Сказывают, как это там хорошо и привольно, реки-то, слышь, молочные, и берега-то кисельные, и воруют-то все безданно-беспошлинно» (Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы).

В русле этой литературной традиции — и употребление оборота В. И. Лениным, в произведениях которого сатирическая окраска выражения социально заострена: «Кто говорит крестьянам, что они сразу могут и первый и последний шаг сделать, тот обманывает мужика. Тот забывает о великой борьбе между самими крестьянами, о великой борьбе между деревенской беднотой и крестьянами-богатеями.

Вот почему социал-демократы не сулят крестьянину *сразу* молочных рек и кисельных берегов» (К деревенской бедноте. — Полное собрание сочинений. Т. 7, с. 189); «Крестьяне! Хотите ли вы еще раз проводить в Думу «либеральных» помещиков, вроде каде-

та Львова, который перед Думой сулил вам молочные реки и кисельные берега, а в Думе предлагал справедливую оценку помещичьей земли через посредство назначенных помещичьим правительством чиновников?» (Задачи рабочей партии и крестьянство.— Полное собрание сочинений. Т. 14, с. 212).

Как видим, выражение употреблено в работах Ленина, адресованных крестьянству. Тем самым оно как бы снова возвращается в родную стихию, в стихию живой народной речи. Здесь оно было широко известно задолго до образования литературного русского языка.

В русских, белорусских и украинских сказках молочные реки с кисельными берегами — это символ невиданного изобилия. В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» Василиса превращает в подобную реку с кисельными берегами коней царевича, за которым гонится водяной царь. Последний «бросился на кисель и сыту, ел-ел, пил-пил — до того, что лопнул!» (здесь и ниже примеры приводятся по источнику: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1957). В другой сказке девочка отправляется на поиски своего брата, которого унесли гуси-лебеди, и доходит до молочной реки с кисельными берегами.

Часто фольклорный образ «молочные реки и кисельные берега» используется как символ чего-то несбыточного и невероятного. Не случайно он служит зачином в сказке «О царе Горохе», где молочные реки с кисельными берегами упоминаются в одном ряду с летающими жареными куропатками: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох...». Еще показательнее для понимания шутливо-иронической природы выражения — его употребление в одной из сказок-небылиц: «Уродился я ни мал, ни велик — всего-то с игольное ушко, не то с приворотную надобу. Пошел я в лес, самое дремучее дерево рубить — крапиву. Раз тяпнул — дерево качается, в другой тяпнул — ничего не слышно, в третий тяпнул — выскочил кусок мне, добру молодцу, в лобок... Побрел я по берегу, все не нашему. Стоит река вся из молока, берега из киселя. Вот я, добрый молодец, киселя наелся, молока нахлебался... Пошел я по берегу, по берегу все не нашему; стоит церковь — из пирогов сложена, оладьями повершена, блином накрыта...».

Обычно историки русской и восточнославянской фразеологии возводят выражение *молочные реки и кисельные берега* лишь к одному конкретному источнику — сказке «О царе Горохе» (Ашукин Н. С., Ашукина М. Г., Крылатые слова. М., 1966; Медведев Ф. П., Українська фразеологія. Чому ми так говоримо. Харків, 1977).

Приведенные русские сказки показывают, что этот символ использовался более широко. Характерно в этом отношении и то, что в русском фольклоре он допускает вариации. Так, в упомянутой выше сказке о Василисе Премудрой река, в которую превратились кони, — не молочная, а медовая, а водяной царь набросился не только на кисель, но и на сыту, т. е. на воду, подслащенную медом. Не случайно поэтому у А. Н. Островского встречается такой народный вариант этого выражения: «За границей! Что же там, реки сытовые, берега кисельные?» (Пучина). Еще более широк «ассортимент» напитков в сказке «Данило Бессчастный», где князю с княгиней попадают на пути четыре реки — с пивом, медом, вином и водкой, у берегов которых пало едва ли не все их воинство.

Немало подобных сказочных образов можно найти и в фольклоре других народов. У румын, например, известны сказочные молочные реки с берегами из мамалыги — кукурузного хлеба. Причем этот оборот, как и в русской сказке о царе Горохе, является зачином-формулой неправдоподобия: «когда реки были молочные, а берега из мамалыги» (Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974).

Давно замечено, что русское выражение о молочных реках и кисельных берегах имеет аналогии с библейским «кипеть млеком и медом» (изобиловать чем-либо). Однако широкая распространенность оборота *молочные реки и кисельные берега* в русском фольклоре и устном творчестве других народов заставляет признать его независимость от библейского источника. По-видимому, «фразеологический сюжет» о молочных (или медовых) реках издревле бытовал в устной традиции разных народов. Не случайно в «Метаморфозах» Овидия подобный сюжет играет ту же символическую роль: «Реки текли молоком и нектаром». О независимости происхождения выражения *молочные реки и кисельные берега* от библейского говорят также и его весьма самобытная образность, например, в русском фольклоре (река из молока, пива, сыты, а берега из киселя) и его подчеркнуто иронический, шуточный характер, недопустимый для подобного библейского сочетания, употребляемого в торжественном, приподнятом стиле.

Народный колорит, шутивно-ироническая окраска, яркая образность — все эти стилистические особенности русского выражения *молочные реки и кисельные берега* восходят к давней устной традиции. Именно этим можно объяснить факт, что оно продолжает жить активно в современном русском литературном языке, в то время как библейское выражение *кипеть млеком и медом* давно ушло из употребления.

В. М. МОКИЕНКО
Рисунок С. Гавриловой

КАКОГО РОДА «ВАГОН-БИБЛИОТЕКА»?

В последние годы сложносоставные слова с небывалой активностью входят в нашу речь. Многие из них стали уже единственными наименованиями необходимых для нас предметов, явлений, процессов и поэтому постоянно используются как в устной, так и в письменной речи, например: *диван-кровать, матч-турнир, ракетаноситель, вагон-библиотека, вагон-ресторан* и мн. другие.

Когда обе части подобных слов относятся к одному роду, то их употребление, как правило, не представляет трудности. Однако всякий раз, когда перед нами сложение, состоящее из слов разного рода, то мы сталкиваемся с проблемой определения грамматического рода этого сложносоставного слова. При этом прежде всего возникает возможность двоякого согласования. Приведем примеры: Музей-усадьба *расположен* в небольшом доме с мезонином, принадлежавшем Е. А. Арсеньевой, бабушке и воспитательнице поэта (Моя Родина — СССР. М., 1978); С первых дней Советской власти музей-усадьба *окружена* вниманием и заботой (Правда, 1978, 9 февраля; курсив в примерах наш. — Г. А.).

Двойное согласование наблюдается в одном и том же тексте или даже в одном предложении: В центральном парке культуры и отдыха Чимкента мы провели пятый областной смотр-выставку, в которой приняли участие и районные предприятия службы быта (Служба быта, 1978, № 1). Здесь определения *пятый, областной* согласованы с первой частью сложносоставного слова *смотр*, а союзное слово *которой* — со второй частью — *выставку*. Или другой пример: Основной парус-грот передней кромкой прикреплен к мачте, нижней кромкой — к горизонтальной круглой балке-гику, к которому, в свою очередь, прикреплена система талей... (Техника — молодежи, 1976, № 7) — определения *горизонтальной, круглой* относятся к слову *балке*, а к которому — к *гику*.

Такой разнобой, конечно, крайне нежелателен.

В языке прессы и современных художественных произведений встречаются сложения с первым компонентом *вагон*, среди которых есть и слова с частями разного рода: *вагон-библиотека*, *вагон-прикрытие*, *вагон-станция*, *вагон-цистерна* и др. В словарях современного русского литературного языка подобные новые наименования еще не зарегистрированы, и поэтому получить сведения об их грамматическом роде негде.

Некоторые исследователи считают, что для установления рода необходим смысловой анализ. Ведущим и, следовательно, определяющим грамматический род, по их мнению, является то слово, которое или выражает более общее (родовое) понятие, или является носителем конкретного значения.

Среди сложносоставных слов с элементом *вагон* есть слова, где *вагон* выражает более общее понятие по отношению ко второй части: *вагон-теплушка*, *вагон-цистерна* и др. В данных случаях сложение обозначает особый вид вагона. Вторая часть указывает на форму, функцию, отличительную черту данного вагона. Если пользоваться только смысловым критерием, то здесь сложносоставное слово должно быть мужского рода — по первому общему элементу *вагон*.

Однако в этом же ряду есть слова, где носителем более конкретного значения является вторая часть: *вагон-баня*, *вагон-библиотека*, *вагон-лаборатория* и др. Это прежде всего *баня*, *библиотека*, *лаборатория*, передвигающиеся на колесах и помещенные в вагоне. Поэтому род данных сложносоставных слов должен быть определен по второму слову — *баня*, *библиотека*, *лаборатория*, то есть слова *вагон-баня*, *вагон-библиотека* и т. д. — женского рода.

Очевидно, смысловой анализ не всегда дает четкие и однозначные результаты. Например, в сложении *вагон-станция* трудно выделить основную часть. Что это? Особый вид вагона или станция, помещенная в вагоне? Возможно также, что это парное сложение, где обе части равноправны. Кроме того, смысл компонента иногда зависит от контекста. Например: Приехали кинопередвижка, вагон-баня, вагон-библиотека (А. Гайдар. Дальние страны) — *кинопередвижка*, *вагон-баня*, *вагон-библиотека* стоят в одном ряду; это предприятия службы быта. Здесь более значимыми являются вторые части.

В другом примере: Прицепка и отцепка вагонов иногда допускается и на других станциях, например, при необходимости прицепить или отцепить вагон-клуб, динамометрический, вагон-лавку, служебный... (Архангельский А. С. Пассажиры перевозок). Слово *вагон-лавка* попадает в один ряд с названиями различных вагонов — *динамометрический* и *служебный*, и, соответственно, *вагон* получает здесь большую значимость. Как видно из этих при-

меров, смысловой анализ не дает возможности четко установить род сложносоставного слова.

Более надежным представляется, на наш взгляд, структурный показатель. Для сложносоставных слов определяющим является род первой части. При этом необходимо отграничить сложносоставные слова номинативного (назывного) характера от слов, которые также имеют дефисное написание, но, в отличие от первых, обладают образностью, фразеологичностью значения: *бой-баба*, *плакунтрава*, *рубаха-парень* и др. Основное значение в них заключено во второй части, которая и является определителем грамматического рода.

В материалах прессы, в текстах современной художественной литературы мы встречаем большое количество примеров, подтверждающих ведущую роль первого компонента в определении грамматического рода сложносоставного слова: Итак, в пятницу советская ракета-носитель доставила на орбиту французский спутник (*Комсомольская правда*, 1977, 23 июня); Поступил я в вечернюю школу-клуб рабочей молодежи (*Смена*, 1978, № 1); Весло-поплавок способен выдержать нагрузку до 100 кг, маневренность его хорошая (*Наука и жизнь*, 1975, № 7); Балет-диалогия «Симфония революции» привлекает внимание прежде всего потому, что создан он на музыку Одиннадцатой и Двенадцатой симфоний Д. Шостаковича... (*Известия*, 1977, 27 ноября). В этих примерах определения и сказуемые согласованы с первым компонентом сложносоставного слова, и род всего сложения, таким образом, определяется по первой части. Следует отметить, что первые слова этих сложений (*ракета*, *школа*, *весло*, *балет*) здесь являются и по смыслу ведущими, а вторые — указывают на отличительную черту, особый вид предмета.

Однако, как уже отмечалось выше, в языке имеется большое число сложносоставных слов, в которых трудно выделить главную смысловую часть. Каким же образом определить род такого сложносоставного слова? Обратимся к примерам: Справа стоял командир. Он опирался на станину и почти по пояс высовывался в открытый люк-окно (*Техника — молодежи*, 1979, № 2); Победитель республиканского конкурса-выставки фоторабот и фотосувениров мастеров Российской Федерации А. Ш. Бланк не расстается с фотоаппаратом уже более двух десятков лет (*Служба быта*, 1978, № 9); Подвижное ограждение-разделитель изолирует родившихся поросят от матки (*Наука и жизнь*, 1978, № 1); Рядом с больницей построена специальная гостиница-профилакторий для пациентов, приезжающих на консультацию из районов области (*Наука и жизнь*, 1975, № 12); Гарантирует соблюдение тайны и анкета-вопросник, которую пациент получает от врача... (*Наука и жизнь*,

1977, № 9). В приведенных примерах род сложносоставного слова определяет первая часть.

Необходимо отметить также, что в некоторых сложносоставных словах постепенно утрачивается склоняемость первого компонента, особенно если это существительные мужского рода с нулевым окончанием. Безусловно, род таких слов (*плащ-палатка, блок-схема, бой-баба, плакун-трава* и др.) определяется по второй части. Однако четко разграничить слова с изменяемым и неизменяемым компонентами очень трудно, так как склоняемость исчезает постепенно и при этом предполагается промежуточная стадия вариантности. Естественно поэтому, что даже в письменной речи наблюдаются различные формы: Мебельный комбинат «Нева» предлагает диваны-кровати «Балтика», двухспальную тахту, кресла-кровати (Вечерний Ленинград, 1978, 24 марта) — слово *диван-кровать* изменяется; На смену наивным сундукам и хрупким этажеркам пришли серванты, диван-кровати, книжные шкафы, выполненные из полированных щитов (Служба быта, 1978, № 6) — слово *диван* употребляется в «застывшей» форме. В таких переходных случаях, на наш взгляд, не следует устанавливать род по второму компоненту, так как «несклоняемость» появляется не во всех случаях употребления данного слова.

Не нужно забывать и о том, что процесс утраты склоняемости первой частью сложения иногда бывает очень продолжительным. Так, еще в дореволюционных изданиях слово *вагон-ресторан* встречается с неизменяемым первым компонентом: Еще рано. В вагон-ресторане пусто (Современное слово, 1914, № 2312). И до сих пор склоняемость первой части этого слова окончательно не утрачена: ...кроме традиционного чая, шахмат, краеведческой радиопередачи и обеда в вагоне-ресторане, в некоторых фирменных поездах есть библиотеки, парикмахерские... (Труд, 1980, 9 февраля).

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

При определении грамматического рода сложносоставных слов надежнее руководствоваться структурным показателем. В словах с неизменяемой первой частью род устанавливается по второй части. Во всех других случаях (при изменяемой первой части, а также в словах, в которых первая часть окончательно еще не утратила склоняемость) — по первой. Что касается сложносоставных слов с первым компонентом *вагон* — *вагон-библиотека, вагон-ресторан* и др., то все они относятся к мужскому роду.

Г. М. АБАКШИНА
Ленинград

В современной устной и письменной речи в качестве экспрессивных синонимов нейтральных словосочетаний *совсем забыть*, *совсем отказаться*, *совсем (полностью) исчезнуть* и т. п. широко употребительны выражения *начисто забыть*, *начисто отказаться*, *начисто исчезнуть* и т. п.

Когда появилось в русском языке наречие *начисто* и в каком значении используют его наши современники? Этот вопрос возникает, если принять во внимание, например, тот факт, что Л. Толстой, Достоевский, Чехов, А. Толстой подобной синонимической заменой не пользовались, а писатели — наши современники — прибегают к ней довольно часто.

Можно привести большое количество примеров с наречием *начисто* (в значении «совсем») из произведений Д. Гранина, В. Солоухина, Ю. Нагибина, Ф. Абрамова и ряда других писателей 50—70-х годов. Как оценивать эти речевые факты с точки зрения нормы литературного языка? Они как будто дают основание предполагать, что мы имеем дело всего лишь с отступлением от классических языковых канонов. Однако отступления, ставшие (или становящиеся) массовыми, часто свидетельствуют об изменениях в норме литературного языка. К тому же, наречие *начисто* вместо *совсем* встречается и у писателей старшего поколения, таких, как К. Чуковский, К. Паустовский, М. Булгаков.

В свои рассказы Чехов на первых порах охотно вводил жаргонные слова и обороты, от которых *начисто* отказался впоследствии (Чуковский. О Чехове); Может быть, их вовсе и не существовало в природе, этих людей, и Бабель их *начисто* выдумал (Паустовский. Близкое и далекое); Через пять минут из-под стеклянного купола вокзала исчез курьерский и *начисто* пропал в темноте (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Известно, что в понятие нормы включается общепризнанный литературный образец. В отношении употребительности наречия *начисто* литературные образцы не совпадают по времени, поэтому естественно предположить, что стилистическая оценка данного наречия имеет свою хронологию. Чтобы проверить это, обратимся к словарям.

17-томный Словарь слово *начисто* определяет так: 1. То же, что *набело...* Очень чисто: *Начисто вымести пол*; 2. Разг. Полностью, совсем, совершенно. В примере к этому значению слово дано в старом написании: *...на-чисто отгрыз ей хвост* (Крылов. Лиса). 3. Разг. Откровенно, ничего не скрывая; *начистоту*: Я правду буду говорить, *начисто*, обманывать не люблю (А. Островский. Бедность не порок). В примечании к словарной статье приводятся данные старых словарей (1731 и 1794 гг.), из которых с полной очевидностью следует вывод, что в русском языке XVIII века употребление слова в прямом и переносном смысле характеризовалось единством лексического значения. Написание наречия в то время имело три варианта: *на чисто*, *на-чисто*, *начисто*. Разнобой в графическом оформлении служит отражением определенного языкового факта, а именно: *начисто* произошло от *на чисто*.

В Толковом словаре В. И. Даля это наречие дано в статье на глагол *Начищать*, *Начистить*: *Начисто* — *набело*, без помарок, в чистом готовом виде // *наотрез*, *напрямки*, *напрямик*, *окончательно* и *решительно* // *дочиста*, *наголо*, *совсем*, *вовсе*, *дотла*, *до зерна*, *до капли*: Он мне *начисто* в просьбе моей отказал; Все *начисто* съедено. Толкование непрямого значения наречия в этом словаре свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии различий между *начисто* и *начистоту* (ср.: *напрямки*, *напрямик*), а с другой — о лексическом единстве прямого и переносного значений. Нам представляется, что переносное значение *начисто* развилось на основе прямого — *набело*, *без помарок*, то есть «делано окончательно, совсем».

Иллюстративный материал (почти весь!) словарей современного русского языка также свидетельствует о вполне живой связи прямого и переносного значений слова.

4-томный «Словарь русского языка»: *...Но все-таки мы начисто разбиты, Истреблены* (Пушкин. Борис Годунов); *...начисто высадив раму...* (Серафимович. Снег и кровь); 17-томный Словарь: *...начисто отгрыз ей хвост* (Крылов. Лиса); Теперь *начисто* разорился дедушка-то (Горький. В людях). Наша оговорка «почти весь!» касается того обстоятельства, что 17-томный Словарь приводит цитату, где интересующее нас наречие употреблено в значении, доста-

точно далеко от его прямого смысла: «Крестьяне, увидев, что им не только не отдадут земли, но хотят с них слупить деньги за бодото, начисто отказались платить» (Герцен, Былое и думы). Аналогичное словосочетание отмечено также в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова: начисто отказался от платежа (Пушкин. Пиковая дама). «Словарь языка Пушкина» в свою очередь фиксирует пять употреблений *начисто* (*на-чисто*) в значении «полностью, совсем», иллюстрируя их примерами с тем же самым глаголом: *отказаться, отказать начисто (на-чисто), (наотрез)*.

Все названные словари второе значение (небуквальное) дают с пометой «разговорное», и только «Словарь русского языка» С. И. Ожегова квалифицирует данное употребление как «просторечное». Хотя и в этом словаре повторяется пример с уже известным словосочетанием «Начисто отказался платить», стилистическая характеристика слова снижается до оценки «нелитературное». Так как слово в последнее время широко употребительно, такая оценка, по-видимому, нуждается в соответствующем комментарии.

Отсутствие самостоятельной статьи на это наречие в Толковом словаре В. И. Даля можно рассматривать как косвенное свидетельство существенного роста употребительности непрямого значения *начисто* по сравнению с недавним прошлым. Очевидно, употребительность его возрастала по мере удаления от буквального смысла, что само по себе было связано с изменением сочетаемости слова. Связь с прямым значением определяла круг глаголов, с которыми наречие употреблялось. В целом их можно охарактеризовать как «глаголы уничтожения», то есть обозначающие действия, после завершения которых остается чистое место: *отгрызть, разорить(ся), истребить, ограбить, уничтожить, разбить* (в бою), *высадить* (*выбить*). Поскольку названные глаголы более характерны для разговорной сферы речи, то и сочетания с этими глаголами квалифицировались как разговорные.

В языке наших дней дело обстоит по-другому. Прежде всего слово стало употребляться не только с «глаголами уничтожения», но и с глаголами, так сказать, неактивного действия: От него ничего не осталось, он начисто исчез... (Гранин. Однофамилец); Этого умения профессор Флягин начисто лишен (Грекова. Кафедра); ...вольт, начисто все меняющий (Затонский. Лицо и маска); Я был уверен тогда, что начисто лишен тщеславия (Солоухин. Приговор), Сюда же относится целый ряд словосочетаний с разными формами глагола *забыть*: *начисто забылось, забывал, забытым, забыл* и т. п. Много примеров такого рода встретилось в произведениях

Паустовского, Гранина, Грековой и др. Подобные сочетания свидетельствуют об отрыве переносного значения от прямого. Существенным признаком такого отрыва является экспрессивная окрашенность слова.

Выполняя функцию эмоциональной характеристики высказывания, наречие *начисто* употребляется с глаголами, общий смысл которых может быть определен, как «глаголы отсутствия, несуществования»: В записных книжках пейзажи отсутствуют *начисто*, и это сильно способствует их прозаичности (Чуковский. О Чехове); Он говорил правду. И Манина говорила правду. Но одна правда *начисто* исключала другую (Колунцев. Утро, день, вечер); ...и голоса их были раскованны, *начисто* освобождены от мирских забот, гортанны (там же); Вернувшись в казарму, Дмитрий, несмотря на освобождение, не мог все же *начисто* отрешиться от течения жизни (Солоухин. Мать-мачеха).

Итак, зависимость переносного значения от прямого нарушилась, но «родство» их сохранилось: *начисто* вместо *совсем*, полностью чаще употребляется с такими глаголами, значение которых включает в себя понятие «отсутствие, утрата чего-либо». Поэтому оказываются возможными также словосочетания с глаголами с отрицанием: Но понятия «икона», «русская икона», «древнерусская икона» для меня не существовало *начисто*... (Солоухин. Черные доски); Мне не только чужда, но и отвратительна гипертрофия собственной личности и «обида куклы» всегда была мне более собственной обиды, вот чего вам *начисто* не дано, настоящие символисты (Нагибин. Смерть на вокзале).

Расширение связей наречия *начисто* с разными глаголами привело к новым синонимическим отношениям. В качестве синонима стало выступать другое экспрессивное наречие — *напрочь*, значение которого, если судить по данным словарей, значительно уже. Словари фиксируют устойчивые сочетания этого слова с глаголами *отрезать*, *отрубить*, *оторвать* и, вообще, *отделить*. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: *напрочь* — (прост.) совсем, окончательно. Употребление *напрочь* в качестве синонима *начисто* можно объяснить тем, что в нашем языковом сознании оба слова по своему лексическому значению разграничены нечетко, зато общая экспрессивная окраска их объединяет: Эта часть жизни не интересовала его *напрочь* (Трифонов. Предварительные итоги); Он не ответил, сидел, по-прежнему зажав в коленях вялые, бледные ладони, поглощенный своей болью, кажется, *напрочь* забыв о Веронике (Колунцев. Утро, день, вечер).

Для характеристики речевого взаимодействия слов *начисто* и *напрочь* удачной иллюстрацией, на наш взгляд, может служить роман Ф. Абрамова «Дом». Здесь встретились словосочетания и с тем, и с другим наречием: Крыша выгнила *начисто* вся, до единой тесницы; Кредиты выбрал у старух *начисто* — что делать?; ...поселок сгорел *начисто*; ...кивать при встрече кивал, а звук пропал *начисто*; ...умерла жена — и за один год оглох. *Начисто*; ...и с ног *напрочь* не валит и температуру нужную дает...; ...ведь есть же у него сердце, не сгнило же *напрочь*.

Хотя в приведенных примерах не всюду возможна взаимозамена двух наречий, ясно, однако, что в современном языке *начисто* и *напрочь* далеко разошлись с их буквальным значением, а в экспрессивной функции эти слова выступают как синонимы.

Интересна, вместе с тем, собственно стилистическая характеристика этих наречий.

Стиль Абрамова по своей авторской установке отражает диалектно-просторечную сферу речи. Учитывая, что в Словаре С. И. Ожегова оба наречия имеют помету «просторечное», можно было бы ожидать, что они используются автором как характерологическое средство. На самом деле это не так. Все приведенные примеры относятся к авторской речи, где *начисто* и *напрочь* не несут самостоятельной стилистической нагрузки, а органично включаются в разговорно-экспрессивную форму изложения.

Имея в виду все сказанное, нам представляется единственно возможным оценивать наречие *начисто* в русском языке наших дней как разговорно-экспрессивное. Только такая характеристика позволяет объяснить, в частности, почему в текстах количество словосочетаний с этим словом никак не зависит от темы произведения или стилистической манеры писателя. Кроме того, употребление *начисто* возможно даже в строгой научной речи, когда условия этой речи требуют соответствующей эмоциональной окраски.

Считалось, что молодого Пушкина еще в Лицее дважды рисовали художники и что такими двумя портретами являются цветной рисунок Пушкина-лицеиста, принадлежавший якобы директору Лицея Е. А. Энгельгардту, и однотонный рисунок, гравированный в 1822 году Е. Гейтманом... Однако новейшие исследования пришли к выводам, которые *начисто* изымают из разряда исторических документов энгельгардтовского Пушкина и сводят к минимуму свидетельскую ценность композиции Гейтмана (Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979); Куда исчезло у английского переводчика это лексико-синтаксическое и интонационное богатство?

Отбросив его начисто, Джордж Ганна дал взамен правильный гладкий английский язык, «усредненностью» которого Лесков-языкотворец низведен до уровня лощеного автора слегка забавных историй (см.: Русская речь, 1972, № 5).

Мы уже обратили внимание читателя на то, что в сочетании с глаголом *отказать(ся)* слово *начисто* переходит в виде примера из словаря в словарь. При этом составители ориентируются, по-видимому, на его употребление в произведениях Пушкина. Нужно сказать, что в таком словосочетании *начисто* синонимично скорее нейтральному наречию *наотрез*, чем *совсем* или *полностью*, и в «Словаре языка Пушкина» это отмечено. Однако устойчивое и давнее употребление наречия с этим неактивным и нейтральным глаголом, возможно, способствовало как «забвению» его внутренней формы, так и сгущению экспрессивной окраски. Оба процесса, развиваясь параллельно, привели к тому, что стало возможным использование наречия *начисто* и в собственно экспрессивной функции: И вот тут прорвало начисто...; — Трамваем задавило? — шепотом спросил Поплавский. — Начисто! — крикнул Коровьев, и слезы побежали у него из-под пенсне потоками. — Начисто! Я был свидетелем (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Л. П. КАТЛИНСКАЯ

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Что означает слово хронометраж?

Г. С. Валуев, Суздаль.

Хронометраж — «точное измерение времени, идущего на выполнение производственных операций». Например: *хронометраж работы*; *данные хронометража* и т. п.

Слово *хронометраж* (из французского *chronométrage*) восходит к греческому *chronos* «время» и *metreo* «измеряю»; буквально «измерение времени».

Избыточными, тавтологическими являются выражения типа *хронометраж времени* или *временной хронометраж*, поскольку в само слово *хронометраж* входит понятие о времени.

НЕОЖИДАННЫЕ СРАВНЕНИЯ В ФЕЛЬТОНЕ

●

Сравнение — одно из речевых средств, усиливающих выразительность публицистической речи. В русском языке существуют устойчивые общеязыковые сравнения и сравнения свободные, индивидуальные, речевые.

Сравнения-фразеологизмы, хотя и являются одним из выразительных средств, привлекаются авторами фельетонов не часто, потому что они привычны, используются в одних и тех же условиях контекста. Фельетонисты предпочитают создавать и употреблять яркие, оригинальные сравнения, в основе которых лежит неожиданное, необычное сопоставление предметов, свойств, действий. Только такие сравнения могут выполнить дополнительную функцию средства создания комического.

Обычный способ образования сравнений в фельтоне —

оборот с союзами *как, словно, будто* и т. д. Сравнения, построенные на сближении, казалось бы, несопоставимых понятий, — один из самых излюбленных приемов И. Ильфа и Е. Петрова, фантазия которых отличалась богатством и разнообразием: Он надел брюки, тяжкие московшвеевские штаны, мрачные, как канализационные трубы... (Директивный бантик); Его творческий метод прост и удивителен, как проза Мериме (Любовь должна быть обоюдной); Провожающих не пускают. И стоит жена у входа, глотая слезы, большие, как аптекарские пилюли (Халатное отношение к желудку); Во время осмотра трусливый Михаил Александрович смотрел на свою грудь, мохнатую, как демисезонное пальто, полными слез глазами (Процедуры Трикартова).

В роли сравнения фельетонисты используют также конструкцию с творительным падежом. Это нерасчлененная, слитная форма сравнения: Если дела идут плохо, он появляется торжественным мрачным вороном (Мих. Кольцов, В дороге); От пышных локонов не осталось и следа. Волосы торчали во все стороны велосипедными спицами (Сем. Нариньяни. Мотя-Мадлен). Сравнение может быть выражено и при помощи лексических средств: Повсюду стояли длинные, вытянутые в высоту, и узкие вазочки для цветов в

голой стеклянной пятакой. Они походили на берцовую кость человека и вместили только по одному цветку (И. Ильф, Е. Петров. Горю — и не сгораю).

Приведем несколько примеров неожиданных сравнений из фельетонов современных авторов: Автоматом управляет буфетчица, молодая и гордая, как водитель первого межпланетного корабля (Л. Лиходеев. Пожалуйте к столу); А дальше? А дальше веселье пустоты. И разве что спасет положение тамада, задрав бокал так, словно собираясь вворачивать лампочку... (А. Моралевич. Несуетным шагом); Разновысокие ступени ведут в трухлявый лабаз. Ставни на окнах, как оборванные уши двоичников (Крокодил, 1968, № 2).

Юмористичность сравнения возникает также в результате несочетаемости слов по смыслу в сравнительной части оборота: Дело в тех, кто любым способом норовит уйти от решения острой проблемы, переложить ответственность на другого. Пусть они образованы и доброжелательны — все равно их сочувствие без действий, констатация без конкретных решений, понимание без активного вмешательства бесполезны, как трикотажный телевизор или бульон из битой стеклотары. Так критикуйте же их, коллеги-фельетонисты, критикуйте смело и не взирайте

на лица! Мысленно я с вами! (В. Надеин. Мысленно с вами). Словосочетания *трикотажный телевизор* и *бульон из битой стеклотары* употреблены автором вполне обоснованно, так как объектом сравнения является бесполезность понимания без активного вмешательства (как бесполезны трикотажный телевизор или бульон из битой стеклотары).

Для создания комических сравнений употребляется детализация, сужение понятия. Этот прием — одно из проявлений так называемой речевой конкретизации, которая лежит в основе выразительности и образности. Такое сравнение вызывает у читателей и слушателей представление, воздействующее не только на их сознание, но и на их чувства. Речевая конкретизация в конечном счете формирует в слове его эмоциональное значение. Так, в языке существует сравнение *холодец как рыба*. Используя эту модель, фельетонист создает на ее основе другое сравнение:

Начальник был холодец, как серебристый хек: — В назначенный нами день вас не было дома. Так что займемся вашим заказом как-нибудь попозже (В. Егоров. Бармалей с доставкой на дом). Здесь автор использовал более узкое, видовое понятие *серебристый хек* вместо родового понятия *рыба*. Еще примеры: Официант вадумался, как абитуриент на

экзамене по физике, а затем изложил свою точку зрения... (Крокодил, 1968, № 1). Фельетонист уточняет сравнение (особенно сложным, по мнению автора, является экзамен по физике). Он искренне хочет подать машину к воротам базы. Его ли вина, что подъездные пути скользкие, как олимпийский каток? (Крокодил, 1968, № 4) — уточнение *олимпийский* делает сравнение более выразительным.

Очень ярки сравнения, осложненные дополнительными средствами выразительности, особенно, когда объект сравнения воспринимается одновременно в двух значениях — прямом и метафорическом. Вот пример: Важно другое — эффект был столь же ничтожен. Ибо выдумка была плоской, как летающая тарелка (Гр. Огнев. Как рассмешить кошку?). В сочетании *плоская, как летающая тарелка* слово *плоская* использовано автором в значении «имеющий небольшую толщину или высоту при прямой и ровной поверхности». А в сочетании *плоская выдумка* слову *плоская* дано метафорическое значение — «лишенная остроты, оригинальности; банальная».

В современном русском языке есть глагол *пасутся*, который имеет два значения: прямое — «быть, находиться на подножном корму (о скоте, диких травоядных животных)», метафорическое — «добывать

средства для существования (о человеке)». — А мне стулья ребята добыли... — говорит его сосед. — Ну, бутылку им я, конечно, купил... Ребята, которым надо покупать бутылку, пасутся вокруг мебельных магазинов, как дикие мустанги (Л. Лиходеев. Сундуки со звуком). В сравнительном обороте слово *пасутся* воспринимается в обоих значениях: прямом, которое выявляется из сочетания *пасутся, как мустанги*, и переносном — *пасутся ребята*. Это каламбурное сравнение построено автором на сопоставлении столкновении двух значений одного слова.

Приведем еще два примера использования каламбурного сравнения: Утверждают, что мир беспозвоночных в тысячи раз богаче и разнообразнее млекопитающих со всеми мышками, зебрами и кашалотами. Но, думается, классификационный ряд лодырей еще длиннее, чем у жуков и стрекоз. Ибо есть лодыри чистые и жгучие, как неразведенный спирт (В. Надеин. Стрекоза на окладе); Он начинает страдать болезнью малокровных — головокружением. Как плохо пришитую пуговицу, он терит живость характера» (Г. Рыклин. Случайное знакомство).

Действенность сравнения как средства выразительности возрастает, если при построении сравнительного оборота фельетонист использует разностильные элементы, стиливой конст-

раст. Вот два примера, в которых сравнение содержит слова специальные, терминологические: Совхоз «Рассвет», Ставропольский край. Клуб валит-ся набор, как торпедированный; Кстати, о беллетристике. Бойся книжек и книжных слов, как антонова огня. Если что-нибудь в книжке напечатано — пропало. Начнешь подъезжать к женщине, а она тебя вдруг как кипятком опарит: — Все, что вы говорите, это так неоригинально. Об этом даже в книжках пишут (Крокодил, 1968, № 2).

Степень выразительности сравнительного оборота повы-

шается, если автор использует в его составе иронию: А весна уже вкралась в последние дни апреля, незаметно и проворно, как вкрадывается увлекательная опечатка в газетную передовицу (И. Ильф, Е. Петров. Идеологическая пеня). Слово-сочетание *увлекательная опечатка* — шутливо-ироническое. Не помогло, — она оставалась холодной, как полторы дюжины снежных королей, как тридцать три порции эскимо (Г. Рыклин. Кисейная барышня) — здесь сравнение построено на основе гиперболы.

В. Н. ВАКУРОВ

СРЕДИ КНИГ

Скворцов Л. И.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ.

М.: Наука, 1980

О культуре русской речи написано множество статей, очерков, книг, справочных пособий. В некоторых из них рассматривается и оценивается роль диалектизмов, жаргонизмов, просторечных слов, в других дела-

Книга о теории речевой культуры

ется попытка регламентировать современное произношение и ударение, в третьих указывается на ошибки и неточности в словоупотреблении (в выборе слов и построении словосочетаний). Немало работ посвящено защите русского литературного языка от «непрощенных гостей» — варваризмов, канцеляризмов, вульгаризмов. Многие из этих частных наблюдений и рекомендаций сыграли полезную культурно-познавательную и общественно-воспитательную

роль. В научный и педагогический обиход вошли различные словари трудностей современной речи, что также способствовало повышению речевой культуры.

Однако сама теория нормализации литературного языка (с учетом современного состояния лингвистической науки), основные принципы учения о культуре речи оставались малоработанными. Это, естественно, приводило к нежелательному разбою как в трактовке основных понятий данной научной дисциплины, так и в практических оценках конкретных речевых фактов.

Книга Л. И. Скворцова «Теоретические основы культуры речи» во многом восполняет этот пробел в лингвистической теории. Она привлечет внимание читателей не только исключительной информативностью, обилием свежего, умело подобранного и искусно интерпретированного материала. Новизна монографии заключается в установлении основных объектов учения о культуре речи, в утверждении и доказательствах особого статуса этой новой науки и общественно-культурной деятельности. Автор ограничивает науку о культуре речи от смежных областей — стилистики языка и стилистики речи. Справедливо полагая, что первой, низшей ступенью культуры речи является ее правильность, автор подчеркивает, что «подлинная культура речи предполагает владение формами и стилями современного литературного языка в соответствии с целями и задачами общения» (с. 109).

Особое внимание уделено в книге рассмотрению нормы литературного языка — центрального понятия учения о культуре речи. Л. И. Скворцов — сторонник объективно-исторического и динамического понимания природы нормы. Опираясь на анализ значительного фактического материала, он предлагает различать два типа норм: «императивные (обязательные) и диспозитивные (восполнительные, применяемые в тех случаях, когда вопрос не урегулирован соглашением сторон)» (с. 34—35).

Обстоятельно написаны разделы книги, посвященные обоснованию и углублению динамической теории нормы. Автор отмечает сдвиги в нормативных оценках (показательная сводка сравнительно быстрой переоценки одних и тех же слов в различных, но близких по времени издания, словарях приведена на стр. 327—331). Очевидно, что динамический подход к норме таит в себе и определенную опасность: можно незаметно увлечься, принять эфемерные факты за действительно продуктивные и пойти, по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «вперед прогресса». Автора книги нельзя упрекнуть в этом. В результате объективного и достаточно осторожного подхода к языковым фактам ему удалось в своих оценочных суждениях избежать старомодного пуризма, а также малообоснованного и поспешного реформизма. Развитие и частичное изменение норм, по мнению автора, приводит не к распаду системы литературного языка, а, наоборот, к укреплению его нормативности. Су-

шественно отметить и то, что связывая изменения норм с процессом языковой эволюции, Л. И. Скворцов непосредственно подходит к самой теории становления и развития литературных языков, решает частные вопросы нормативного характера в плане общих структурных особенностей современного русского языка.

Рассматривая динамику нормы на фоне структуры языка, автор не упускает из виду социальную обусловленность языковых изменений и нормативных предписаний. В книге подчеркивается, что фактор социального престижа — важный внеязыковой стимулятор, «регулирующий» нормативных установлений и оценок. «Учение о культуре речи», — подчеркивает Л. И. Скворцов, — не ограничивается описанием установившейся структуры (даже с учетом ее „слабых“, развивающихся точек или областей). Для того чтобы быть перспективным, оно должно учитывать внешние, нелитературные воздействия на традиционную норму, опираться на объективную картину эволюции литературного языка, стимулированной социально» (с. 123). Особенно сильное влияние социально-исторических факторов на перестройку норм литературной речи ощущалось в революционную эпоху, когда возникла необходимость говорить с массами доступным им языком. Эволюция и смена литературных норм осложняется, таким образом, драматической, напряженной борьбой вкусов, традиций, социально-групповых и индивидуальных оценок фактов языка.

Автор стремится показать

животворную роль народной речи, укрепить национальные, самобытные черты русского литературного языка. В связи с этим и вводится в книгу понятие «национально-художественной нормы», которая воплощается в лучших произведениях мастеров слова. На примере творчества Л. Н. Толстого раскрывается сложное взаимодействие народной и литературной стихии. При этом задача автора состоит вовсе не в том, чтобы указать на отступления от литературной нормы, мнимые стилистические промахи Л. Н. Толстого (как это нередко делалось в иных публикациях). Напротив, факты индивидуального толстовского словоупотребления отражают его философское мировосприятие, демонстрируют отношение Л. Н. Толстого к языку: убежденное пренебрежение к внешней правильности (как он говорил, «пошлости») ради точности и выразительности живой народной речи.

В книге разрешается проблема взаимоотношения общелитературного и индивидуального словоупотребления. Признавая, что художественная литература — это сокровищница языковой культуры, что необычность писательского слова, внешне противоречащая прописным грамматическим истинам, на деле часто оказывается точностью искусства, точностью свежего взгляда на примелькавшиеся вещи, автор в то же время ограничивает свободу поэтического словотворчества. «Нельзя думать, однако, что художник вполне свободен от законов языка, от требований грамматики и ор-

фозии. В большинстве случаев свободу так называемых поэтических вольностей мы преувеличиваем» (с. 234).

Убедительно и живо пишет Л. И. Скворцов о природе и истоках пуризма и антинормализаторства. В основе пуризма, по его словам, лежат субъективные вкусы и антиисторичность — непонимание или непризнание объективных закономерностей поступательного развития языка; антинормализаторство же — проповедь вседозволенности в языке, поклонение стихийности в его развитии. По отношению к иноязычным заимствованиям Л. И. Скворцов намечает перспективную программу нормализаторской деятельности, в которой учитывается неравноценность заимствований и творческая, активная роль усваивающего языка. В книге немалое место уделено соотношению терминологии и литературной нормы. Не отрицая возросшего удельного веса терминологической лексики в словарном составе современного языка, автор в то же время не видит оснований говорить о «рационализации» или «технизации» языка в эпоху научно-технической революции. В книге приводятся наблюдения о замене наименований и причинах этого явления. Здесь и критерий благозвучности (в силу чего, например, термин *обезгаживание* был заменен термином *дегазация*), и влияние фактора престижа в наименовании профессий (такие названия, как *сьемщик шкур*, *трепальщик*, *отдел захоронений* и под., постепенно устраняются из употребления), и усложнение са-

мой технологии, и повышение культурного самосознания.

Компактно и содержательно рассказывается об этапах развития русского литературного языка, о расширении его базы, о сближении «разговорного» и «книжного», о демократизации современной речи. «Демократическая природа национального русского языка составляет его внутрискруктурную основу; изменения норм во времени всегда или почти всегда связаны с нейтрализацией в общем употреблении элементов, расцениваемых с традиционно нормативных позиций как „сниженные“, „разговорные“, „нелитературные“ и т. п.» (с. 200).

В книге Л. И. Скворцова «Теоретические основы культуры речи» не только по-новому рассматриваются и оцениваются основные понятия науки о культуре речи; здесь даны сведения из истории нормализации русского языка, сопоставляются и критически осмысливаются мнения крупнейших русских ученых, приведен свежий и богатый материал современной речи. Главное же достоинство монографии — преодоление прагматизма нормализаторской деятельности и стремление представить учение о культуре речи как часть общей теории становления и развития русского литературного языка. Эта книга явится не только значительным вкладом в науку о языке, но и будет с живым интересом встречена всеми, кто любит и бережет родное русское слово.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

К 200-летию
со дня рождения

Александр
Христофорович
ВОСТОКОВ
1781—1864

Научные заслуги А. Х. Востокова, 200-летие со дня рождения которого отмечает в этом году научная общественность, давно признаны лингвистами самых различных направлений: историками русского языка, лексикографами и грамматистами, специалистами в области описательной грамматики, исследователями русского стиха, славяноведами, палеографами.

А. Х. Востоков прожил долгую, творчески активную жизнь, и даже беглое ознакомление с тем, что сделано ученым, поражает грандиозностью построенного им научного здания. Вся деятельность А. Х. Востокова — пример беззаветного и бескорыстного служения науке. О Востокове написано немало, но, как настоящий глубокий, оригинальный ученый, он неисчерпаем. Лингвисты разных направлений до сих пор обращаются к его трудам, пользуясь богатейшими фактическими данными, сверяя собственное языковое чутье с

безукоризненной интуицией ученого. Можно удивляться его умению сопоставлять, систематизировать и анализировать разнородные речевые данные не по внешним поверхностным признакам, а проникая в сущность описываемых фактов, умению видеть за формой языковых явлений движение человеческой мысли.

Первая треть XIX века, когда происходило становление Востокова — гражданина и ученого, определяется многими историками культуры как романтико-исторический период русского Просвещения. Это время характеризуется обостренным чувством национального самосознания русского общества, интересом к истории России, к поэтическому творчеству народа; значительно возрастают в этот период исторические и археологические изыскания. Общее направление культурных интересов не могло не сказаться и на проблематике науки о русском языке. В лингвистических исследованиях первой трети XIX века важное место занимало изучение истории русского языка, начальных этапов его формирования, что в значительной мере обусловлено открытием основных древнейших памятников славянской письменности. Общая гуманитарная направленность этого периода нашла яркое воплощение в деятельности великого русского лингвиста А. Х. Востокова.

Изучением славянских языков и памятников древнеславянской письменности А. Х. Востоков начал заниматься с 1802 года. В архиве ученого сохранилась тетрадь с надписью «Коренные и первообразные слова языка славенского». Сохранились также обширные материалы для этимологического словаря славянских языков под названием «Этимологическое словорасписание». Хотя материалы словаря остались неопубликованными, они нашли отражение в последующих работах Востокова, особенно в лексикографических.

Продолжая заниматься этимологией, А. Х. Востоков начинает разрабатывать грамматику старославянского языка. 20 мая 1818 года в письме А. А. Прокоповичу-Антонскому он сообщал: «Пока источники мои ограничивались печатными книгами и наслышкою живаго языка, ревностно занимался я своею Лексикографиею... Но когда случай привел меня увидеть старинныя рукописи Славенския, а также и некоторыя старопечатныя книги, и в них правописание, словоокончания и обороты во многом отличные от употребительных в позднейшем языке; тогда я убедился в необходимости заняться сперва *Грамматикою*, т. е. исследованием и показанием свойств языка и различных его форм, с изменениями, каким подвергались формы сии в продолжении столетий, в России и в других землях Славенских» (Труды Общества любителей российской словесности. М.: 1818, ч. XII, с. 72—73). В 1820 году А. Х. Востоков написал свое знаменитое «Рассуждение о славянском языке, слу-

жащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам». Этот труд намного опередил западноевропейское славяноведение того времени. В работе впервые дана периодизация старославянского языка, установлены некоторые фонетические и морфологические особенности, отличающие его от русского языка древнейшей поры, сделан ряд ценнейших наблюдений по истории отдельных славянских языков: польского, сербского, чешского и болгарского.

Вскоре А. Х. Востоков приступает к описанию богатейшего рукописного собрания графа Румянцева. Ученый собственноручно переписал свой труд, и в 1842 году вышло в свет «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума». Рукописи описаны Востоковым тщательнейшим образом, о каждом древнем памятнике сообщаются сведения как палеографического, так и лингвистического характера. Это издание стало образцом палеографического описания для ученых XIX века, ему следовал И. И. Срезневский в работе над древними текстами.

Описание рукописей Румянцевского музеума не единственный труд А. Х. Востокова такого рода. Им сделаны разбор десяти рукописей Е. Болховитинова (три из которых ученым отнесены к XI веку, две — к XII—XIII-м, остальные — к XIV, XV и XVI-м), описание Лаврентьевского списка «Повести временных лет», вышедшее под названием «Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия», и другие описания славянских рукописных и печатных книг.

Работая над древним текстом, Востоков умел различать особенности письма разных стран и разных веков (им составлена таблица почерков славянского письма, к сожалению, утраченная), обрабатывать дефектные тексты (ему удалось восстановить стертую запись о времени написания Добрилова евангелия — 1164 г.).

В научном наследии А. Х. Востокова есть памятник славянской письменности, интересовавший ученого на протяжении многих лет, — Остромирово евангелие XI века. Этот памятник привлек его внимание еще в 1814 году, когда он получил доступ к древним рукописям императорской публичной библиотеки. Многие выводы «Рассуждения о славянском языке...» сделаны на основе сопоставительного изучения Остромирова евангелия и других старинных рукописей, а также живых славянских языков.

Востоков подготовил к публикации полный текст Остромирова евангелия, который вышел из печати в 1843 году. К нему прилагаются «Грамматические правила славянского языка, извлеченные из Остромирова евангелия». Эти правила — результат многолетнего изучения грамматического строя памятника. В издании имеется

указатель слов, представленных в той форме, в какой они встретились в тексте, причем каждая форма грамматически объяснена и соотнесена с греческим словом (словом подлинника); указаны и описки писца, свидетельствующие о его русском происхождении. Кроме того, приложены шесть снимков почерка и манеры рисования. Блестяще подготовленное А. Х. Востоковым Остромирово евангелие явилось непревзойденным образцом для последующих изданий древних памятников.

*

Не менее плодотворна была деятельность ученого в области лексикографии. Востоков принял самое активное участие — как теоретик-лексикограф, составитель и редактор — в создании «Словаря церковнославянского и русского языка», вышедшего в 1847 году. Словарь содержал свыше 114 тысяч слов древнерусского, церковнославянского и русского языков и являлся своеобразной сокровищницей языка от первых письменных памятников до литературных произведений первой половины XIX века. Он стал в какой-то мере реализацией взглядов ученого на соотношение древнерусской, церковнославянской и русской лексики. Второй том Словаря полностью отредактирован Востоковым. Под его редакцией вышел в 1852 году еще один академический словарь — «Опыт областного великорусского словаря», а в 1858-м — Дополнение к нему.

Около 40 лет трудился ученый над «Словарем церковнославянского языка», изданным в двух томах (т. 1 — 1858, т. 2 — 1861). Им тщательно изучены и расписаны рукописи XI—XVIII веков. Значение каждого слова определялось путем сличения контекстов, в которых слово употреблено. При определении значения слов, переведенных с греческого, анализу подвергались и слова греческого оригинала. По строгости метода, ясности и точности изложения, лаконичности Словарь Востокова — один из лучших лексикографических трудов, до сих пор незаменимое пособие по лексике старославянского языка.

1981 год — вдвойне значим для почитателей А. Х. Востокова. В текущем году исполняется 150 лет со дня издания двух его грамматик. Это «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» и «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная». Обе книги вышли в 1831 году (первая издавалась 16 раз, последнее издание — 1877; вторая — 12, последнее издание — 1874).

В. Г. Белинский был одним из первых современников А. Х. Вос-

токова, кто по достоинству оценил «Русскую грамматику»: «Грамматика г. Востокова, без всякого сомнения, есть лучшая из всех доныне изданных; она драгоценна по многим важным открытиям и тонким замечаниям касательно свойств и особенностей нашего языка; она обнаруживает в авторе человека, глубоко изучившего свой предмет, преследовавшего его с неутомимою ревностью в продолжение многих лет своей жизни, посвященной бескорыстному служению родному слову» (Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: 1953, с. 116).

Заказ на написание русской школьной грамматики ученый получил от министерства просвещения в 1827 году. Востокову было 46 лет, когда он взялся за ее составление. К этому времени ученый зарекомендовал себя прежде всего как историк языка, знаток древней письменности, палеограф. Поэтому современники ожидали от него историческую грамматику, но Востоков создал грамматику описательную, где проявил себя блестящим знатоком современного ему русского языка.

«„Русская грамматика“ Востокова,— писал В. В. Виноградов в статье „Русская наука о русском литературном языке“,— продолжает и углубляет ломоносовскую традицию грамматического исследования русской языковой системы. Необыкновенный лаконизм и глубина проникновения в сущность языкового явления, точность и простота грамматических обобщений, умение отделить основное в грамматической категории от случайных примесей, охват огромного материала и умение отобрать для изложения самое существенное — все эти черты лингвистического гения с поразительной силой дают себя знать и в Грамматике Востокова, особенно в ее морфологическом разделе. Востокову удалось наметить основные грамматические категории, связанные с каждой из частей речи, и охарактеризовать их с удивительной простотой и краткостью» (История русских лингвистических учений. М.: 1978, с. 296).

А. Х. Востоков в русском языке выделял восемь частей речи: существительное, прилагательное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз и междометие. Основными частями речи в классификации Востокова выступают существительное и глагол. У существительных выделены категории рода, представления (субъективной оценки), числа и падежа. Глава, о глаголе — одна из самых содержательных и больших в грамматике. Новым шагом, по сравнению с «Российской грамматикой» (1755) М. В. Ломоносова, стало учение о видах: неокончателном (несовершенном), совершенном и многократном. Среди глаголов неокончателного вида выделены определенные (*вести, ехать, лететь, плыть*) и неопределенные (*водить, ездить, летать, плавать*). Глаголы совершенного вида подразделе-

ны на глаголы начинательные (*стану хвалить, пойду*) и окончательные (*похвалить, дойти*). Глаголы совершенного окончательного вида делятся в свою очередь на длительные и однократные. Система времен, представленная Востоковым, продолжает традицию ломоносовской грамматики. В «Русской грамматике» Востокова — 8 времен, в «Российской грамматике» Ломоносова — 10.

*

Нельзя не остановиться еще на одной стороне творческой деятельности великого ученого, оставившей заметный след в истории русской культуры. Это поэтическое творчество и исследование русского стиха. Как поэт Востоков ставил перед собой задачу выразить на языке поэзии свое научное, гражданское и художественное миропонимание. Решению этой задачи служили все применявшиеся им приемы и средства поэтической изобразительности. Отличительные черты поэзии Востокова: приподнятость ораторской речи, пафос поэта-пророка, глашатая высоких истин, грандиозность образов, насыщенность поэтического языка славянизмами и библеизмами, тяготение к жанру монологической оды.

Особое отношение вызывала у Востокова античная поэзия, которая понималась им как своего рода гражданский и эстетический идеал. Античные формы стиха, по его мнению, наилучшим образом способны воплотить возвышенное, героико-гражданственное содержание. В освоении гекзаметра Востоков в полной мере может считаться предшественником Н. И. Гнедича, использовавшего опыт Востокова при переводе «Илиады».

Поэтическое творчество Востокова нередко определялось научными устремлениями. Так, исходя из своих филологических интересов, он первым из русских поэтов взялся за перевод славянского эпоса. Его переводы чешских и сербских народных песен ввели русского читателя в мир западнославянской поэзии. Этими переводами пользовался А. С. Пушкин при создании «Песен западных славян».

Научные и поэтические интересы Востокова, в частности, нашли свое выражение в «Опыте о русском стихосложении», впервые опубликованном в 1812 году. В 1817 году ученый издал его в расширенной редакции, дополнив «Критическим обзорением стопосложных размеров, употребительных в российском стихотворстве». Работа эта посвящена в основной части исследованию народного русского стиха, основанного на счете ударений, а не слогов. Исследование Востокова было высоко оценено А. С. Пушкиным: «Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию, Вероятно, будущий наш

эпический поэт изберет его и сделает народным» (Путешествие из Москвы в Петербург). Как серьезное теоретическое обоснование системы русского тонического стиха «Опыт о русском стихосложении» не потерял своей значимости и до настоящего времени.

*

Когда в наше время ученый-русист обращается к трудам Востокова, он ощущает себя в какой-то мере его современником: настолько живы в русистике традиции сравнительно-исторического и описательного языкознания, которые заложены великим ученым. Так, например, авторы академической «Русской грамматики» (М.: 1980) среди своих научных предшественников указывают А. Х. Востокова. Л. И. Скворцов в монографии «Теоретические основы культуры речи» (М.: 1980) числит его в ряду тех ученых, которые заложили основы нормативной грамматики современного русского литературного языка. В. Л. Воронцова в книге «Русское литературное ударение XVIII—XX вв.» (М.: Наука, 1979) опиралась в своих выводах об акцентных нормах первой половины XIX века на данные «Русской грамматики» А. Х. Востокова.

Г. А. СМЕРНОВА

«Говорите ясно и просто» — под таким названием издательство «Знание» в серии «Методика лекционной пропаганды» выпустило брошюру доктора филологических наук Ю. А. Бельчикова.

В этой работе рассказано о специфике публичной речи, на конкретных примерах даны рекомендации, как наиболее ярко, доходчиво и содержательно изложить тему выступления. Читатель узнает о принципах выбора слов, о разных приемах пояснения терминов и непонятных слушателям иностранных слов, о правильном использовании книжной и разговорной лексики. Автор сообщает также о трудностях, которые могут встретиться при подготовке выступления, и как их преодолеть.

Брошюра Ю. А. Бельчикова будет полезна лекторам, пропагандистам, всем читателям, интересующимся вопросами культуры речи.

*К 95-летию
со дня рождения*

**Афанасий
Матвеевич
СЕЛИЩЕВ**

1886—1942

Имя члена-корреспондента Академии наук СССР и Болгарской академии наук, члена ряда зарубежных научных обществ Афанасия Матвеевича Селищева по праву занимает одно из первых мест среди выдающихся славистов мира. Это был ученый огромной творческой силы и неиссякаемого трудолюбия. Многогранность научных интересов А. М. Селищева отразилась и на его трудах по славянскому сравнительному языкознанию, македонской диалектологии, а шире — по балканистике, исторической географии, топонимике, ономастике, палеографии, этнографии славян, по истории славянского языкознания и литературы. Много и эффективно работал ученый в области русской диалектологии и истории русского языка.

Мне вспоминается Афанасий Матвеевич с твердым, точно высеченным из камня лицом, с высоким лбом, обрамленным седыми кудрями, с глубоко посаженными молодыми глазами. От всей его фигуры веяло суровостью и величием. Улыбка редко освещала лицо Афанасия Матвеевича, и людям, мало знавшим его, он казался замкнутым. Но внешняя суровость сочеталась в нем с большой душевностью. Великий трудолюбец, он был строгим учителем, не терпел верхоглядства, зазнайства, поверхностного отношения к делу. Но зато как светлело его лицо, сияли глаза, когда он встречал настоящую увлеченность наукой! Сам он каждую минуту своей жизни отдавал любимому делу, не жалея ни сил, ни времени на встречи со студентами и аспирантами, на советы и консультации.

А. М. Селищев был не только большим ученым, но и замечательным организатором науки, на редкость талантливым педагогом. Его лекции слушали студенты и аспиранты Казани, Иркутска, Москвы, Ярославля, Минска и других городов. Он вырастил целую плеяду крупных ученых. Самым старшим учеником А. М. Селищева, подготовленным еще в Иркутске, был П. Я. Черных. В Московском университете в первой же группе его учеников (с 1922 г.) были Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, несколько позднее П. С. Кузнецов, а затем С. Б. Бернштейн и Н. И. Кравцов (фольклорист). В Ярославле учеником А. М. Селищева был С. А. Копорский. В Московском институте истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского в конце 30-х годов в аспирантуре под руководством А. М. Селищева учился В. К. Чичагов. Многие лингвисты — русисты и слависты, получившие научную подготовку в 20-е и 30-е годы, — прошли школу А. М. Селищева.

Афанасий Матвеевич Селищев родился 11 января 1886 года (28 декабря 1885 года — по старому стилю) в крестьянской семье в селе Волове Ливенского уезда Орловской области. Он мог лишь урывками посещать сельскую школу, так как с 10 лет нужда заставила его работать у пекаря. Школьный учитель заметил смышленного трудолюбивого мальчика и посоветовал своему ученику держать экзамен в открывшееся реальное Ливенское училище.

Незадолго до смерти Афанасий Матвеевич вспоминал, как бо-сой с холщовой котомкой за плечами он шел, почти бежал по пыльной дороге от Волова до Ливен и все же опоздал: экзамены закончились, он узнал о них слишком поздно. С отчаянием в душе долгие-долгие часы простоял он в приемной инспектора, который, наконец, принял его, побеседовал и вновь собрал специальную комиссию, чтобы принять экзамен у крестьянского мальчика. Экзамен был выдержан, и Селищев стал учеником Ливенского реального училища. Блестяще закончив училище, он выдержал дополнительные экзамены в Курской гимназии, что давало право поступления в университет. И в 1906 году Селищев стал студентом Казанского университета, одного из лучших высших учебных заведений тогдашней России, в котором преподавали такие ученые, как Е. Ф. Будде, В. А. Богородицкий, Н. М. Петровский, А. И. Александров, руководившие работой А. М. Селищева.

В 1911 году он закончил университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1912 и 1913 годах выходят первые его две книги, посвященные деятельности Карла Гавличка, выдающегося чешского общественного деятеля и поэта. В это же время А. М. Селищев становится приват-доцентом Казанского университета. Вскоре выходит в свет его труд «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» (вып. 1, Казань, 1914). Это

была первая на русском языке обобщающая работа о славянских языках. Имя Селищева становится известным многочисленному кругу ученых-славистов.

Для дальнейшего усовершенствования знания живых славянских языков, ознакомления с бытом, этнографией южных славян и изучения говоров Македонии А. М. Селищев командировается на два года в балканские страны. Только два с половиной месяца пробыл он в Македонии: командировка была прервана из-за войны, начавшейся в 1914 году. Но молодой ученый и за этот весьма короткий срок сумел накопить материал на всю жизнь. Наряду с огромным количеством фактов, собранных им лично, а также пользуясь научной литературой, Селищев пишет магистерскую диссертацию «Очерки по македонской диалектологии» (т. 1, Казань, 1918). Впоследствии А. М. Селищев создает ряд выдающихся работ по балканистике (список трудов ученого см. в книге: А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968, с. 629—634).

В 1918 году Селищев избирается профессором кафедры русского языка в Иркутске, а в 1920 году возвращается в Казань: его пригласили на должность профессора Казанского университета.

Среди трудов А. М. Селищева большое место занимают исследования по русской диалектологии. Широкое признание специалистов получил его «Диалектологический очерк Сибири». Профессор Е. Ф. Будде в 1921 году писал, что Селищев этим трудом «сделал очень ценный вклад в русскую диалектологию... он сделал открытие. Он открыл нам русские говоры Сибири и указал места их нахождения». Р. И. Аванесов в 1947 году отметил: «Ни один русский диалектолог не обратил столько внимания на эти межъязыковые связи, сколько Селищев. Взаимоотношения между русским языком и языками народов Севера, Дальнего Востока, Поволжья и др.— все это предметы пристального изучения Селищева» (Доклады и сообщения филологического факультета. МГУ, 1947, вып. 4). В наши дни в условиях многоязычия и взаимодействия языков народов СССР труды А. М. Селищева приобретают особо актуальное значение.

В 1921 году ученого избирают профессором МГУ, а в начале 1922 года он переезжает в Москву и становится заведующим кафедрой славистики; позже заведует также кафедрой в МГПИ имени В. И. Ленина, читает лекционные курсы, ведет практические занятия. Именно в этот период (1922—1933) им подготовлено наибольшее количество аспирантов, ставших впоследствии видными учеными.

Перу А. М. Селищева принадлежат многочисленные монографии, статьи, заметки, работы, посвященные деятельности ряда языковедов. Он рецензирует учебники, учебные пособия и программы по русскому языку. Следуя заветам А. А. Шахматова, А. М. Сели-

щев изучал историю языка в неразрывной связи с историей народа, прослеживая судьбу носителей языка, изучая их говоры, быт, фольклор, этнографию, нравы, историю. Увлеченный историческими судьбами славянства, Афанасий Матвеевич живо откликался и на современные события. Так, в 1939 году он публикует статью «О языке современной деревни», в которой исследуются архаические и новые явления в языке представителей старшего и молодого поколений. В связи с социальными преобразованиями после Октябрьской революции в ряде статей ученый выделяет новые явления в языке.

В конце своего творческого пути Селищев задумал построить грандиозное здание славистики — трехтомный фундаментальный труд «Славянское языкознание», в котором решил обобщить все, что им было сделано ранее, учесть новые наблюдения и исследования. Первый том должен был включить западнославянские языки, второй — южнославянские, третий — восточнославянские. Он хотел в этих книгах дать главные сведения об отдельных славянских языках, о памятниках письменности, о формировании литературных языков, о современном состоянии славянских языковых групп, об истории языковых явлений и описать важнейшие черты диалектов. Но работа осталась незавершенной. А. М. Селищев успел увидеть в 1941 году только первый том.

В годы Великой Отечественной войны ученый-патриот А. М. Селищев часто выступал с докладами на антифашистских митингах, отчислял свои гонорары на оборону страны.

Многие труды ученого остались незаконченными (в рукописях и черновых набросках). В архиве А. М. Селищева хранятся отдельные главы, конспекты, выписки из текстов, фотоматериалы, которые еще ждут своих исследователей (сведения об архиве опубликованы в журнале: Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1959, вып. 1).

После смерти А. М. Селищева (умер 6 декабря 1942 года) ученики подготовили к изданию труды своего учителя. В. К. Чичагов опубликовал его работу «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ». В 1951 и 1952 годах вышли в свет две части учебника А. М. Селищева «Старославянский язык» (подготовил Р. И. Аванесов). Опубликована статья «О языке „Русской Правды“ в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка». В 1968 году был выпущен сборник «Избранные труды» А. М. Селищева объемом свыше 40 печатных листов. В книге содержатся работы ученого по общему языкознанию, истории русского языка, русской диалектологии и современному русскому языку.

Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Ученые Института в 1981 году заняты разработкой 69 плановых тем. Продолжается работа над многими фундаментальными темами, выполнение которых рассчитано на ряд лет (см. об этом в статье члена-корреспондента АН СССР Ф. П. Филина.— Русская речь, 1981, № 1).

Среди разрабатываемых учеными Института направлений одно из главных мест занимают вопросы культуры письменной и устной речи, нормализации литературного языка.

Институт приступает к подготовке нового издания хорошо рекомендовавшего себя справочного пособия — «Орфографического словаря русского языка», который в прошлом переиздавался многократно. В ходе намечаемой работы по совершенствованию словаря должен быть пересмотрен весь словник и внесены уточнения в написание слов. Словарь будет также существенно дополнен за счет новых слов и особенно входящей в литературный язык терминологической лексики (редколлегия нового издания: члены-корреспонденты АН СССР Ф. П. Филин и С. Г. Бархударов, доктора филологических наук В. В. Иванов, Л. И. Скворцов). Переработку словаря намечено завершить в 1983 году.

Началась работа над несколькими новыми теоретическими исследованиями по вопросам культуры русской речи.

В коллективной монографии «Русский литературный язык и его нормы в эпоху НТР и в условиях развитого социалистического общества» (руководитель Л. И. Скворцов) будет показано изменение языковых норм под влиянием социальных факторов. Эти процессы особенно возрастают сегодня, в условиях воздействия на них средств массовой коммуникации и информации (газет, радио, те-

леведения и др.), влияния языка науки на формирование норм литературного языка.

Полезным для широкого круга читателей будет пособие по курсу русской стилистики и культуры речи «Теория и практика русского красноречия» (руководитель Л. К. Граудина). В работе предполагается дать характеристику важнейших трудов и практических руководств по красноречию, рассмотреть лучшие образцы речевого искусства (агитационная и общественно-политическая речь, ораторское искусство, академическое красноречие и др.).

История становления норм русского литературного языка XVIII—XX веков в социолингвистическом аспекте — тема монографического исследования Л. И. Скворцова. Здесь намечается выявить исторические закономерности языкового развития, охарактеризовать общественные дискуссии о языке, показать характер его реформирования в разные эпохи, нормализаторскую работу писателей, ученых, общественных деятелей. Особое внимание в исследовании уделено процессам развития русского языка в советскую эпоху.

В работе «Современная русская пунктуация. Система — норма — текст» (автор Б. С. Шварцкопф) раскрывается организация системы знаков препинания и закономерности их употребления и соотношения в тексте, в различных пунктуационных ситуациях.

Стремясь помочь в изучении русского языка тем, для кого он не является родным, Институт начинает работу над «Нормативной грамматикой русского языка для нерусских». Прежде всего должен быть подготовлен развернутый проспект этого пособия (руководитель В. В. Иванов). При описании фонетической, морфологической, синтаксической систем особое внимание будет уделено специфическим особенностям русского языка, усвоение которых представляет серьезные трудности для нерусских.

Продолжается разработка социолингвистических проблем в различных направлениях. В новом коллективном труде исследуются разновидности городской устной речи: их отличительные черты, особенности устной публичной речи и речи разговорной, городское просторечие и диалекты и др. (руководители Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев).

Среди новых тем по изучению языка художественной литературы — работы о словоупотреблении и словотворчестве Н. С. Лескова (автор Т. С. Карская) и В. Хлебникова (автор В. П. Григорьев). На материале публицистики, художественной литературы, текстов военно-делового содержания готовится монография А. Н. Кожина о лексико-стилистических процессах в русском языке периода Великой Отечественной войны.

Осуществляемая в Институте обширная работа по созданию

различных типов словарей русского языка найдет отражение в сборниках статей «Современная русская лексикография. 1981» (руководители А. М. Бабкин и В. Н. Сергеев) и «Вопросы практической лексикографии» (руководитель Р. П. Рогожников). В этом направлении задуманы монографии Р. П. Рогожниковой о лексикографической характеристике служебных слов и А. Н. Тихонова о структуре словообразовательных гнезд в русском языке и отражении ее в словарях по словообразованию.

В план Института включен очередной том ежегодника «Проблемы структурной лингвистики» (руководитель В. П. Григорьев), который будет содержать статьи по методике лингвистического анализа и проблемам формализации лингвистических исследований, а также работы по лингвистической поэтике и стиховедению. В монографии Б. В. Сухотина намечена разработка числовых моделей языка.

Изучение современного русского языка, глубокое осмысление происходящих в нем процессов должны опираться на знание его прошлого, понимание процессов исторического развития. Поэтому планы Института предусматривают разработку проблем истории русского языка различных хронологических периодов.

Коллектив ученых, работающих над созданием «Этимологического словаря славянских языков», готовит очередной том ежегодника «Этимология. 1981» (руководитель О. Н. Трубачев), в который войдут новейшие исследования по русской, славянской и индоевропейской этимологии.

В нескольких монографиях (под руководством академика В. И. Борковского) будут рассмотрены актуальные проблемы истории восточнославянских языков XV—XVII веков: различия между восточнославянскими языками в системах вокализма; типы синтаксических конструкций пространственного значения; порядок слов в предложении; конструкции прямой и косвенной речи; состав и закономерности сочетания различных синтаксических единиц в составе многокомпонентных конструкций.

Малоизученные вопросы истории русского языка освещаются в монографиях Н. В. Чурмаевой о формировании в русском языке наречий как особой грамматической категории и Е. Н. Прокопович по исторической стилистике глагола. Образные средства в художественной речи XVIII века — тема сборника под руководством Ю. С. Сорокина.

Новые, ранее неизвестные исследователям источники по истории русского языка получают специалисты после осуществления публикации памятников южновеликорусского наречия XVI века (руководитель С. И. Котков).

Коллектив диалектологов Института, завершивший многолет-

ную работу по созданию диалектологических атласов русского языка (региональных и сводного), намечает подготовку ряда монографических исследований, в которых предполагается проанализировать и обобщить материалы атласов. Тематика этих работ: лексико-семантические различия русских говоров (автор О. Н. Мораховская), диалектное именное словообразование (автор Ю. С. Азарх), синтаксис русских говоров в лингвогеографическом плане (автор И. Б. Кузьмина), русские говоры с точки зрения интонации, ритмики и акцентологической структуры (руководитель Р. Ф. Пауфошима). Некоторые результаты работы по созданию диалектологических атласов должны быть отражены в статьях сборника «Русские диалекты. Лингвогеографический аспект» (руководитель Р. И. Аванесов).

В 1980 году вышли в свет новые работы, подготовленные учеными Института.

Наиболее полное научное описание звукового и грамматического строя современного русского литературного языка предлагает академическая «Русская грамматика» — капитальный труд в двух томах (главный редактор Н. Ю. Шведова). Это обширный свод накопленных наукой теоретических представлений о строении нашего языка, богатейшее собрание научно систематизированных фактов, сопровождаемых нормативными и стилистическими характеристиками. Книга является результатом многолетнего труда большого коллектива ученых, прежде всего, сектора грамматики и истории русского литературного языка.

Важное научное и общественное значение имеет публикация труда «Русский язык в национальных республиках Советского Союза» (ответственный редактор В. В. Иванов). Книга подготовлена объединенными усилиями сотрудников Института русского языка и Института языкознания АН СССР, институтов АПН, академий наук союзных республик. По своему характеру она служит продолжением ранее опубликованной книги «Русский язык как средство межнационального общения» (М., 1977), где характеризовалась языковая ситуация в ряде союзных республик. В новой книге анализируется функционирование русского языка в тех республиках, которые не рассматривались в предшествующей монографии.

Существенные проблемы теории и практики культуры речи как особой лингвистической дисциплины затрагиваются в работе Л. К. Граудиной «Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты». Издательством «Знание» (в серии «Народный университет. Факультет литературы и искусства») выпущена массовым тиражом книга «Правильно ли мы говорим по-русски?» (автор Л. И. Скворцов).

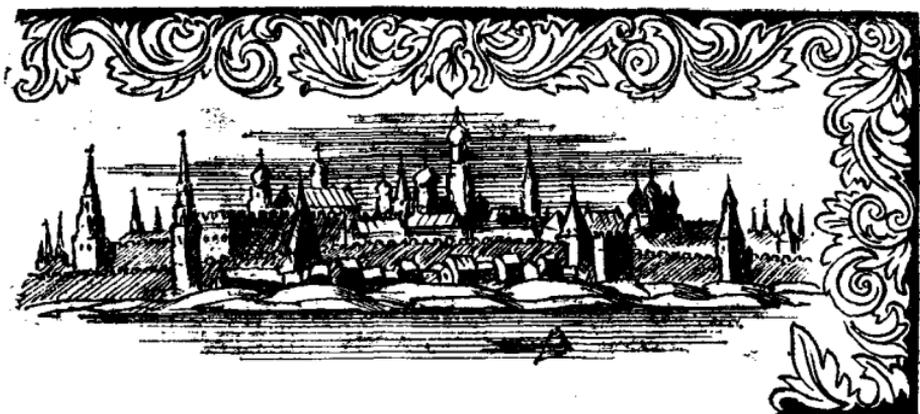
Где был напечатан первый отечественный букварь?

КОНЦЕ 1954 года в прессе появилось сообщение об открытии первопечатного русского учебника, составленного и изданного Иваном Федоровым во Львове в 1574 году. Это известие явилось подлинной сенсацией, поскольку в науке существовало мнение, что первые печатные русские учебники были созданы значительно позже, а первым печатным русским букварем считался учебник Василия Бурцова, изданный в Москве в 1634 году. Открытие

Львовского издания 1574 года позволило установить, что букварь Бурцова можно считать поздним переизданием учебника Ивана Федорова, осуществленным лишь с небольшими добавлениями.

Львовское издание 1574 года обнаружено в единственном экземпляре, который хранится в библиотеке Гарвардского университета (США). Надписи на книге проливают некоторый свет на ее историю. Уже в конце XVI века издание попало в руки итальянца, изучавшего по нему славянский язык. Владелец вывез книгу с Украины в Италию. В XIX веке она очутилась в собрании графа Г. С. Строганова. В сентябре 1927 года в Риме учебник купил для своей коллекции искусствовед С. П. Дягилев. Об этом он сообщил своему другу, артисту балета С. Лифарю: приобрел «чудную, потрясающую русскую книгу» (Немировский Е. Л. Зарубежные находки.— Альманах библиофила, вып. VII, М.: 1979). В 1939 году вышли в свет воспоминания С. Лифаря, в которых он кратко описал учебник. Позже, после приобретения книги библиотекой Гарвардского университета, было опубликовано (Р. Якобсоном и В. Джексоном) вторичное описание.

Книга имеет малый формат, состоит из 79 страниц, заголовков в ней отсутствует. Исследователи называют ее по-разному: «Азбука», «Букварь», «Грамматика».

*

Опубликованный в 1961 году доктором Х. Клаусом из ГДР каталог славянских книг библиотеки Готы содержал новое открытие: среди изданий кирилловской печати оказался другой учебник, отпечатанный Иваном Федоровым в Остроге в 1578 году. Острожское издание предназначено специально для славяно-греко-латинской академии князя Острожского. Учебник открывается разделом, посвященным греческому языку, поэтому его можно считать первым из известных печатных русских учебников иностранного языка. Материал для чтения в этой части книги набран в две колонки: слева — греческий текст, справа — славянский перевод. После греко-русской хрестоматии, завершаемой типографским знаком Федорова, следуют под заголовком «Начало учения детемь, хотящимъ разумети писание» русская азбука, упражнения и тексты. Эта часть учебника полностью совпадает с львовским изданием, за исключением заголовка. Далее помещена хрестоматийная часть — «Сказание како состави святыи Кириль Философъ азъбуку по языку словеньску» (в львовском издании отсутствует).

Острожский и львовский экземпляры имеют выходные данные и снабжены типографским знаком прославленного русского первопечатника. Однако в библиотеках мира хранятся и другие первопечатные учебники кирилловского шрифта, не имеющие выходных данных, содержание и полиграфические особенности которых показывают, что они также изданы Иваном Федоровым. Все эти издания Федорова имеют заглавие: «Начало учения детемь, хотя-

щимъ разумети писание» и включают «Сказание како состави свя-
тый Кириль Философъ...».

В 1956 году в Копенгагене обнаружен неполный экземпляр «На-
чала учения детемь...», отсутствующие листы которого прекрасно
восстанавливаются соответствующими листами экземпляра из Готы,
что позволяет считать копенгагенскую книгу либо близкой перепе-
чаткой острожского учебника, либо вторым экземпляром того же из-
дания.

В Народной библиотеке имени Кирилла и Мефодия в Софии
хранится фрагментарный экземпляр федоровской «Азбуки». Болгар-
ский исследователь Петр Атанасов считает его одной из перепечаток
самого раннего издания учебника Ивана Федорова, отмечая в нем
полиграфическое использование элементов московского «Часовни-
ка» 1565 года.

Единственный известный в Советском Союзе фрагментарный
экземпляр «Начала учения детемь...» находится в Государственной
Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленин-
граде. Эта «Азбука» имеет много общего с копенгагенским и гот-
ским экземплярами.

Наибольший интерес из первых азбук представляют два пре-
красно сохранившиеся экземпляра без выходных данных «Начала
учения детемь...», находящиеся в библиотеках Великобритании и
описанные Дж. Барникотом и Дж. Симмонсом. Обе книги, по ви-
димому, принадлежат одному изданию. Вскоре после опубликова-
ния они были вывезены в Англию, один экземпляр попал в Бод-
леанскую библиотеку Оксфорда, другой — в библиотеку Троицкого
колледжа (Кембридж), где бережно хранились в качестве редкост-
ных изданий. Это счастливое обстоятельство, так как книги мало-
го формата, особенно учебные, почти совсем не сохранились в Рос-
сии. С другой стороны, на бережно хранимых книгах почти отсут-
ствуют записи и пометки, составляющие ценный материал для
исследователя. Оксфордский экземпляр имеет только владельческую
запись Ричардсона Джеймса, от которого книга, видимо, и попала
в Бодлеанскую библиотеку. На кембриджском экземпляре есть над-
писи, которые позволяют сделать предположения о времени и ме-
сте его издания.

Косвенные, но, на наш взгляд, достаточно убедительные дан-
ные говорят в пользу московского происхождения кембридж-
ского экземпляра. Первый владелец книги — Томас Готри. В 1555 го-
ду он отправился в Россию в качестве сотрудника Восточной Тор-
говой компании. Вернулся в Англию в 1570 году и позже Россию
не посещал. Таким образом, есть основания предполагать, что кни-
га была приобретена Готри в России до 1570 года. Это подтверждается
и еще одной записью. На обороте чистого листа в конце тома сде-

лан список книг, переданных на хранение Вильяму Смиуту. Имя Смиута — также сотрудника Восточной компании — упоминается в документах вместе с именем Готри в 1568 году... Готри, как мы знаем, в 1570 году уже был в Англии, а Вильям Смит продолжал работать в России. В 1577 году он утонул. Следовательно, книга находилась в руках Готри раньше этой даты, что опровергает предположение А. С. Зерновой, будто бы кембриджский экземпляр был отпечатан в Остроге кем-то из учеников Федорова после 1580 года. Анализ списка книг делает еще более вероятным предположение, что учебник был приобретен Готри в период его пребывания в России примерно между 1560 и 1570 годами: все идентифицированные книги списка, кроме одной — «Основы риторики» Рейнольда, опубликованной впервые в Англии в 1563 году, изданы в Европе раньше 1563 года и могли быть приобретены Готри до его отъезда в Россию. Что касается книги Рейнольда, то она могла попасть в руки Готри и в Москве, так как в 1567 году Рейнольд посетил Россию с культурной миссией; он, возможно, имел с собой несколько экземпляров своей книги, и Готри мог получить ее непосредственно от автора. Безусловно резонным является замечание исследователей кембриджского экземпляра, что совершенно невероятно, чтобы для составления памятного списка переданных Смиуту нерусских книг был использован в Англии, после возвращения Готри из России, чистый лист русской книги, которую владелец бережно хранил как заморский сувенир.

И, наконец, Дж. Барникот и Дж. Симмонс приводят ряд данных анализа полиграфических особенностей кембриджского и оксфордского учебников, свидетельствующих в пользу их московского происхождения. Сравнение содержания и полиграфического оформления вновь открытых датированных учебников Ивана Федорова с соответствующими характеристиками недатированных изданий делает эти свидетельства еще более убедительными.

*

Существует мнение, что первым детищем Ивана Федорова в московской «государевой типографии» был знаменитый «Апостол» 1564 года, в послесловии к которому он писал, что после устройства печатного дома в Москве «первое начаша печатати» именно эту книгу. Однако из того же послесловия мы узнаем, что мысль об устройстве типографии пришла Ивану IV сразу после завоевания Казанского царства и уже в 1553 году «начаша изыскивати мастерство печатных книг». Но и до этого времени в Москве существовало печатное дело, которое вели иностранные мастера и их русские помощники. В «Сказании об изобретении печатного дела и

его пресечении», составленном во второй половине XVII века, сообщается, что Иван Федоров и Петр Мстиславец «от самех Фряг то учение прияста» (под «фрягами» во времена Грозного в первую очередь понимались итальянцы, русские мастера заимствовали термины печатного дела из итальянского, а не из немецкого языка). Несколько книг без выходных данных были отпечатаны в Москве до открытия «государевой типографии». В полиграфическом отношении они являются весьма посредственными, в то время как «Апостол» 1564 года характеризуется высоким уровнем полиграфического исполнения. Совершенно очевидно, что книга такого качества не могла быть первым опытом русских печатников.

Кроме «Апостола» 1564 года из московских изданий типографии Ивана Федорова известен лишь «Часовник» 1565 года, осуществленный в двух изданиях. Хотя при печатании «Часовника» использовался тот же шрифт, что и в «Апостоле», оба его издания неряшливы, с ошибками в правописании и часто без разделения слов, заставки московского «Часовника» менее изящны, чем в других федоровских изданиях. Оксфордский и кембриджский экземпляры «Начала учения детемь...» имеют целый ряд полиграфических характеристик, общих с характеристиками московского «Часовника» 1565 года: идентичность шрифта, характер рисунка заставок, площадь и техника печати. Буквы азбуки в этих экземплярах даны без разделения на параграфы и нумерации, примеры спряжения глаголов даны не в алфавитном порядке... Такое неудобное расположение материала, лишенное наглядности, затрудняло пользование учебником, и в других изданиях «Азбуки» Федорова этот недостаток преодолен.

«Первым овощем» острожской типографии называет Иван Федоров «Новый Завет» 1580 года. Открытие острожской «Азбуки» 1578 года в библиотеке Готы показывает, что и эту запись в предисловии к «Новому завету» не следует понимать буквально. Дело в том, что малоформатные книги для каждодневного пользования (часовники и буквари) первопечатник считал «пустяками», недостойными упоминания. По большей части дешевые книги малого формата, отпечатанные довольно небрежно, на бумаге низкого качества с использованием старых досок (возможно, они делались руками подмастерьев), до нас просто не дожили. Чистая случайность, что сохранились датированные экземпляры московского «Часовника», принадлежащие двум разным изданиям одного года и отпечатанные почти в одно и то же время. Трудно представить, что на протяжении всей деятельности «государевой типографии» в Москве не было предпринято печатания других «расхожих» книг, в том числе и букварей, тем более, что постановления Стоглавого собора 1551 года предписывали выявить наиболее грамотных священни-

ков, «могущих и иных пользовати, и грамоте чести и писати гораздливый. И у тех священников и у диаконов и у диаков учинити в домах училища» (Стоглав. Издание Кожанчикова. СПб., 1863).

Ряд фактов совершенно не поддается объяснению, если считать, что недатированные экземпляры Оксфорда и Кембриджа увидели свет во Львове или в Остроге после 1580 года. Прежде всего, западные издания этих лет датированы и имеют обычно типографский знак. Кроме того, качество бумаги и площадь печати английских недатированных экземпляров «Начала учения детемь...» отличаются от всех заграничных изданий Федорова и его учеников, но совпадают с московским «Часовником» 1565 года. Бумага недатированных экземпляров не имеет водяных знаков. [Книги в России в XVI веке печатались на привозном материале, а на Западе в 60-е — 80-е годы XVI столетия бумага обычно изготавливалась с водяными знаками.] На бумаге всех заграничных изданий Ивана Федорова водяные знаки имеются.

*

Предположение о московском происхождении учебников, хранящихся в библиотеках Великобритании, подтверждается и анализом содержания всех известных ныне «Азбук» Ивана Федорова.

Львовский учебник 1574 года предназначен для школьников и представляет собой краткий вариант «Начала учения детемь...» с четко выраженной практической направленностью. В нем учтены все составные части начального образования того времени, но включена только хрестоматийная часть — «Сказание како состави святой Кириль Философъ азбуку по языку словеньску». Зато в отличие от всех других изданий имеется буквенное обозначение чисел.

Не вызывает никаких сомнений, что до 1574 года уже существовали учебники русской грамоты; в послесловии к львовскому изданию Иван Федоров прямо указывает на использование такого учебника среди других источников: «Сия же писах вам не от себе, но... святых отец учения, и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина и от грамматики мало нечто ради скорого младенческаго научения вомаде сократив сложих». Рядом с личным типографским знаком Ивана Федорова в конце книги помещен герб города Львова, что подчеркивает предназначенность учебника для использования в школах, организованных городским братством.

В острожском издании 1578 года также имеется личный типографский знак первопечатника, но он завершает первую часть учебника (греко-русскую хрестоматию), т. е. находится в середине книги! В греческой части острожского учебника справа помещен пе-

ревод молитв на славянский язык. И только после этого следует «Начало учения детемь, хотящим разумети писание», где вводится русская азбука и даются упражнения в первоначальном чтении. Совершенно очевидно, что прославленный первопечатник, столь продуманно и оправданно с педагогической точки зрения разместивший материал в львовском издании, не мог объединить части острожского учебника в таком порядке и поместить свой типографский знак в середине книги. Логичнее было бы предположить в первой части книги — «Начало учения детемь...», затем учебник греческого языка. Видимо, части готского экземпляра были отпечатаны раздельно и объединены в одном переплете позднее.

По наблюдению Т. Н. Каменевой, проводившей текстологический анализ учебников Федорова, некоторые молитвы повторяются в первой и второй частях готского экземпляра, но славянский текст молитв в первой части (учебник греческого языка) ближе к греческому оригиналу. Повторение текстов в разных редакциях служит еще одним свидетельством в пользу предположения: учебник греческого языка и острожское «Начало учения детемь...» являются разными самостоятельными изданиями. Скорее всего острожское «Начало учения детемь...» перепечатано с более раннего издания, но им не мог быть львовский учебник 1574 года, в котором имеются буквенные обозначения чисел, отсутствующие в острожском издании, но нет «Сказания о письменах словенских...» и самого заголовка. В то же время вторая часть острожского учебника 1578 года по содержанию полностью идентична оксфордскому и кембриджскому экземплярам.

Таким образом, хотя нет прямых указаний на то, что недатированные экземпляры «Начала учения детемь, хотящим разумети писание», хранящиеся в библиотеках Великобритании, отпечатаны Иваном Федоровым в Москве, приведенные факты косвенно свидетельствуют в пользу этой гипотезы. А если это так, то именно кембриджский и оксфордский экземпляры принадлежат самым ранним из известных изданий федоровской «Азбуки». Будем надеяться, что новые находки подтвердят доказательства московского происхождения первого печатного русского учебника. В любом случае бесспорным является тот факт, что после открытия первопечатных азбук Иван Федоров предстает перед нами не только как просветитель, первопечатник, но и как педагог, составитель первого в истории отечественной педагогики учебника русского языка.

З. Н. ИВЛЕВА

Рисунок В. Комарова

В «Рассказах о временах Павла I» В. И. Даля, записанных им со слов своего отца, служившего в те годы в Гатчине, сообщается среди других следующий исторический анекдот.

В одном из ежедневных приказов по военному производству писарь, когда выводил слова: «прапорщики ж такие-то в подпоручики», перенес на другую строку небывалое словцо «киж», да еще начал с размашистой прописной буквы.

Павел I, подписывая приказ, принял это словцо за фамилию и начертил «Подпоручик Киж в поручики».

Мифический поручик запомнился Павлу, и на другой день, подписывая приказ, он произвел его в штабс-капитаны, а на третий — в капитаны. Не успел никто опомниться, как Киж был произведен в полковники с отметкой: «вызвать сейчас ко мне».

Все высшее военное начальство всполошилось, тщетно разыскивая Киж. Наконец, первый приказ о производстве его в поручики разъяснил дело. Между тем Павел справлялся, не прибыл ли полковник Киж, вероятно, желая поздравить его генералом.

Тогда решили доложить Павлу, что полковник Киж умер. «Жаль, — сказал император, — был хороший офицер...» (Русская старина, Т. II, 1870).

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОДПОРУЧИКИ К И Ж Е

На этот сюжет Ю. Н. Тынянов написал повесть «Подпоручик Киж» (1928), в которой с лаконичностью латинской прозы изобразил классическую схему возникновения в рукописи мнимого героя:

«Полковой писарь стал раньше времени, но испортил приказ и теперь делал другой список. В первом списке он сделал две ошибки: поручика Синюхаева написал умер-

шим, так как Синюхаев шел сразу же после умершего майора Соколова, и допустил нелепое написание: вместо «Подпоручики же Стивен, Рыбин и Азанчеев назначаются» написал: «Подпоручик Кижэ, Стивен, Рыбин и Азанчеев назначаются». Когда он написал слово: «*Подпоручики*», вошел офицер, и он вытянулся перед ним, остановясь на *ж*, а потом, сев снова за приказ, напутал и написал: «*Подпоручик Кижэ*».

Описка писаря стала действительностью, когда император в подписанном приказе «после первого *ж* вставил преогромный *ер*, несколько следующих букв похерил и сверху надписал: «*Подпоручик Кижэ в караул*». Так начал свою сомнительную жизнь подпоручик Кижэ, а умер он, дослужившись до генерала, «выполнив все, что можно было в жизни, и наполненный всем этим: молодостью и любовным приключением, наказанием и ссылкой, годами службы, семьей, внезапной милостью императора и завистью придворных». Так выражение *подпоручик Кижэ* получило крылатость и стало употребляться «как ироническая характеристика лица, в действительности не существующего, но принимаемого за реальное вследствие какого-либо недоразумения или обмана» (Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1966).

Поручик Синюхаев «исчез без остатка, рассыпался в прах, в мякину, словно никогда не существовал», потому что его, как умершего горячку, в приказе по полку прочитали выбывшим» (Тынянов Ю. Н. Избранные произведения. М., 1956).

Древнерусская литература знает немало своих подпоручиков Кижэ и Синюхаевых. Объясняется это тем, что труд писца существенно не изменялся с самого возникновения письменности. Менялись только причины, ведущие к ошибкам. В монографии Д. С. Лихачева (Текстология. М.—Л., 1962) наряду с типичными ошибками писцов приводятся и их жалобы на обстоятельства, мешающие работе: «Уже ночь, вельми темно»; «Ох, ох, голова мя болить, не му и псати»; «Не тычь же в бок, не лазь же в грех, что ты се пак написах»; «чрез тын пьют, а нас не зовут»; «како ми не объестися, коли поставят кисель с молокомь» и т. п.

Ранние русские памятники, как правило, дошли до нас в списках, часто отстоящих от времени написания подлинника на несколько столетий. В таких списках на основании неточных чтений, переводов и толкований в ряду других ошибок возникали и исчезали личные имена героев, поэтому восстановление первоначального текста древнерусских рукописей является отправным моментом для построения научных гипотез, в том числе и связанных с героями произведений.

Любопытно проследить историю некоторых мнимых героев в «Повести временных лет», одном из основных источников наших

знаний по истории и культуре Киевской Руси. Автор летописи, монах Киево-Печерского монастыря Нестор, работавший во втором десятилетии XII века, для написания своего труда привлек византийские хроники, западноевропейские и восточные светские и церковные источники. Ученый монах в текст летописи включил погодные записи своих предшественников, тексты договоров русских с греками и особенно широко воспользовался устными преданиями и легендами своих современников.

В «Повести временных лет» действует огромное множество реальных и мифических героев, около пятисот из которых названы по именам. По обилию героев с летописью Нестора в русской классической литературе может поспорить лишь роман Л. Н. Толстого «Война и мир», в несколько раз превосходящий историю киевского монаха по объему. С. Роспонд в работе «Miscellanea onomastica Rossica» (в кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1979, с. 9) указывает 598 личных названий. В это число автор включает отдельно имя и отчество, имя и прозвище одного и того же лица; имена, восстановленные из названий географических объектов; к тому же в его списке мы находим большое количество имен, как *Жидослав*, *Жирослав*, *Судимир* и т. п., внесенных из летописей, продолжающих «Повесть временных лет». Летопись Нестора неоднократно издавалась с подробными указателями личных имен. Несмотря на это, подсчитать и назвать всех героев Нестора чрезвычайно сложно.

В этой заметке мы остановимся на нескольких именах, появившихся ошибочно уже в тексте Нестора. Наука располагает только поздними списками памятника, древнейший из которых находим в начале Лаврентьевской летописи 1377 года, поэтому очень трудно установить чтение оригинала произведения. Мнимые герои могли перейти в «Повесть временных лет» уже из источников Нестора, большинство которых нам также неизвестно. Кроме ошибочных чтений, порчи текста, его переосмыслений, исследователь сталкивается и с такой трудностью: средневековый автор иностранные названия часто не переводил, а транслитерировал, то есть передавал средствами русской графики. Например, в древнерусских памятниках прозвание византийского императора Константина VII книжники переводят как *Багрянородный*, либо транслитерируют — *Порфирогенет*, или даже соединяют оба способа — *Порфирородный*.

Существует мнение, что в широкоизвестной легенде о призвании на Русь трех братьев — варягов Рюрика, Трувора и Синеуса — достоверным лицом является только один из них — Рюрик. Впервые эта легенда была включена в летопись на севере страны, чтобы оттеснить на второй план киевскую легенду о трех братьях —

Ки, Щеке и Хориве и связать начало русской государственности с Новгородом. Возможно, легенда сообщала, что Рюрик прибыл в Новгород со своим родом и верной дружиной. Почти то же самое читаем в Комиссионном списке Новгородской первой летописи: «Изъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину, многу и предивну, и приидоша к Новугороду» (М.—Л., 1950, с. 106). Летописец легенду о прибытии Рюрика с родом своим и верною дружиной сблизил с другим скандинавским эпическим сказанием о трех братьях — основателях королевства и по незнанию языка образовал имена несуществующих братьев Рюрика — Синеус означает «свой род» (sine hus), Трувор (thru varing) — «верная дружина» (Рыбаков Б. А. Древняя Русь. М., 1963, с. 293). Таким образом, мнимые герои Трувор и Синеус могли появиться в «Повести временных лет» из Новгородской летописи, использованной Нестором.

Исследователи обычно вслед за летописью принимают Трувора и Синеуса за действовавших на Руси варяжских вождей, о которых больше не сохранилось никаких сведений, и приводят различные толкования этих имен. Любопытно, что разъяснение слишком прозрачной формы мнимого имени Синеус предложил уже переписчик Радзивилловской летописи, он вместо «(с)де» а другии Синеусъ на Бѣльозерьѣ записал: «а другии сиде у насъ на Бѣльозерьѣ». Позднее в эту запись было добавлено слово *Синеусъ*, из чего получилась новая фраза: «а другии Синеусъ сиде у насъ на Бѣльозерьѣ» (см. фотомеханическое воспроизведение рукописи «Радзивилловская или Кенигсбергская летопись». Т. 1, СПб., 1902, лист 8). В. Н. Татищев в «Истории Российской» (Т. II, М.—Л., 1963, с. 32), на основании этой описки сделал ошибочный вывод, что Нестор, автор летописи, был родом из Белозера. Хотя текстологическая ошибка была обнаружена уже Н. М. Карамзиным (История Государства Российского. Т. 1, СПб., 1818, прим. 278, с. 104), коварная приписка ввела в заблуждение и такого знатока русского летописания, как А. А. Шахматов, назвавшего Белозеро также предполагаемой родиной Нестора (Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 44).

В договоре Олега с греками под 912 годом написано, что «...мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — царя вашего и своею рукою...» (Повесть временных лет. Ч. 1, М.—Л., 1950, с. 225). Договоры греков с другими народами, имевшими свою письменность, обыкновенно фиксировались на двух языках, но в сохранившихся византийских и русских дипломатических документах писцы договоров и их переписчики более нигде не упоминаются. Эта деталь дала основание еще в нача-

ле XIX века академику Ф. И. Кругу высказать предположение, поддержанное Н. М. Карамзиным, А. А. Шахматовым и Е. Ф. Карским, что оригинал договора был написан *киноварью* — минеральной красной краской, обычно употреблявшейся для заставок, красной строки и т. п. Возможно, переписчик договора традиционную формулу греческих грамот *киноваревъмъ написаниемъ* не столько транслитерировал, сколько переосмыслил как *Ивановъмъ написаниемъ*.

«Повесть временных лет» под 1015 годом рассказывает о народном выступлении в Новгороде: «Вставше Новгородци избиша Варяги во дворъ Поромони» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, Л., 1926, с. 140). Обычно выражение *двор Поромони* понимают как двор какого-то новгородца по имени Поромон (см.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I, М., 1966, с. 512).

Такое толкование вызывает серьезные сомнения. В Новгородской первой летописи упоминается более двух десятков именных дворов, но среди их владельцев мы не находим Поромона. К тому же в многочисленных новгородских памятниках, дошедших до наших дней, имя Поромон — большая редкость, оно появляется, в основном, в XIV—XV веках; в Новгородской первой летописи имя Поромон встречается только один раз под 1269 годом.

Было предложено несколько толкований *двора Поромони*. И. И. Миккола предполагал, что это *торговый двор*. Скандинавское *farmandr* в русском языке было совершенно правильно передано как «поромон». Отсутствующий еще в древнерусском языке звук *f* был передан, как во всех заимствованных словах, через *n*, а *-ar-* — русской полногласной формой *-оро-*.

Второе объяснение *двора Поромони* было предложено также И. И. Микколой и впоследствии поддержано другими скандинавскими лингвистами, оно связывает *двор Поромони* с греческим словом, означающим «вахта, лейбвахта». Предполагают, что так назывались помещения для наемников в Новгороде (см.: Лихачев Д. С. Текстология. М.—Л., 1962). К сожалению, предложенные толкования удовлетворительно объясняются только фонетически, но никак не исторически.

Еще одно объяснение *двора Поромони* принадлежит Б. Клейберу. Он полагает, что *двор Поромонь* — это двор или дом, в котором жили паромщики, хранились снасти, чинились суда, а *Поромонь* обозначает место, где *поромят* — перевозят на пароме (Клейбер Б. Два древнерусских местных названия, Scando — Slavica. Т. V, 1959, с. 132—142). При любом толковании *двора Поромони* мы имеем мнимое собственное имя Поромон.

Князя Трувор и Синеус, писец договора Иван и «домовладелец» Поромон являются текстологическими предками подпоручика Кижэ.

Но в «Повести временных лет» можно встретить и предшественников «рассыпавшегося в прах, в мякину» поручика Синюхаева. Летопись Нестора под 1068 годом рассказывает о битве между половцами и дружиной Святослава Ярославича под стенами Чернигова: «И видѣвъ Святославъ множество ихъ и рече дружинѣ своей потягнѣмъ уже нам не лѣзъ камо ся дѣти. И удариха в конѣ, и одолѣ Святославъ в трех тысячахъ, а половець бѣ 12 тысячѣ; и тако бѣеми, а друзии потопаша въ Сньви, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября» (Полное собрание русских летописей. Т. 1, с. 172), то есть «И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Вперед, нам некуда уже укрыться». И они пустили коней, и одолел Святослав со своими тремя тысячами, а половцев было 12 тысяч; часть их тут же и перебили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли живым, 1 ноября» (Повесть временных лет. Ч. 1, с. 315, перевод Романова Б. А.).

Во всех последующих летописях вслед за Нестором утверждается, что в этом бою был полонен половецкий князь, буквально, схвачен руками — «яша рукама», но он не называется по имени. В списках Ипатьевской, Софийской I и Тверской летописей двойственное число «рукама» заменяется на множественное — «руками», а в Воскресенской летописи происходит дальнейшее переосмысление фразы: «и князи ихъ яша руками» (Полное собрание русских летописей. Т. 7, СПб., 1856, с. 336).

Только в Комиссионном списке Новгородской первой летописи (с. 190) вместо абстрактного половецкого князя называется конкретное лицо — знаменитый половецкий хан Шарукан Старый: «а князь ихъ яша Шаракана въ 1 день ноября».

Видимо, Нестор, пользовавшийся новгородскими источниками, при переписывании словосочетания *яшашарукана* выпустил повторяющийся слог *-ша-*, а вместо буквы *и* написал по смыслу *м*. Впрочем, в списке, бывшем в руках Нестора, вполне могло читаться: «князя ихъ я Шарукана (Шаракана)», то есть пленение Шарукана в летописных традициях могло приписываться лично князю, на что указывают глагольные формы 3 лица единственного числа в цитируемом отрывке: (Святославъ) *рече, одолѣ*.

Как видим, тщательное исследование текста «Повести временных лет» позволяет уточнить настоящие имена подлинных героев истории.

Г. К. ВАЛЕЕВ

Рисунок С. Гавриловой

ПО ЗАКОНАМ БРАТСТВА

«...И если слышится повсюду мелодия
таджикских гор —
Мы счастливы, что через русский ведем
с планетой разговор...»

Мирзо Турсун-Заде

Эти слова из стихотворения «Законы братства» выдающегося поэта современности Мирзо Турсун-заде отражают историческую закономерность социалистической эпохи — плодотворное взаимодействие и взаимовлияние национальных культур и подчеркивают ту роль, которую вот уже второе столетие играет русский язык в обогащении и развитии таджикского литературного языка.

В таджикских лексикографических и литературных источниках (например, «Шахнаме» Фирдоуси) слово *рус* — «русский» встречается уже с X века, а с середины прошлого столетия русский язык, а через него достижения русской и мировой науки и культуры превратились в органическую часть экономической и культурной жизни таджикского народа. Процесс этот характерен не только для таджиков, но и для всех народов Средней Азии.

С победой Октября началось интенсивное развитие всех национальных языков нашей страны. Осознанное восприятие и изучение русского языка, овладение им как вторым родным языком также восходит к послеоктябрьскому периоду языковых взаимоотношений.

Стремление прогрессивных деятелей таджикского народа к овладению русским языком как средством освоения

культурного наследия России и Европы совпало с борьбой таджикских просветителей за демократизацию родного литературного языка.

Первым среди просветителей таджикского народа следует назвать имя замечательного национального писателя и философа Ахмада Дониша (1827—1897). Таджикская просветительская школа XIX — начала XX века, возглавляемая Ахмадом Донишем, а позже его учениками и последователями — Шохиним, Возехом, Соми, Асири, Мирзосироджем Хакимом — боролась за простоту и ясность языка, делающие литературу доступной широким массам. Многим из них довелось побывать в России, Европе, что имело большое значение для развития языковых связей, способствовало их духовному обогащению. Дониш, Возех, Мирзосиродж и другие просветители хорошо понимали значение русского языка для развития национальной таджикской культуры. Через русский язык сумели они увидеть и понять такие важные проблемы, как государственное устройство, развитие экономики, науки. Вопреки запретам религиозной верхушки прогрессивные идеи просветительской школы находили отражение в таких произведениях писателей, как «Редчайшее происшествие» Дониша, «Подарок народа Бухары» Мирзосироджа и др.

Выражая самые передовые идеи своего времени, писатели активно выступали за изучение русского языка, стараясь через него приобщить таджикский народ к богатой культуре других народов, вырвать его из тьмы невежества.

Мирзосиродж и Сиддики, Асири и Хайрат в эпоху феодального гнета всеми силами способствовали открытию новых школ, где бы дети обучались русскому языку.

Отчего же мусульмане в русской школе

Не учатся и сторонятся ее?

...Только пользу принесет им знание
этого языка,

А познание этой науки приведет к
достижению цели.

Воспевая русский язык,

Призываю к овладению им,—

писал в конце прошлого века Сиддики Аджзи. К 100-летию

со дня рождения А. С. Пушкина (1899) Сиддики перевел на таджикский язык его «Сказку о рыбаке и рыбке».

Поэт-просветитель Абдулвохид Мунзим (1877—1934) открыл в начале века на собственные сбережения школу с обучением на русском языке.

Прогрессивную роль сыграли и так называемые русско-туземные школы с четырехгодичным курсом обучения, организованные в период с 1885 по 1903 год генерал-губернатором Туркестана. «Книга для чтения» С. Греницкого в трех частях, содержащая отрывки из произведений классиков русской литературы, была первым учебником, на страницах которого учащиеся познакомились с великими русскими писателями — А. С. Пушкиным, Н. А. Некрасовым, И. А. Крыловым, Л. Н. Толстым и другими.

Традиции первых просветителей продолжил и развил основоположник таджикской советской литературы, выдающийся борец за демократизацию таджикского языка, талантливый ученый Садриддин Айни (1878—1954). Книги Айни — живая история народов Средней Азии. Его «Воспоминания» (в русском переводе «Бухара») — яркий образец реалистической прозы, написанной живым и ясным языком. Продолжатель идей классиков таджикской литературы, Садриддин Айни выступал как неутомимый пропагандист русского языка, русской культуры.

Сбросьте иго покорства и страха —
Засияла свободы заря,—

пел восставший народ Таджикистана «Марш свободы», написанный Айни.

Огромную роль в просвещении своего народа сыграли писатели Таджикистана, смело связав судьбу родины с борьбой русского народа за всеобщее освобождение.

Исследователи таджикского литературного языка после революционного периода большое значение придавали благотворному влиянию на него русского языка. Русский язык — могучее средство обогащения словарного состава и выразительных средств таджикского языка, прочная

основа формирования единой социалистической, многоязычной культуры... Культурное и экономическое развитие таджикской социалистической нации сопровождалось сложными процессами взаимодействий и взаимоотношений с русским и другими языками народов СССР. В современных условиях влияние русского языка на таджикский в той или иной степени можно наблюдать в области фонетики, грамматики, лексики. Как известно, лексика русского языка является важнейшим источником обогащения словарного состава таджикского языка, куда влились новые слова, отображающие советскую действительность, бурное развитие науки, техники, литературы и искусства.

Лексика таджикского языка обогащается и развивается как за счет собственных средств словообразования, так и за счет русских лексических заимствований и интернациональных терминов, проникающих через русский язык. Это можно проследить на примере сложносокращенных слов.

Как известно, аббревиация стала в советский период одним из активных средств словообразования в русском языке. В 20—30-годы из русского в таджикский язык проникли десятки слов типа *колхоз*, *совхоз*, *комсомол*, *МТС*, *ТАСС*, *ВКП(б)*, *нэп*, которые воспринимались как целые слова, а не сокращения. Стали появляться аббревиатуры собственно местного происхождения: *рабдежкоры* — рабочие и дехканские корреспонденты, *ГБАО* — Горно-Бадахшанская Автономная область и т. д.

В современном таджикском языке по образцу русских появились сложносокращенные слова, образованные также и на собственно таджикском материале. Аббревиация легко вживается в таджикский язык, она отвечает свойственной ему лаконичности в способах выражения.

В русский язык в свою очередь вошли и широко употребляются отдельные таджикские слова: *деджанин*, *чайхана*, *пиала* и т. п.

Тесные межъязыковые контакты, обусловленные социалистическим образом жизни, способствовали возникновению и развитию функциональных стилей таджикского языка — научного, делового, публицистического. Велика в этом роль переводов на таджикский сочинений классиков марксизма-ленинизма, произведений русской и советской

литературы. Переведены почти все русские классики: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Достоевский, Чехов, Л. Толстой, Белинский, Горький, Маяковский, Есенин... В настоящее время на таджикском языке издаются собрания сочинений Л. Толстого и Шолохова.

Событием огромной важности в общественной и культурной жизни республики стало вышедшее в свет на таджикском языке «Полное собрание сочинений В. И. Ленина», а также создание Таджикской Советской Энциклопедии, которая начала выходить в 1979 году.

Представители 90 национальностей и народностей бок о бок работают в народном хозяйстве Таджикистана. Отсюда понятен интерес к русскому языку как к средству межнационального общения. В настоящее время русский язык становится вторым родным языком для таджиков. В школах с таджикским, узбекским и киргизским языками обучения работают более 5 тысяч учителей русского языка и литературы. Специалистов в этой области готовят пять вузов республики. В помощь изучающим русский язык уже двадцать лет издается журнал «Русский язык и литература в таджикской школе». Телевидение и радио постоянно проводят цикл передач «Изучаем язык Ильича». В Институте языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР изучается и обобщается на научной основе опыт распространения русского языка в Таджикистане. Стали традиционными в республике Дни русского языка, Олимпиады по русскому языку и литературе. Пять школ республики (в Кулябе, Ленинабаде, Шахринау, Хороге и Курган-Тюбе) изучают русский язык и литературу по углубленной программе.

Итак, от индивидуального характера интересов к русскому языку в дореволюционную эпоху Советский Таджикистан пришел к овладению им как вторым родным языком, к осознанию его роли в деле взаимообогащения культур разных народов. Через посредство русского языка достижения таджикской культуры, науки и литературы стали известны всему миру.

С. Д. ХОЛМАТОВА

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В СССР

Огромна роль средств массовой коммуникации в жизни нашей страны. Документы партийных съездов, постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» дают высокую оценку современным службам массовой информации и пропаганды.

С первых дней Советской власти, развертывая широкую сеть периодической печати на русском языке в центре и на местах, наша партия принимала все меры для создания прессы на различных языках народов нашей страны. Подчеркивая необходимость формирования периодики и литературы на национальных языках, В. И. Ленин отмечал: «Мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каж-

дого языке» (Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 39, с. 114). Под непосредственным руководством В. И. Ленина проходил процесс становления многонациональной партийно-советской прессы. По предложению В. И. Ленина были приняты программные документы по вопросам радиовещания, в которых на практические рельсы ставилось дело использования радио — газеты «без бумаги и расстояния» — в политическом и культурном воспитании трудящихся.

В жизни каждого народа нашей страны все большее значение приобретает русский язык. Нации и народности Советского Союза добровольно избрали русский язык в качестве средства межнационального общения и сотрудничества. Опираясь на многочисленные факты, пресса, радио, телевидение подтверждают, что русский язык действительно способствует сближению советских народов и является важным средством идейно-политического и интернационального воспитания масс. «Владение русским языком, — говорится в постановлении ЦК Компартии Грузии и Совета Министров ГССР „О состоянии преподавания русского языка в учебных заведениях республики“, — стало важным фактором, обуславливающим формирование личности всесторонне развитого, активного строителя коммунистического об-

щества, гражданина страны победившего социализма — Союза Советских Социалистических Республик, наиболее жизнеспособной и совершенной формой устройства многонационального государства, гармонически сочетающего в себе интересы всего общества с интересами каждой нации и народности» (Многонациональная советская журналистика. М., 1975, с. 339). Жизнь любой из национальных республик сегодня трудно представить без газет и журналов, радио и телепередач, кинофильмов на русском языке. Газеты, выходящие в республиках на русском языке, содействуют обмену опытом между разными национальностями, населяющими данную республику, способствуют развитию культур братских народов, их взаимному обогащению.

Языковые проблемы массовой коммуникации впервые в нашей стране обсуждались на всесоюзном симпозиуме «Проблемы функционального и внутривидового развития литературных языков в связи с их применением в сферах массовой коммуникации», который проходил в столице Хакасской автономной области городе Абакане с 3 по 5 сентября 1980 года. Этот симпозиум, организованный Научным советом АН СССР по комплексным проблемам «Закономерности развития национальных языков в связи с

развитием социалистических наций», Институтом языковедения АН СССР и Хакасским НИИ языка, литературы и истории, объединил усилия специалистов разных областей науки — лингвистов, социологов, психолингвистов, историков, этнографов, философов, литературоведов, журналистов и заинтересованных представителей других отраслей знания, приехавших из научных и учебных заведений Москвы, столиц союзных республик и других городов нашей страны.

В центре внимания стояли вопросы формирования, современного состояния и развития языков народов СССР в основных сферах массовой коммуникации (печать, радио, телевидение и кино), каждая из которых имеет свои разновидности и жанры, специфические особенности языка и стиля, свой словарь, фразеологию, синтаксис, речевой этикет.

В докладе профессора Ю. Д. Дешериева были определены перспективные проблемы и намечены основные направления социолингвистического исследования языка массовой коммуникации.

На пленарных заседаниях и на заседаниях специальной секции, посвященной вопросам развития массовой коммуникации на русском языке, рассматривались проблемы функционирования русского языка как национального языка рус-

ского народа и как языка межнационального общения, культуры русской письменной и устной речи.

Одной из характерных черт советского образа жизни является широкое распространение национально-русского двуязычия наряду со свободным развитием и использованием национальных языков. Гармоничное сочетание национального и интернационального в языковой жизни народов СССР отражает объективную действительность. В докладе докторов филологических наук Ю. Д. Дешериева и Л. И. Скворцова «Русский язык и проблемы развития массовой коммуникации в СССР» перед системой массовой коммуникации были поставлены актуальные задачи в области популяризации и распространения языка межнационального общения и местных литературных языков. Важнейшие из этих задач: эффективное использование во всесоюзном, республиканском, областном и районном масштабах печати, телевидения, радиовещания для обучения

русскому языку широких слоев населения; популяризация и распространение культуры русской и родной речи, нормы родных языков и русского литературного языка как средства межнационального общения во всех союзных, автономных республиках, автономных областях и округах; эффективное применение русского языка в целях культурного обмена, расширения повседневного взаимообщения представителей всех народов СССР, их сотрудничества; целесообразное применение русского языка, наряду с родным языком в сферах массовой коммуникации во всех республиках, областях и округах; широкая пропаганда национально-русского двуязычия и другие.

Симпозиум определил актуальные и перспективные задачи, стоящие перед советской печатью, призвал специалистов, ученых к творческому использованию национальных языковых богатств.

М. В. ОРЕШКИНА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Где ставится ударение в слове *диспансер*?

О. Д. Ивлев, Солнечногорск.

В слове *диспансер* ударение ставится на последнем слоге (не *диспа́нсер*).

И СТИМУЛ, И ВДОХНОВЕНИЕ

У нашей страны — миллионы друзей за рубежом. Русский язык помогает им узнать о нас правду, несет идеи мира, братства, сотрудничества.

«Не могу представить себя без знания русского языка,— говорил с трибуны IV конгресса МАПРЯЛ представитель Бангладеш Баррул Хассан.— Он является языком дружбы и братства, солидарности и мира. Он замечателен тем, что это язык Великого Октября, язык Ленина, язык народа, который первым в мире построил социализм. Это язык великих свершений и подвигов, язык передовой науки».

Эти слова объясняют тот огромный интерес к русскому языку в мире, который постоянно растет и укрепляется.

В 1979 году Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы была утверждена медаль А. С. Пушкина, которой награждаются советские и зарубежные общественные и государственные деятели, ученые, специалисты и преподаватели русского языка и литературы, внесшие значительный вклад в распространение русского языка, а также посредством русского языка — в распространение русской и советской литературы и культуры в зарубежных странах.

Впервые медаль А. С. Пушкина была вручена 16 представителям разных стран в августе 1979 на открытии IV Конгресса МАПРЯЛ в Берлине.

Среди удостоенных медали А. С. Пушкина в 1980 году — доктор Шегун Одунуга из Нигерии. После окончания Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы в Москве и защиты кандидатской диссертации Шегун Одунуга заведует кафедрой русско-

го языка в Ибаданском университете. Отделение русского языка Ибаданского университета является действительным членом МАПРЯЛ, а доктор Шегун Одунуга, руководитель отделения, — вице-президент исполнительного совета МАПРЯЛ.

Осенью 1980 года вместе с ректором Университета профессором С. О. Олаиде он вновь побывал в ставшей для него родной и близкой Москве. Целью их приезда было расширение сотрудничества между Ибаданским университетом и Институтом русского языка им. А. С. Пушкина в области обучения русскому языку нигерийских граждан.

Институт русского языка им. А. С. Пушкина многим странам, в том числе и Нигерии, оказывает самую разнообразную помощь в области изучения русского языка. Ибаданскому университету будет оказано содействие со стороны советских специалистов в подготовке и повышении квалификации нигерийских национальных кадров преподавателей русского языка, в разработке научно-методических проблем обучения нигерийских граждан русскому языку, в создании учебников, учебных пособий, учебных программ по русскому языку. Институт русского языка им. А. С. Пушкина предоставит Ибаданскому университету учебно-методическую литературу по русскому языку и страноведению, аудиовизуальные материалы и пособия, а также технические средства обучения.

В беседе с нигерийскими учеными мы попросили их ответить на вопрос: что является стимулом для расширения сотрудничества между нашими странами в области изучения русского языка?

— Русский язык завоевывает все большую популярность в нашей стране, — говорит профессор С. О. Олаиде. Основная причина этого — огромный интерес, проявляемый в Нигерии к Советской стране, ее достижениям во всех областях общественно-политической, экономической, культурной жизни.

Ибаданский университет существует 33 года, это одно из крупнейших учебных заведений Западной Африки. Раньше он давал почти исключительно гуманитарное образование. После провозглашения независимости Нигерии в Ибаданском университете открываются такие факультеты, как медицинский, сельскохозяйственный, ветеринарный, технологический и т. п. Их появление обусловлено развитием самостоятельной национальной экономики, необходимостью подготовки собственных высококвалифицированных кадров. И на каждом факультете сегодня изучается русский язык.

Отделение русского языка филологического факультета готовит преподавателей-русистов. В 1982 году ожидается первый его выпуск.

Русский язык преподается и в Лагосском университете, и в Университете Нсуки. В них проводятся научные исследования в области русистики. В процессе поисков более эффективных методов работы нигерийскими учеными были проанализированы характерные для учащихся трудности при изучении русского языка. Для этого в течение нескольких лет разбирались ошибки студентов, изучающих русский язык в разных группах нигерийских вузов. Это принесло несомненную пользу в дальнейшей работе.

Изучение русского языка в Нигерии не ограничивается стенами вузов. В 1972 году открылись курсы русского языка при Советском культурном центре в Лагосе, где рабочие, служащие, учащиеся различных учебных заведений обучаются русскому языку и одновременно знакомятся с достижениями Советского Союза в области науки, образования, техники и культуры.

Наша встреча с нигерийскими учеными состоялась в новом здании Института русского языка им. А. С. Пушкина, расположенном на Юго-Западе Москвы, на улице Волгина. Профессор С. О. Олаиде впервые в Москве, он переполнен впечатлениями от города, еще хранящего тепло олимпийского огня. А доктор Шегун Одунуга чувствует себя здесь как дома. Впрочем, Москва и есть для него второй дом.

Спрашиваю доктора Одунугу, почему он решил связать свою жизнь именно с русским языком, русской культурой.

— Когда мы в юности решаем проблему: кем быть, — говорит он, — на наш выбор, как правило, влияют два фактора: наш личный интерес к чему-либо и популярность или практическая польза той специальности, которая нас привлекает.

Интерес к Советской стране, ее народу, ее культуре, желание получить образование именно в Советском Союзе привели меня, как и многих моих коллег, в Москву, в Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. И вот здесь нам предстояло выбрать будущую специальность. Одни захотели стать врачами, другие — инженерами, третьи — агрономами. А я решил для себя — буду преподавателем русского языка и литературы. Изумлению моих земляков не было предела: русский язык казался нам всем тогда чем-то непреодолимым, а уж выбрать его своей специальностью?! — на меня смотрели, по меньшей мере, как на чудака. Пытались отговорить: ну что, дескать, делать с русским языком в Нигерии?!

А жизнь как раз опровергла их представления и подтвердила правильность моего выбора. Ведь сейчас каждому человеку, работающему в любой области науки или техники необходимо знание русского языка, чтобы быть вполне компетентным специалистом. Интерес к русскому языку увеличивается год от года, растет соответственно и потребность в преподавателях русского языка — так что моя специальность, можно сказать, сейчас самая нужная.

Пожалуй, ничто так убедительно не свидетельствует о любви человека к избранной профессии, как горячее желание приобщить к ней и своих детей. У Шегуна Одунуги их шестеро. Старшая дочь Шола кончает в этом году школу.

— Я очень хочу, — говорит д-р Одунуга, чтобы Шола пришла учиться в Советский Союз, тем более, что она и родилась в Москве. Я был бы счастлив, если бы мои дети стали русистами.

Наверное, так и будет. Залогом тому — влюбленность д-ра Одунуги в свое дело, захватывающий энтузиазм, с которым он пропагандирует русский язык и русскую культуру не только у себя в стране, практически — на всем африканском континенте. Он поддерживает тесный контакт и обменивается опытом с учеными-русистами Судана, Анголы, Конго, Танзании, Уганды, Туниса, Алжира, Египта, а также стран Западной Африки.

— Огромное счастье для меня — быть удостоенным медали А. С. Пушкина, — говорит д-р Шегун Одунуга. — Эта высокая награда будет всегда для меня вдохновением, замечательным стимулом в моей работе.

Н. А. РЕВЕНСКАЯ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Чем отличаются слова *латвийский* и *латышский*?

Б. И. Ковалев, Чернигов.

Прилагательные *латвийский* и *латышский* различаются по своим значениям. Слово *латвийский* значит «относящийся к Латвии». Например: *латвийское побережье, латвийское искусство, латвийский сыр* (сорт, производящийся в Латвии) и т. п.

Латышский — значит «относящийся к латышам», то есть народу, составляющему основное население Латвийской ССР. Например: *латышский язык, латышский орнамент, латышские сказки* и т. п.

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ В КОПРИВШТИЦЕ

В соответствии с планом деятельности Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в Болгарском городе Копривштица со 2-го по 5-е сентября 1980 года проходила V Международная конференция редакторов журналов, связанных с преподаванием русского языка и литературы. Тема конференции — лингвистическое, методическое и литературное содержание журналов.

В конференции приняли участие главные редакторы и члены редакционных коллегий журналов из Австрии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Голландии, Польши, Румынии, СССР, Югославии, ФРГ, Чехословакии. Представители Англии и Швейцарии прислали письма и доклады.

Участники конференции в своих выступлениях поставили ряд важных и интересных вопросов, проанализировали деятельность журналов в данной области, отметив, что в последние годы роль журналов по русистике заметно выросла.

Все выступавшие подчеркнули важное значение международных совещаний редакторов, которое возрастает с каждой новой встречей.

На конференции были утверждены основные задачи этих журналов на ближайшие годы.

Работа конференции освещалась в центральных газетах Болгарии: «Работническо дело», «Литературен фронт», «Народна култура», «Софийска правда», «Отечествен фронт», а также по Болгарскому радио.

II-й СОВЕТСКО- АНГЛИЙСКИЙ СЕМИНАР

В Институте русского языка имени А. С. Пушкина в Москве в сентябре 1980 года состоялся II-й советско-английский семинар по вопросам преподавания русского языка в Великобритании. Работой семинара с советской стороны руководили генеральный секретарь МАПРЯЛ, директор Института русского языка имени А. С. Пушкина В. Г. Костомаров и заместитель директора Института А. Н. Шуккин. В работе семинара приняли участие ведущие профессора и преподаватели русского языка и литературы Института русского языка имени А. С.

Пушкина, МГУ, Высшей школы профсоюзного движения и других высших учебных заведений Москвы.

В составе делегации Великобритании находились: д-р А. Д. Бриггс (университет Бристоля) — руководитель делегации, д-р Кр. Дж. Барнес (университет Сент Андрюс), д-р Т. Вейд (Страфклайдский университет, г. Глазго), д-р Д. Вест (Шерборнская женская школа), проф. П. Генри (университет Глазго), У. Г. Джонс (Бангорский колледж Уэльского университета), проф. Ч. Л. Дрейдж (Лондонский университет), Дж. М. Кирквуд (университет Ланкастера).

В процессе работы семинара, который продолжался более 10 дней, было заслушано около 30 докладов, прочитанных советскими и английскими учеными, обсуждены различные аспекты преподавания русского языка иностранцам, и в частности, английским уча-

щимся, в том числе, роль перевода в процессе обучения иностранному языку, использование технических средств при обучении русскому языку и др. Ученые из Великобритании поделились опытом научной и преподавательской работы со студентами и школьниками, изучающими русский язык, отметив при этом, что русский язык в настоящее время преподается примерно в 400 школах страны.

Участники семинара посетили издательство «Русский язык», побывали в одной из московских спецшкол с обучением на английском языке.

Подводя итоги работы семинара, русисты из Великобритании единодушно отметили его высокий научный и организационный уровень и большой вклад, который внес этот семинар в развитие профессиональных связей советских и британских русистов.

Г. В. ХРУСЛОВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Где ставится ударение в слове *теплопровод*?

Л. И. Корчагин, Можайск.

Ударение в слове *теплопровод* (не теплопрóвод) на последнем о.

По Золотому кольцу России

Итак, на маршруте историко-топонимического путешествия по «Золотому кольцу России» нас ожидает встреча со старинным русским городом Ярославлем и его окрестностями.

Ярославль — один из интереснейших русских городов. Еще в XI веке здесь, в месте слияния Волги и Которосли, была построена крепость для защиты подступов к Ростову Великому. Древние стены Спасского монастыря в Ярославле были свидетелями самоотверженных битв русского народа с татаро-монгольскими ордами. В этот город стекалось для освобождения Москвы ополчение Минина и Пожарского. Именно в Ярославле был найден один из списков жемчужины древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве». С именем города на Волге связаны факты биографии и творчества таких выдающихся деятелей русской культуры, как основатель

первого в России национального театра Ф. Г. Волков, поэт Н. А. Некрасов, скульптор А. М. Опекушин, певец Л. В. Собинов, художник А. К. Саврасов и др.

Древний Ярославль возник на том месте, которое и по сей день именуется *Стрелкой*. Нарцательное слово *стрелка* часто встречается в русской топонимии. Так принято называть мыс, длинную косу при слиянии двух рек. Именно на Стрелке, образованной впадением реки Которосли в Волгу (а также рукавом Которосли, протекавшим по дну *Медведицкого оврага* — вспомним это название, нам еще предстоит к нему вернуться), возникло древнейшее поселение людей. Археологические раскопки показали, что территория Ярославля была заселена еще в середине первого тысячелетия до нашей эры. На Стрелке археологи обнаружили следы древнего мерянского селения. С этими фактическими свидетельствами перекликается одно из преданий о возникновении первого поселения на месте будущего Ярославля. Оно дошло до нас в записках ростовского архиепископа Самуила Миславского — так называемое «Сказание о построении града Ярославля». Вот что там сказано: «В области Ростовстей, при брезе (на берегу) реки Волги и Которосли лежаше некое место, на нем же последи создася славный град Ярославль... И сие бысть селище, рекомое *Медвежий угол*, в нем же насельницы человецы поганые веры — языцы, зли суще» (Лебедев А. Н. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль. 1877).

Медвежий угол... Овраг Медведица (или Медведицкий овраг)... Медведь на гербе Ярославля...

Обратимся вновь к тексту «Сказания...». Когда Ярослав Мудрый после установления дани с населения Медвежьего угла приехал из Ростова в эти места, жители «напусти от клети некоего люта зверя и псов, да растешут (растерзают) князя и сущих с ним». Однако Ярослав «секирою своею победи зверя», и жители «ужасеся и падоша ниц князю». Кто же этот лютой зверь? Очевидно, медведь, причем не просто лесной зверь, а культовый, священный, особо почитавшийся. Примечательно, что в предании зверь не называется. Известно, что у многих народов (в Сибири, в частности), в среде которых был распространен культ медведя, существовало табу, запрет называть зверя, если так можно выразиться, «по имени». О медведе говорили *хозяин, зверь, старик* (кое-где отголоски этого явления встречаются и по сей день, разумеется, лишь в форме народных традиций). Между прочим, и мы с вами, не подозревая того, называем хозяина леса весьма уклончиво — *медведем*, то есть «едящим мед, медоедом». Это общее для славян эвфемистическое слово (*эвфемизм* — от греч. *euphētia* «воздержание от неподобающих слов, смягченное выражение»), которое заменило исконное индоевропейское название медведя, быто-

вавшее в санскрите, греческом, латинском языках (например, латинское *ursus*). Не случайны, кроме названных, и другие эфемистические именованья медведя у русских: *космач*, *лесник*, *костоправ*, *Мишка*, *Потапыч*, *Михайла Иванович Топтыгин*.

Сказание о подвиге Ярослава Мудрого в той или иной форме бытовало, по-видимому, издревле. Именно поэтому легенда нашла свое отражение в гербе Ярославля, на котором изображен медведь с золотой секирой.

Конечно же, князь Ярослав не довольствовался одной лишь победой над символом местной самостоятельности. Стремясь укрепиться на водном пути из Ростова в Волгу, он основал на уже упоминавшейся Стрелке город.

Когда это точно произошло? Пожалуй, это один из самых сложных и спорных вопросов, касающихся истории Ярославля. Наиболее распространенной является точка зрения, которая связывает построение Ярославля с бурными событиями 1024 года. Ярослав Мудрый был втянут в междоусобную борьбу на юге со своим братом Мстиславом, но был вынужден заниматься и делами Суздальской земли, где было неспокойно: «В се же лето всташа влсви в Суждали, избиваху старую чадь, глаголюще, яко си держат гобино (богатство, имущество, урожай)... Ярослав приде Суздалю, изымав волхвы, а другыя показни» (Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись, т. I, СПб., 1846).

Существует и другая точка зрения. Ярославль мог быть основан не позднее 1010 года. Уже упоминавшееся «Сказание о построении града Ярославля» прямо относит события в Медвеьем углу ко времени, когда Ярослав был ростовским князем. Именно укреплением княжеской власти в далекой Ростовской земле могло быть продиктовано основание крепости в устье судоходной Которосли. Вот что писал в связи с этим академик М. Н. Тихомиров: «По летописи, Ярослав первоначально княжил в Ростове, а только после смерти старшего брата Вышеслава перешел в Новгород. Случилось это не позже 1015 г. Между тем, связь Ярославля с Ростовом совершенно явная, так как Которосль берет начало из Ростовского озера. Построение Ярославля, таким образом, имело задачей охрану пути от Волги к Ростову. Следовательно, с полным основанием можно считать, что Ярославль основан до 1015 г.» (Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956).

Что же касается первого упоминания города в летописи, то оно относится к 1071 году. В это время на северо-востоке Руси, на берегах Волги вновь вспыхнуло восстание крестьян, во главе которого встали «два волхва от Ярославля». Вот те строки из летописи, где мы впервые находим упоминание названия города Ярославля: «Бывши бо единою скудости в Ростовстей области, всташа два волхва от

Ярославля... и убивашета многы жены, имень их отмашета собе» (Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись).

Итак, налицо связь топонима *Ярославль* с именем основателя города Ярослава Мудрого, ставшего впоследствии великим киевским князем. Структура этого названия довольно проста. Топоним образован при помощи суффикса принадлежности от имени собственного *Ярослав*.

В 1215 году князь Константин Всеволодович заложил на Стрелке «палаты» — княжеский двор и первую каменную церковь Успения Богоматери. В Ярославле возник, как известно, и один из древнейших русских монастырей — Спасо-Преображенский (или просто Спасский).

Первоначально Ярославль представлял собой — как и большинство древнерусских городов — рубленую деревянную крепость. Именно поэтому древнейшая часть города, расположившаяся на Стрелке, долгое время именовалась *Рубленным городом*. Об этом старинном наименовании ныне нам напоминает название церкви, построенной в конце XVII века — *Никола Рубленный город*, или просто церковь *Никола Рубленого*.

В 1463 году Ярославль вошел в состав единого Русского государства. После этого начался дальнейший рост территории города и его экономическое развитие. Уже в XVI веке город окружает свой посад высоким земляным валом и глубоким наружным рвом — отсюда и название *Земляной город* (кстати, интересна параллель с древней Москвой, где, как мы знаем, также существовал *Земляной город*; между прочим, есть в нынешнем Ярославле и Красная площадь). Примечательно, что административный центр Ярославля находился на территории Рубленого города вплоть до конца XVIII века. И лишь когда возник «регулярный план» города, центр Ярославля был перенесен на *Ильинскую площадь* (ныне — *Советская площадь*).

Внутригородская топонимия Ярославля рассказывает в основном о позднейшем этапе истории нашей страны: Народный переулок, Советский переулок, Революционная улица, Первомайская улица, Депутатская улица, Большая Октябрьская улица, Школьная улица, Кооперативная улица, улица Свободы, Республиканская улица, площадь Труда, Малая Пролетарская улица, Малая Химическая улица, улица Терешковой и др. Вместе с тем в Ярославле есть названия, которые несут в себе лингвоисторическую информацию, связанную с прошлым города: улица Городской Вал, Мельничный переулок, Ямская улица, улица Матросский Спуск, Суздальская улица и др.

Есть на карте Ярославля площадь Волкова. Появление ее не случайно, Здесь расположен Академический драматический театр

им. Ф. Г. Волкова. Имя Федора Волкова, основателя русского профессионального театра, неотделимо от истории Ярославля. Уроженец Костромы (он родился в небогатой купеческой семье), Федор Волков с детских лет жил с семьей в Ярославле, но свое разностороннее образование он получил в Москве. Вернувшись из Москвы, он приступил к созданию театральной труппы. И летом 1750 года Волков с товарищами устроил в кожевенном амбаре «лицедейство»: им была поставлена пьеса Расина «Эсфирь». Чуть позже Федор Волков сам написал по народным мотивам пьесы «Шемякин суд» и «Всяк Еремей про себя разумей» и поставил их на сцене. Федор Григорьевич Волков был не только режиссером и драматургом, но и талантливым актером и театральным художником. Позднее при дворе императрицы Елизаветы Петровны Ф. Г. Волков поставил пьесу Сумарокова «Хорев», пьесу Шекспира «Гамлет» и другие. В 1756 году был издан указ, по которому в Петербурге открылся «Русский для представления трагедий и комедий театр». Руководителем театра стал А. П. Сумароков, а его первым помощником — Ф. Г. Волков.

В Ярославле есть улица Трефолева. В ее названии ярославцы увековечили память о своем земляке — поэте-демократе Л. Н. Трефолеве (поэт жил в доме на этой улице). Трефолев был и хорошим переводчиком, редактором, историком-краеведом. Многие стихотворения Л. Н. Трефолева, благодаря напевности, простому и образному языку, превратились в народные песни. Таковы, например, «Песня о камаринском мужике», «Ямщик» («Когда я на почте служил ямщиком...») — поэтическое переложение стихотворения В. Сырокомли «Почтальон» и др.

И все же в первую очередь Ярославль литературный, Ярославль поэтический — это Некрасов. Ярославщина — родина великого русского поэта. Трехлетним ребенком он был привезен в родовое имение отца — село Грешнево (ныне — Некрасово), расположенное неподалеку от Ярославля. В одиннадцатилетнем возрасте Некрасов поступил в Ярославскую гимназию. В зрелые годы поэт не порывал связей с Ярославским краем. Он часто приезжал на лето в Грешнево, а в 1861 году приобрел усадьбу в селе Карабиха. О Карабихе следует рассказать подробнее...

Это простое русское название прочно вошло в историю русской литературы. В Карабихе Некрасов жил по нескольку месяцев, на протяжении почти четырнадцати лет. Здесь из-под пера поэта вышли поэмы «Мороз, Красный нос», «Русские женщины», «Дедушка», стихотворение «Калистрат» и другие. На ярославской земле Некрасов черпал вдохновение, собирал материал для многих своих произведений,

У людей, приезжающих в Карабиху в дом-музей Н. А. Некрасова, знакомящихся с биографией и творчеством поэта, нередко возникает вопрос: «Какова история этого места России? Откуда ведет свое происхождение название села и усадьбы?».

Местность, в которой расположена Карабиха, связана с рядом исторических событий. Так, во второй четверти XV века здесь происходили сражения между войсками московского князя Василия Темного и его соперника в борьбе за великое княжение галицкого князя Дмитрия Шемяки. Войска Шемяки потерпели сокрушительное поражение в 1435 году в битве близ *Карабитовой горы*. Так называется возвышенность подле *Карабихи*. Народное предание сохранило память о сражении, истолковывая значение названия горы так: «кара бе (была) там». Мы уже рассказывали о том, как возникали подобные стихийные переосмысления значений географических названий. Такое явление имеет место и в данном случае. Видимо, в основу названия населенного пункта и горы легло диалектное русское слово *карабить*, означающее «боронить пашню».

В начале очерка мы упоминали, что Спасо-Преображенский монастырь в городе на Волге — один из древнейших русских монастырей. Здесь было создано первое на северо-востоке Руси духовное училище, имевшее крупную по тому времени библиотеку из тысячи рукописных книг (в начале XIII века училище было переведено в Ростов; к большому сожалению, сокровища его библиотеки сгорели во время одного из ростовских пожаров). За стенами монастыря нашел укрытие Иван Грозный, когда в 1571 году войска крымского хана Девлет-Гирея подошли к Москве. В июле 1612 года от стен Спасского монастыря уходило народное ополчение Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского на решающую битву с польскими интервентами, засевшими в Москве. В ризнице монастыря хранился единственный список замечательного памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве». В 1795 году граф А. И. Мусин-Пушкин купил у бывшего архимандрита Иоиля Быковского ряд ценных рукописей. Среди них известный коллекционер и обнаружил список «Слова»....

Ярославль занимает видное место в биографии, творчестве многих выдающихся деятелей русской культуры. Вероятно, немногим известно, что с Ярославлем, с Волгой связано создание всемирно известной картины А. Саврасова «Грачи прилетели» (как, впрочем, и многих других полотен этого большого художника). Казалось бы, совсем немного времени провел Саврасов в Ярославле — всего несколько зимних и весенних месяцев 1870—1871 годов. Но для художника этот период был в его творчестве очень успешным. Здесь он написал известные картины «Волга», «Разлив Волги под Ярославлем», «Могилы на Волге», создал несколько этюдов «Грачей».

Анализ этюдов показывает, что художник долго искал самое верное композиционное и цветовое решение картины. Один из первых этюдов написан на тогдашней окраине Ярославля, именованной *Вспольем*. Фоном для дерева с гнездящимися грачами служит Владимирская церковь.

Приоткроем еще несколько страниц историко-топонимического прошлого Ярославля.

Гроза татаро-монгольского нашествия не обошла и северное ярославское княжество. Город был сожжен, а первый ярославский князь Всеволод погиб в неудачной для русских битве на реке Сити. Однако Ярославль не смирился. В 1257 году горожане подняли восстание. Согласно преданию, ярославцы во главе с князем Константином встретили татарский отряд за Которослью на небольшой возвышенности, получившей впоследствии название *Туговой горы*. Хотя ярославцы бились храбро, они были разбиты. Павшие русские воины были похоронены здесь же, на Туговой горе. Впоследствии народная молва стала связывать наименование горы именно с этим печальным событием. Согласно легенде, на холм долго еще приходили женщины, чтобы «тужить» по павшим, оплакивать их. «Туга-печаль», якобы, и стала основой названия. Думается все же, что данное предание является позднейшим домыслом. Ведь летописи почему-то умалчивают о битве ярославцев с татарами. Более того, само княжение Константина в Ярославле устанавливается лишь косвенным путем.

Можно попробовать объяснить название Туговой горы с помощью данных о погребальном обряде поволжских финских племен. Известно, что у ряда этих племен умерших зимой не хоронили, а подвешивали на деревьях. Об этом сообщает, в частности, фольклорный материал. В мордовской песне умирающая девушка просит родных:

Не хороните меня, матушка, на кладбище,
Похороните меня матушка около большой дороги,
Около большой дороги, на старом дубе...

(Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910). Есть и иные свидетельства. Весной умерших снимали и закапывали тут же, под деревьями. Родственники должны были в течение трех дней плакать над могилой. Место же совершения этого обряда именовалось «Горой плача». Установлено, что на Туговой горе расположено древнее кладбище. Возникает вопрос — а не связано ли наименование горы с пережитками древней погребальной обрядности? Однако пока это — не более, чем предположение...

Есть в окрестностях Ярославля и прозрачные по смыслу географические названия. К их числу относится наименование поселка

Устье, расположенного на северной окраине современного Ярославля. Этот топоним объясняется легко. Поселок расположен у устья, места впадения реки Ить в реку Волгу.

Топоним *Ярославль* сам послужил основой для возникновения некоторых имен собственных. К их числу относится и псевдоним *Ярославский*. Емельян Михайлович Ярославский (М. И. Губельман) — советский государственный и партийный деятель, академик АН СССР. Двадцатилетним юношей он организовал в Чите первый социал-демократический кружок. В октябре 1905 года 27-летний товарищ Емельян приехал в Ярославль. К этому времени за его плечами уже было семь лет революционной борьбы. Ярославские большевики избрали его своим делегатом на Таммерфорскую конференцию, а затем и на IV съезд РСДРП, проходивший в апреле 1906 года в Стокгольме. На съезде революционер впервые и выступил под именем *Емельяна Ярославского*. Примечательно, что после революции именно этот псевдоним — *Ярославский* (несмотря на то, что за годы подполья коммунист сменил почти два десятка партийных и литературных псевдонимов) — и стал его фамилией. Интересно и другое. Этот отважный революционер, занимавший ряд ответственных постов в государственном и партийном аппарате, был разносторонне одаренным человеком. Товарищ Емельян был страстным художником и очень любил цветы, причем даже выращивал новые сорта. Цветоводам известен сорт георгинов, который так и называется — *«Емельян Ярославский»*. В современном Ярославле именем Емельяна Ярославского названа бывшая Федоровская улица — одна из главных магистралей нынешнего Краснопереконского района города.

Наименование же Краснопереконского района связано с одним из самых больших предприятий Ярославля — комбинатом технических тканей *«Красный Перекоп»*. Свою историю он ведет от бывшей Большой мануфактуры, возникшей еще в XVIII веке. На месте осушенного участка некогда непроходимого болота на правом берегу Которосли возникла одна из крупнейших полотняных мануфактур Петровской эпохи, впоследствии ставшая называться *Ярославской Большой мануфактурой*. Новое имя — *«Красный Перекоп»* — предприятие получило в 1920 году в честь побед Красной Армии на юге,

*М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ*

Рисунок С. Гавриловой

Решение строить гавань и город на северном берегу Азовского моря между устьями Дона и реки Миус было принято Петром I в 1696 году, после завершения второго Азовского похода, в результате которого была взята у турок крепость Азов. Ее местоположение в мелководном устье Дона не понравилось Петру, и он стал искать более удобное место для нового фортификационного сооружения уже на морском побережье. Сохранилось свидетельство одного из активных участников Азовских походов контр-адмирала П. Гордона о том, что Петр 27 июля 1696 года предпринял поездку в рыбацкой лодке к пустынному мысу, глубоко вдающемуся в море (Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии). Название мыса уже было хорошо известно Петру и его спутникам: Гордон пишет о намеченном строительстве «города и гавани при Таганроге».

Древнейшее упоминание об интересующем нас географическом названии относится к XV веку. В одном из доку-

ментов дипломатической переписки с Крымом, датированном 1489 годом, читаем: «на усть Миюша и на *Тайгане*», «на Миюше и на *Тайгане*» (Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными). Эта первоначальная форма (без — *рог*) просуществовала до начала XVIII века. Ее мы встречаем, например, в «прелестном письме» соратника К. Булавина — атамана Н. Голого, отправленном в 1708 году в русские города, села и деревни: «пошел под Азов и под *Таган*» (Булавинское восстание. 1707—1708 гг.). В анонимном турецком трактате об османских крепостях на северном берегу Черного моря, составленном не позже начала второго десятилетия XVIII века, также приводится простая форма топонима — *Тыган* (*Тыган калеси*, то есть крепость *Тыган*) [Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы]. Арабская запись топонима могла читаться двояко: *Тайган* и *Тыган*. Первый вариант прочтения отразился в цитированном выше документе 1489 года. *Тайган* и *Тыган* в русском языке изменились в *Таган*. В настоящей статье мы не будем касаться сложного вопроса об этимологии *Таган* (*Тайган*, *Тыган*), а уделим основное внимание лишь истории названия *Таганрог* в русском языке.

В своем современном виде — это уже вторичное, тюрко-славянское образование, сложная структура которого в наши дни уже не осознается говорящими. Но в XVIII веке данный топоним еще воспринимался как двусловное сочетание, вторую часть которого составлял славянский географический термин *рог* — «мыс». В косвенных падежах обе части его нередко получали самостоятельные окончания. В памятнике допетровской поры — отписке воронежского воеводы Василия Ромодановского об азовских и донских вестях от 24 июня 1642 года — мы находим одну из самых ранних фиксаций формирующегося названия *Таганрог*, первая часть которого еще выступает в роли склоняемого приложения: «к *Тайганурогу*», «*Тойганрог*», «до *Тойганурогу*» (Русская историческая библиотека. Донские дела). Но уже в этот период обе части сливались в одно слово, о чем свидетельствуют факты употребления топонима с единственным окончанием, как например, в войсковой отписке о морском походе казаков на крымцев от 4 ноября 1646 года: «к *Таганрогу*» (Русская историческая библиотека. Донские дела).

Колебания в употреблении форм косвенных падежей особенно широко отмечаются в петровское время: «с *Тагана-*

рога» (1697 г.), «на *Тоганерогу*» (1697 г.), «к *Тоганурогу*» (1708 г.) и т. д., но, с другой стороны: «на *Таганроге*» (1698 г.), «до *Тоганрога*», «к *Таганрогу*» (1708 г.) и др.

О смысловой самостоятельности обеих частей названия наглядно свидетельствуют и нередкие для конца XVII — начала XVIII века случаи их раздельного написания (при этом географический термин мог писаться как с прописной, так и со строчной буквы), а также употребления после первого компонента буквы «ер»(ь). Написание *Таганъ Рогъ* мы находим на некоторых рукописных картах, хранящихся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА), например, на «Ландкарте Азовского моря, сочиненной по повелению вице-адмирала Бредаля капитаном Данилою Герцен Верхом» и на «Карте лежащим местам около крепости св. Димитрия Ростовского». На последней этот способ записи названия распространен даже на оттопонимическое прилагательное *Таганъ Рожская* (линия). *Таганъ Рожская линия*, то есть укрепленная граница, нанесена также на рукописную «Топографическую карту части Азовского моря с устьями реки Дона...». В полном названии этой карты топоним *Таганрог* написан через дефис. Ср. еще: *Таганъ рогъ* — на «Карте на часть р. Дона и протчих выходов от Азова...» (1769 г.), «съ *Таганърогу* въ Киевъ» (надпись на карте Д. Герцен Берха) и т. д. Написание *Таганърогъ* отмечается и в документах многотомного издания «Писем и бумаг императора Петра Великого», но такая форма записи мало показательна, так как в документах этого периода вставочный «ер»(ь) не столь уж редок и в ошибочных записях типа «*приежьжайте*», «*упъравъление*» и т. д., где он никак не говорит о сознательном разъединении значимых частей слова.

Первый компонент топонима был известен и с мягким конечным звуком (видимо, по аналогии с названиями типа *Кубанъ*, *Таманъ*, *Казанъ* и т. д.). Этот вариант, возможно, отразился в надписи *Tagannirok* на рукописной карте Азовского моря, составленной в Петровское время, где мягкость *н* была передана средствами латинского алфавита (посредством *i*). В других документах начала XVII века мягкость этого звука передана при помощи «ерь»(ь), склонением первой части названия: «на *Таганъ Рогъ*» (1700 г.), «на *Таганърогу*» (1698 г., 1701 г.), «к *Тоганю рогу*» (1708 г.) и т. д. Об одновременном употреблении всех отмеченных вариантов топонима свидетельствует их наличие в документах одного периода. Только в «Письмах и бумагах императора

Петра Великого», относящихся к 1708 году, мы встречаем: «к *Тоганюрогу*», «до *Тоганярогу*», «до *Тоганирогу*», «до *Тоганрога*», (все примеры принадлежат одному документу), «к *Тоганурогу*», «в *Таганърог*», «на *Таган-Рог*» и др. Возможно, прежде существовал и вариант названия города *Тагангород*, о чем можно судить из текста письма 1706 года к протопопу построенной в крепости соборной Троицкой церкви, где дважды употреблено прилагательное *тагангородский* (Воронежские акты).

К каким же объектам относится топоним *Таганрог*? Как мы уже знаем, до 1696—1697 годов, то есть до сооружения крепости и гавани, он был хорошо известен как название мыса. Именно к мысу на вышеуказанной рукописной карте Азовского моря петровского времени ясно отнесена надпись *Tagannirok*. В латинском тексте на плане, представленном Петру I, речь идет о крепости и порте «*apud Taganrog*», то есть «возле Таганрога» (Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию). Сообщение о выборе удобного места под «корабельную пристань у *Таганрога*» и о том, что «у той де пристани на *Таганроге* городу быть мочно», находим мы в отписке к Петру I боярина и воеводы А. П. Салтыкова от 20 сентября 1698 года (Елагин С. История русского флота. Период Азовский).

Таганрогом называлась и пристань около мыса. В уже цитированной войсковой отписке о морском походе казаков на крымцев в 1646 году сообщается: «И пришли, государь, мы к пристани к *Таганрогу*...». В период Азовских походов Петра I и начала строительства русского флота особенно часто слово *Таганрог* употреблялось и как название определенной территории или урочища: «на урочище *Тагане Роге*» (1697 г.), «к урочищу *Таганрог*» (1698 г.). Иногда речь шла об «урочище у *Таганрога*» или об «урочище на *Таганроге*» (1697 г.). Чаще же всего топоним *Таганрог* служил для обозначения местности, куда входят мыс, гавань и город.

Новопостроенные город и крепость в урочище Таганрог вначале получили название *Троицкий* — от имени соборной Троицкой церкви, возведенной здесь в 1699 году. В документах первого десятилетия XVIII века название города *Троицкий* встречается много раз, особенно часто в словосочетаниях «в Азове и в *Троицком*». Изредка говорится о *Троицком городе*.

Судя по материалам конца XVII — начала XVIII века, поначалу существовала определенная тенденция к разграничению названий крепости (*Троицкий*, редко — *Троицкое*),

и урочища (*Таганрог*). Особенно наглядно это обнаруживается в случаях противопоставленного употребления этих топонимов, например, в челобитной 1699 года троицкого воеводы Егора Янова Петру I: «О том у меня в *Троицком на Таганроге* в приказной палате от них, капитана и комендора и от матросов, на письме ведомости нет» (С. Елагин. Указ. соч.).

Известно много случаев, когда населенный пункт получал наименование от близлежащего географического объекта — реки, урочища, горы и т. д. Так случилось и с *Таганрогом*. Как название крепости этот топоним встречается уже в первые годы ее существования. В письме окольного (приближенного к царю) Протасьева к боярину Головину от 16 декабря 1697 года сообщается о посылке нарочных «в Азов и в *Таганрог*» (С. Елагин. Указ. соч.). В другом документе 1697 года читаем: «От устья Мертвого Донца сухим путем до *Таганрога-города...*» (сравните приведенное выше оттопонимическое прилагательное *тагангородский* — Е. О.) [там же]. Прямое указание на крепость *Таганрог* мы находим и в переводе цифирного, то есть тайнописного, сообщения думного дьяка Украинцева Петру I от 21 июня 1700 года: «чтоб новые азовские кастели (крепости — Е. О.) *Таганрог*, Павловск и Миус разорить» (там же).

В последующие годы топоним *Таганрог* все чаще выступает как название города. С таким значением он нередко встречается в письмах и собственноручных резолюциях Петра, например: «изволте охранять Астрахань, Азов, также и *Таганрог*» (1705 г.); «по управлению Азова и *Таганрога* учинить линию в пристойных местех» (1706 г.) и т. д.

Во второй половине XVIII века слово *Таганрог* становится настолько известным, что уже не употребляется как название мыса или урочища и закрепляется в языке как наименование города.

Итак, в своей смысловой эволюции название *Таганрог* прошло два основных этапа. Вначале это был сложный, расчленяемый на относительно самостоятельные части топоним. Местное слово *рог* в значении «мыс» впоследствии выходит из употребления. Это обстоятельство безусловно способствовало утрате былой смысловой членности сложного названия *Таганрог* и превращению его в простое слово.

Е. С. ОТИН
Донецк

Петухово, о котором пойдет речь, — название местности в юго-восточной части города Углича. В прошлом, судя по Писцовым книгам Угличского уезда первой половины XVII века, она представляла собою слободу вблизи Угличского посада и именовалась *Петухова слобода*. Обозначение *Петухово* довольно обычно в русской топонимике: в Курганской области есть город *Петухово*, в Вологодской, Горьковской, Ярославской и других центральных областях РСФСР — немало сел и деревень с этим названием. Морфологический состав и этимология слова достаточно ясны: оно образовано как прилагательное от основы *Петух-* с помощью суффикса *-ов-* и окончания, изменяемого в зависимости от рода, числа и падежа определяемого слова. Вопрос может возникнуть разве лишь о функции суффикса *-ов-*.

Дело в том, что с помощью *-ов-* в русском языке образуются прилагательные двух разных семантических разрядов. Во-первых, от названий неживых предметов получают слова, обозначающие их «непритяжательные» признаки — назначение, цвет, объем, размер, границы, степень, время употребления и другие: *дубовый стол, пороховой дым, медовый напиток, содовый раствор, липовый лист*,

столовый нож, пороховой склад, типовой проект, белой вариант, годовой отчет, годовой доход, ходовой товар, гробовое молчание, готовый ответ, медовый месяц. Во-вторых, от названий лиц или олицетворяемых мифических существ получают слова, обозначающие «притяжательность», то есть принадлежность определяемых предметов этим лицам или олицетворяемым существам. Сравним: *Архимедов рычаг, попов сын, дедова привычка, чертово колесо, Петрово пальто, Золова арфа, вороново крыло* и т. п.

Но даже и вопрос о роли суффикса *-ов-* в слове *Петухово* решается довольно просто. Поскольку его производящая основа *Петух-* обозначает живое существо — петуха, то *Петухово* — притяжательное прилагательное и в нем *-ов-* служит для обозначения принадлежности чего-то петуху. Следовательно, угличское *Петухово* возникло как обозначение принадлежности некоему петуху одной из слобод возле Угличского посада. А так как петух — не лицо и владеть слободой или иным населенным пунктом не мог, то надо иметь в виду не собственно петуха, а человека по имени или прозвищу *Петух*, или же следует подразумевать Петуха персонифицируемого, мифического. Для второго предположения надо учитывать, что петух у многих народов, в том числе и у славян, в древности почитался вещью птицей, помогающей определять время в течение суток (отсюда выражения: *засидеться до третьих петухов, пока трижды не пропоет петух* и т. п.).

Чем же интересно для языковедов этимологически «прозрачное» название угличского Петухова? Тем, что его реальная история известна и, следовательно, может служить яркой иллюстрацией того, насколько значительно в языке отражаются социальные, культурные и этнические процессы. Вместе с тем мы убеждаемся в том, что при изучении этих процессов важно учитывать не только тексты, устные предания, археологические находки и бытовые реалии современной жизни, но и языковые свидетельства.

Название *Петухово* для указанной местности в пределах города Углича неразрывно связано с названием находившегося на ней до середины 30-х годов XX века камня-валуна. На его плоско-наклонной верхней части в древности был высечен знак, изображающий след огромного петуха. Отсюда название — *Петухов камень*, обозначающее, что камень-валун «принадлежал» петуху, конечно, не какому-то реальному, а вымышленному, мифическому. До нашего времени *Петухов камень* не сохранился. Его разбили на булыжник для замощения угличских улиц. Но легенду о происхождении петушиного следа на этом камне угличане помнят и теперь.

Будто бы в стародавние времена, когда угличанам грозила какая-либо беда, прилетал и садился на «свой» камень огромный пе-

тух и троекратным кукареканьем предупреждал об опасности. Поскольку разные беды действительно часто наваливались на угличан (нашествие Батыя и Дюденя в XIII веке, захват Углича князем Михаилом Тверским в XIV веке, Василием Темным — в 1447 году, опала и казни после гибели царевича Димитрия в 1591 году, разорение города интервентами в начале XVII века, многочисленные пожары — 1491, 1685 гг. и др.), то, по легенде, и вещей петух садился на облюбованный им камень так часто, что на нем остался глубокий след одной из петушиных лап.

Нетрудно заметить, что предание сходно со «Сказкой о золотом петушке» А. С. Пушкина. Надо думать, что поэт знал угличскую легенду и использовал ее в своем творчестве. Ведь А. С. Пушкин интересовался историей города Углича в связи с работой над «Борисом Годуновым» в 1824—1825 годах, а «Сказку о золотом петушке» написал много позднее — лишь в 1834 году. Правда, в среде литературоведов бытует мнение, что «Сказка о золотом петушке» написана под влиянием творчества Вашингтона Ирвинга («Сказки Альгамбры»). Вероятно, это мнение не лишено оснований. Но и угличскую легенду нельзя не принять во внимание. Итак, предание гласит, что существовал в старину легендарный петух, который имел возле угличского посада «свой» камень. А если исходить из лингвистического анализа выражения *Петухов камень*, Петуху «принадлежал» не только камень, но и вся окрестность возле него, ставшая в свое время слободой. Поэтому ее и стали именовать *Петухова слобода*, а позже — просто *Петухово*. Значит, лингвистические соображения о происхождении этого названия не проникают лишь в детали и частности его реальной истории, но в общем и целом раскрывают ее правильно.

Н. Д. РУСИНОВ

Рисунок Б. Захарова

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТОЛП
из стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг верукотворный...» до сего времени еще вызывает споры у многих исследователей.

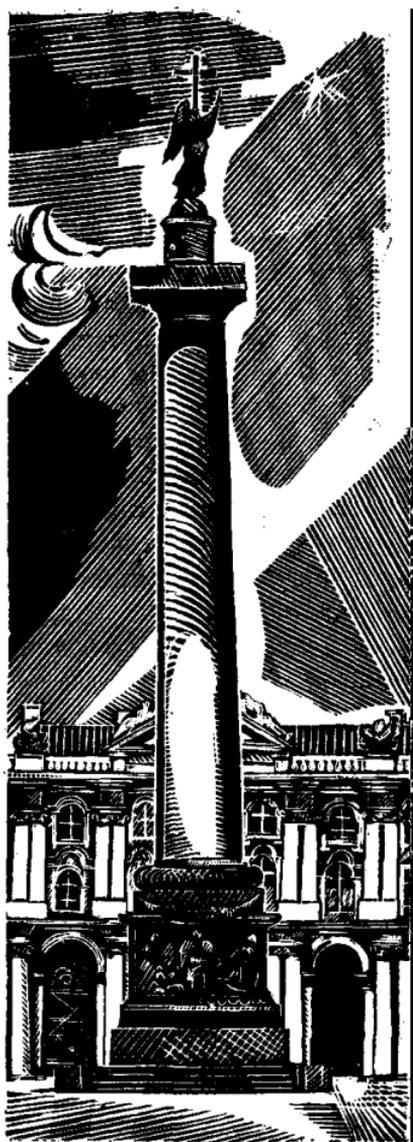
Одни специалисты считают, что под ним подразумевается знаменитая Помпеева колонна, воздвигнутая в честь императора Диоклетиана в Александрии, которую Пушкин, якобы, сравнивал с колонной на Дворцовой площади в Петербурге.

Другие исследователи утверждают, что Александрийский столп — это Александровская колонна.

Известно, что еще современник Пушкина писатель-переводчик А. С. Норов решительно отверг мысль о том, что колонна в Египте воздвигнута в честь императора Диоклетиана Помпеем. По его мнению, это надгробный памятник основателю Александрии Александру Македонскому. Напомним, что во времена Пушкина *Александрийской колонной* назывался и другой памятник — игла (obelisk) Клеопатры, который не мог идти ни в какое сравнение с триумфальными памятниками, поскольку сам не был таковым.

Все вышесказанное, казалось бы, дает возможность читателям пушкинского стихотворения рассматривать сочетание *Александрийский столп* как двусмысленную поэтическую формулу.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

АЛЕКСАНДРИЙ- СКИЙ СТОЛП

Однако никакой двусмысленности, маскировки, ссылки на Египет и т. д. в пушкинском стихотворении нет.

Мысль о создании монумента в честь побед русских войск возникла у Александра I еще в период войны с Наполеоном. Предполагалось, что это будет «увенчанный лаврами столп из отбитых у неприятеля орудий». Ныне забытый русский поэт П. И. Свечин писал в поэме «Александроида» (1827—1829 гг.):

Из жерл борьбы, отъятых нами,
Внесем пирамидальный столп,
Во знак победы над врагами.

В 1814 году Синод и Сенат обратились к Александру с прошением — «воздвигнуть в престольном граде твоём для грядущих веков памятник, гласящий о великих твоих доблестях». 30 ноября 1830 года состоялась торжественная закладка монумента в честь царя — «освободителя народов», «миротворца». Автором проекта колонны (первоначально — обелиска) был О. Монферран. На верху колонны по решению Николая I был установлен ангел с чертами лица его покойного брата Александра.

Таким образом, с самого начала колонна была определена как *Александровская*. Именно этот эпитет употреблял и Пушкин в своих дневниковых записях: «При открытии Александровской колонны, говорят, будет 100 000 гвардии под ружьем» (30.11.1833); «...должен он был дожить до 30 августа, дня открытия Александровской колонны» (12.05.1834); «Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны...» (28.11.1834). Почему же тогда в стихотворении этот эпитет превратился в *Александрийский*?

Прилагательное *александрийский* в пушкинские времена воспринималось в основном как производное от названия *Александрия*: *александрийский(-ая) библиотека, бумага, кодекс, лист, музей, поэзия, ткань, школа, филология...* Известен был и *александрийский стих* (основной размер крупных жанров в литературе классицизма; этим размером писал и Пушкин), получивший свое название предположительно по заглавию средневековой поэмы «Алексапдрия». И город, и поэма были названы в честь Александра Македонского.

В пушкинскую эпоху еще была жива языковая традиция XVIII века, когда прилагательные на *-ийск(ий)* были весьма распространены. Уже в начале XVIII века новообразования с окончаниями на *-ейск(ий)*, *-ийск(ий)* возникали свободно. Можно привести достаточно большое количество примеров: *балтийский, дельфийский* (Ломоносов, Херасков), *бельгийский* (Сумароков), *касталийский* (Ломоносов, Дельвиг, Батюшков), *мемфийский* (Ло-

моносов, Озеров, Мерзляков), *олимпийский* (Кантемир, Капнист, Баратынский, Дельвиг, Батюшков) и т. п. Следует отметить, что все прилагательные этого ряда принадлежат высокому поэтическому стилю и чаще всего встречаются в одах, в героических поэмах, а также в переводах и переложениях произведений античных авторов.

У Пушкина также встречается много прилагательных, оканчивающихся на *-ийск(ий)*: *азиатский, боснийский, дельфийский, карийский, олимпийский...*, не считая: *английский, ассирийский, индийский, российский, сирийский, фригийский*. К этому же разряду безусловно относится и слово *александрийский*. Пушкин образовывал его от названия *Александрия* («Александрийские чертоги покрыла сладостная тень...»), а позже создал неологизм, пользуясь той же моделью,— от имени Александр. Возможно, определенную роль при этом сыграл и «александрийский стих». Новообразование это для современников Пушкина было привычно на слух и к тому же звучало архаично, в духе XVIII века (в стихотворении Пушкина архаизмов достаточно).

Прилагательное *Александрийский* было создано (или, говоря языком художественной критики, найдено) Пушкиным сразу и никаким изменениям в процессе работы над рукописью стихотворения не подвергалось.

Замена Пушкиным эпитета *Александровский* на *Александрийский* произведена в данном случае не с целью «маскировки», поскольку стихотворение вообще не предназначалось для печати и было известно лишь весьма узкому кругу ближайших друзей поэта, а исключительно по соображениям метрики: прилагательное *Александрийский* легко укладывалось в четырехстопный ямбический размер. Напомним, что в том же стихотворении Пушкин произвел аналогичную «подгонку» под ямб и слова *нерукотворенный* (см.: Русская речь, 1969, № 3).

Определенную роль в создании неологизма, построенного на звуковом сближении, сыграло и то обстоятельство, что именно в этот период появился его синоним *александринский*, образованный от имени *Александра* (Александра Федоровна — жена Николая I). По-французски эти слова также созвучны: *Александра* — *Alexandrine*, *александрийский* — *alexandrin*. Открытый в 1832 году новый драматический театр в Петербурге и площадь перед ним «высочайше повелено» было именовать *Александринскими* в честь императрицы. Интересно, что автор широко известной книги «Портреты заговорили» Н. А. Раевский допускает характерную опisku (в обоих изданиях: 1974 и 1976 гг.): «Отмечает Фикельмон и открытие Александрийского театра в 1832 году». Свои записки Фикельмон писала по-французски.

В 1832 году был построен пароход, названный «Александрия». Богатая дача в Петергофе с 1826 года также именовалась *Александрией*. Эту дачу в 1825 году Александр I подарил брату Николаю. Таким образом, русская Александрия под Петербургом восходила одновременно и к Александру, и к Александре. Нескучный сад и дом в Москве были также куплены как летняя резиденция Александры Федоровны, и в 1832 году Николай I подписал рескрипт: «Покупаемому дому именоваться Александринским летним дворцом...».

Несмотря на то, что в энциклопедиях памятник на Дворцовой площади официально называется *Александровская колонна*, пушкинское выражение *Александрийский столп* стало устойчивым словосочетанием и является ныне таким же неотъемлемым художественным названием колонны, как *Медный всадник* — памятника Петру I.

В 1909 году пушкинский образ был использован В. Брюсовым в стихотворении «Александрийский столп»:

На Невском, как прибой пестройный,
Растет вечерняя толпа.
Но неподвижен сон спокойный
Александрийского столпа.

В наши дни прилагательное *Александрийский* употребляется не только со словом *столп*: «У постамента Александрийской колонны можно видеть фрагмент будущего покрытия» (Строительная газета, 1977, 13 февраля); «Горит Александрийская свеча над рукописью площади овальной» (Нева, 1977, № 5).

Обращение к Александровской колонне являлось для Пушкина также и своеобразным поэтическим трамплином: его предшественники, начиная с Горация, сравнивали свои метафорические монумены с материальными памятниками, в том числе и с теми, которые в древности относились к семи чудесам света. Не отступил от этой традиции и Пушкин. Сколь бы сложным для понимания и толкования ни являлось его стихотворение, большинство исследователей согласны в том, что все его образы взяты исключительно из русской действительности, в том числе и петербургская колонна — второй по художественной значимости крупный столичный монумент после памятника Петру I французского скульптора Э. Фальконе.

Таким образом, пушкинский эпитет *Александрийский* в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» никакого отношения к египетской Александрии не имеет. Это прилагательное целиком связано с русской историей и полностью соответствует русской языковой традиции.

А. Н. ШУСТОВ

Рисунок Ю. Космынина

С ПРИХОДОМ весны мы все чаще и чаще произносим слово *теплый*, говоря о лучах солнца, погожих днях, о птицах, вновь вернувшихся к нам после долгой зимовки в дальних краях.

Теплый — общеславянское слово. Толковые словари русского языка первым значением этого прилагательного отмечают «умеренно нагретый, содержащий, дающий тепло».

В данном значении *теплый* широко представлено в памятниках XI—XVII веков: «да тело още тепло бяше, а душа его къ богу отъшъла» (Синайский патерик, XI в.); «не подобаетъ убо добре спешити сеянием на ниве тучной и теплой» (Назиратель, XVI в.).

Однако в этих памятниках мы нередко встречаем и примеры, говорящие о том, что слово *теплый* могло обозначать и высокую степень нагретости, то есть иметь значение «горячий, содержащий, дающий большое количество тепла»: «и теплъ некоей въшедшей паръ. огоре ему лице и съ брадою» (Житие святого Савы освященного, XIII в.); «огнь теплъ и сухъ» (Книга, глаголемая Козмы Индикоплова, XVI в.).

Чем же можно объяснить тот факт, что прилагательное *теплый* служило в русском языке XI—XVII веков для обозначения двух степеней нагретости — и умеренной, и высокой, — тогда как в современном

Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной...

А. С. Пушкин
Сказка о мертвой царевне
и о семи богатырях

русском литературном языке высокую степень нагретости обозначает слово *горячий*?

А дело в том, что *горячий* по своему происхождению является старинной русской формой причастия настоящего времени от глагола *горети*, которая затем была вытеснена из разряда причастий старославянской формой *горящий*. Однако, став прилагательным, слово *горячий* еще очень долгое время (вплоть до XVIII века) сохраняло свою связь с глаголом *гореть* и со своим двойником — причастием *горящий*. Это особенно отчетливо видно в тех примерах, где прилагательное *горячий* выступает в значении «способный гореть»: «А по правой стороне реки Сока от города от Самары 90 версть озеро, а в нем емлют серу горячею» («Книга Большому Чертежу, 1627 г.).

Этим же объясняется и то, что в ранних памятниках русского языка причастие-прилагательное *горячий* встречается редко, да и то только в тех случаях, когда речь идет о раскаленном железе или угле: «и налезоша быкъ великъ и силенъ. и повеле раздраждити быка. возложиша на нь железа горяча. и быка пустиша» (Лаврентьевская летопись, 1377 г.).

Начиная с XV—XVI веков прилагательное *горячий* уже встречается при характеристике температуры различных жидкостей, веществ, пищи, воздуха, человеческого тела и т. д.: «...лекаръ же дасть ему зелие нити и жещи нача стекляницами по телу, вливая горячую воду и отъ того ему бысть тягчая и умре» (Ермолинская летопись, XV в.); «Сидевой аеръ, или воздухъ горячий» (Назиратель, XVI в.).

Итак, мы видим, что с XV—XVI веков в русском языке основным словом для обозначения высокой температуры становится прилагательное *горячий*. В свою очередь слово *теплый*, постепенно утрачивая значение «имеющий высокую температуру», прочно закрепляется в значении «умеренно нагретый, дающий, содержащий тепло». Это подтверждается примерами, в которых употребляются оба прилагательные с целью указания на разную степень нагретости: «[зерно] горячего и теплого прирощения или естества бывает» (Назиратель, XVI в.); «и оставь в ней [в бочке] горячую воду пока мечь тепла будет» (Книга зовомая земледелательная., 1705 г.).

Прилагательное *теплый* использовалось в старину и для характеристики южного, не знающего морозов, климата: «[птицы] в зимный ж годъ ищють си теплых мечь и летять чрес море» (Палая толковая, 1406 г.); «чеснокъ в теплыхъ земляхъ садят больши на зиму» (Назиратель, XVI в.). В этом же значении — «обладающий теплым, жарким, знойным климатом» — употреблялись также прилагательные *горячий*, *горячественный*, *жаркий*, *знойный*: «въ степныхъ мечахъ и въ климатахъ горячихъ... искать мрамори...» (Изъ-

явления прибыточные государству Федора Салтыкова, 1714 г.); «въ странахъ теплыхъ и горячественныхъ» (Травник Николая Любчанина, 1534 г.); «въ жаркихъ местехъ весьма нуженъ ледникъ па содержание всякихъ припасовъ» (Флоринова экономия, 1775 г.); «[Гора] во множайшихъ частехъ снежиста и мразна, аще и на поясе зноиномъ лежить» (Географія генеральная..., 1718 г.).

С XVI века прилагательное *теплый* стало встречаться в текстах, где речь идет об утепленности помещения, его способности защитить от холода. Описывая жилище, имеющее отопление, люди древней Руси писали: «у насъ хоромы теплые и кормовъ много» (Памятники дипломатическихъ сношений Московского государства с Польшей, 1536 г.).

Если же помещение не имело отопления, то оно называлось *холодным* или *студеным*: «надъ лавками горницы теплые и холодные» (Дополнения к актам историческим., 1683—1688 гг.).

С этого же времени слово *теплый* используется и при описании одежды, рассчитанной на холодное время года, способной согреть, защитить тело от воздействия низкой температуры окружающей среды. Так, в приходо-расходных книгах различных монастырей можно увидеть, например, следующие записи: «Да Ивану ж Максиму проданы сопаги теплые»; «Куплены двои рукавицы теплые».

В русском языке более раннего периода — XI—XIV века — в значении «теплый, согревающий тело; предназначенный для ношения в холодную погоду, в холодное время года» выступало другое прилагательное — *зимний*. В «Пандектах Никона Черногорца» (1296 г.) читаем: «колико есть не имуще втория одежа зимняя и летняя и тако терпять».

Легкая, не согревающая тело одежда называлась *холодной* или *студеной*: «осмеры (восемь) чюлки... въ томъ числе: пятеры теплыя... трои холодныя» (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, 1684 г.); «шущунъ студеной сукно зелено» (Акты юридические, 1612 г.).

Характеристика слова *теплый* была бы неполной без рассмотрения его переносных значений. Сочетаясь с такими существительными, как *слезы*, *любовь*, *умиление*, *ум*, *душа*, *вера* и т. п., прилагательное *теплый* приобретало значение «горячий, искренний, идущий от всей души, от всего сердца; выражающий подлинные мысли и чувства»: «кто не омочить слезами теплыми посреди сердца. кто не поболить душею по брате» (Огласительные поучения Федора Студита, XIV в.); «и руже на небо въздежиши умъ же токмо покажи теплъ. всю исполнилъ еси молитву» (Пандекты Никона Черногорца, 1296 г.); «Знал я Доментяна Священника: простъ былъ

человекъ, но вера тепла и несумненна» (Послания протопопа Аввакума, XVII в.).

В этом же значении употребил слово *теплый* А. С. Пушкин, характеризуя коллектив журнала «Московский вестник»: «...собрались ребята теплые, упрямые...» (Письмо к А. А. Дельвигу от 2 марта 1827 г.).

«Тепль(-ый) на...» или «теплъ(-ый)о»... — так обычно писали в старину о человеке, проявляющем особое усердие, рвение, горячность в каком-либо деле: «Глебъ... тепль на веру» (Лаврентьевская летопись, 1377 г.); «о блаженемъ Ефремии патриарсе ...яко зело бе ревнитель и тепль о вере» (Патерик Синайский, XI в.).

Когда речь шла о надежном заступнике, помощнике, то в текстах XI—XVII веков его также называли *теплым*: «иди чадо мое къ святому и великому господину нашему теплomu заступнику Николе» (Чудеса святого Николая Чудотворца, XII в.); «Александръ теплыя помощники обрете на (против) Египтяны...» (История иудейской войны Иосифа Флавия, XV—XVI вв.).

Обратившись к истории слова *теплый*, мы видим, что оно имело в русском языке XI—XVII веков широкое распространение и могло служить для обозначения как умеренной, так и высокой степени нагретости. С XV—XVI веков в нашем языке для обозначения высокой температуры начинает употребляться прилагательное *горячий*, а *теплый* прочно закрепляется в значении «умеренно нагретый», приобретает ряд новых основных и переносных значений, которые получают свое дальнейшее развитие в языке XVIII—XIX веков и в современном русском литературном языке.

Н. М. МИХАЙЛОВА

Рисунок В. Толстоногова

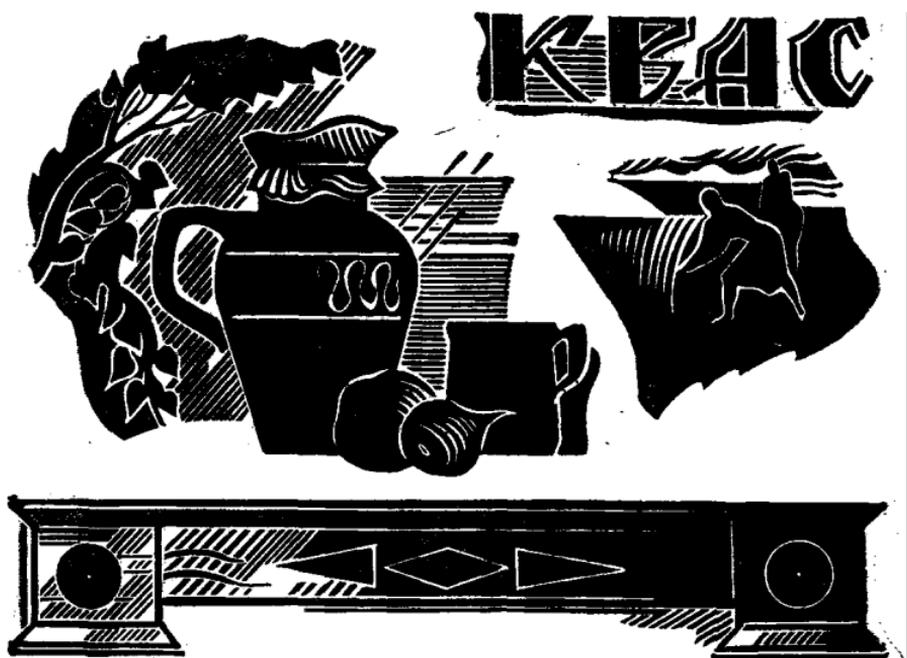
ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

В газете „Правда“ 26 августа 1980 года прочитала о производстве каучука в Кампучии. Там есть такая фраза „...в июле было собрано 400 тонн латекса“. Что означает слово *латекс*?

М. А. Мирошникова, Дубна.

Слово *латекс* латинского происхождения (latex — жидкость). Означает оно млечный сок, содержащийся у многих растений в особых так называемых млечниках, или млечных сосудах.

Эту жидкость собирают на плантациях, чтобы потом использовать для производства каучука.

«Русский напиток» — так определяет В. И. Даль в своем Толковом словаре слово *квас*. Действительно, квас, который издревле знают и любят в нашей стране, является как бы неотъемлемой, необходимой частицей русской жизни. Недаром сетовал когда-то П. А. Вяземский в своей «Старой записной книжке»: «В Париже порядочному человеку жить нельзя, потому что в нем нет ни кваса, ни калачей».

Квас как традиционный напиток русского провинциального быта упомянут и в пушкинском «Евгении Онегине»: «Им квас как воздух был потребен...». Квасы пьют герои «Мертвых душ». Их с необычайным мастерством готовит тетушка Ивана Федоровича Шпоньки. «Какие меды, какие квасы варились... В Обломовке!», — читаем в романе И. А. Гончарова.

Известный памятник русской жизни XVI века «Домострой» рекомендует непременно иметь в домашнем запасе квас — напиток, который разрешается пить женщинам и даже подавать государыне.

С незапамятных времен пьют на Руси квас. Да и само слово *квас* — очень древнее: недаром сохранилось оно во всех славянских языках.

Как известно, квас представляет собой безалкогольный освежающий напиток, приготовляемый из разных компонентов: хлеба, меда, ягод и т. д. Слово *квас* находится в теснейшем родстве с прилагательным *кислый*. Не случайно польское и сербохорватское *kwas*, болгарское *квас* имеют значение «кислота». Это родство

двух названных слов с необычайной наглядностью прослеживается на материале русских народных говоров, если сопоставить слова *квас* и *кислый* и однокоренные с ними. Так, В. И. Даль в Толковом словаре отмечал у прилагательного *кв́асный* (*квасно́й*) значение «кислый», которое подтверждают и более поздние записи: *Хлеб дюже кв́асен* [т. е. очень кислый] (Смол.); *Ситный хлеб менее кв́асен...* (Симб.). В Словаре В. И. Даля приводится также прилагательное *квасовой* в том же значении: *Квасо́вые* (т. е. кислые) *яблоки*. Словарь Академии Российской 1847 года отметил существительное *квасок* «кислинка, кисловатый вкус». Это существительное позднее было записано на территории Петроградской, Вологодской, Ярославской губерний: *Я с кваском люблю яблоки*.

Интересны в этом отношении некоторые народные наименования растений. Так, например, щавель (обладающий, как известно, кислым вкусом) имеет следующие названия: *киселица* (Арх.), *киселка* (Перм., Пск., Новг., Моск., Твер.), *киследка* (Заурал., Курган., Свердл.), *киследь*, *кисленник* (Том.), *кисленка* (Север, Урал, Сибирь), *кисленца* (Новг.), *кислѣц* (Волог.). В основу всех этих наименований положен один и тот же признак: кислый вкус листьев и стеблей.

Растения с кислыми листьями, стеблями или плодами в народе называют словами, родственными общенародному *квас*. Например, на юге России щавель зовется *квасѣц*, а в Курской и Томской областях — *квасок*. *Квасок* — он конский щавель, он кисленький, — объясняют это название жители Томской области. *Квасницей* называли в южных областях колючий кустарник с кислыми ягодами из семейства барбарисовых — барбарис обыкновенный.

Но не только в названиях растений встречается тот же корень, что и в наименовании известного русского напитка. В Нижегородской губернии для отбеливания пряжи употребляли смесь различных кислот, которую именовали *квасами*. А в Новосибирской области для отбеливания льна использовали специально заквашенный овес, который назывался *квасилой*. В Иркутской области суп из квашеной (кислой) капусты и свеклы именовали *квасом*.

Все приведенные примеры указывают на несомненное родство слов *квас* и *кислый*.

Квас приготавливали различными способами и, соответственно, получали различные сорта этого прохладительного напитка. Так, у Гоголя в «Мертвых душах» читаем: «...поставил перед ними графины с разноцветными фруктовыми квасами всех сортов, то густыми, как масло, то шипевшими, как газové лимонады». О том, как разнообразен этот напиток, свидетельствует и Горький: «Ведь и квас разный: просто квас, баварский квас, можжевельный, клюквенный...» (Трое),

Разнообразие сортов кваса подтверждается и множеством его наименований: *березовый, дробинный, поспенный, ядреный, медвяный, белый, ячменный, ягодный, свойский, можжевелевый, репный* и др.

Существовал, например, *квасничный квас*, родственный всем известному *хлебному*. Его приготавливали из кусков черного хлеба, замоченных в горячей воде. *Квасничным* он назывался потому, что делался на *квасниках* — кусках хлеба (часто специально для этого испеченного), лепешках или булочках из ржаной муки, которые пеклись специально для этой цели. Квас при этом получался густой и питательный. Называли его еще *квасом на квасниках*.

При таком способе приготовления специально пеклись лепешки или хлеба из ржаного или солодового теста, которые в Псковской губернии назывались *квасовье*.

Густой хлебный квас именовали *сусляным квасом* (Пенз., Вят.), *суслым квасом* (Брян.), а иногда даже просто *суслом*: *Сусло — это корчажный* (печной, домашний, приготовленный в чугуне) *квас, густой, вкусный, из хлеба* (Брян.). *Суслого кваса поставила, на покосе будем пить*, — так говорят жители Брянщины.

Из муки и картофеля готовили так называемый *белый квас*: *Сварю полведра картошки в мундире, изомнем, добавим водички, положу муки и ставлю три раза в печь. Это белый квас* (Куйбыш.). Таким же способом, но добавляя солод и дольше выдерживая на огне, приготавливали и *красный квас*.

Одним из лучших сортов кваса считался *верховой*, отличавшийся особой крепостью. Его делали из высококачественного солода: *Ох, вкусный квас, резкий такой!* (Новосиб.). В Новосибирской области делают еще *пареный квас* — из сухарей.

Свойский квас, известный на Рязанщине, приготавливался из муки. А жители Смоленской области знали еще *березовый квас*, или *квас-березовик*. Существовали и фруктово-ягодные квасы: их делали из воды и муки с добавлением вишни, черемухи, малины.

Медвяный квас делали из разбавленного водой меда, куда для закваски, вместо дрожжей, крошили калач. По сходству с этим не слишком крепким сладким квасом кислый и жидкий мед стали называть *кваском* (Вят., Оренб.).

Ко множеству различных наименований квасов, связанных со способом приготовления и теми составными частями, которые входят в рецептуру, можно добавить еще любопытные названия, отражающие некоторые свойства самого напитка. Так, самый высококачественный, крепкий квас в Куйбышевской и Костромской областях называли *ядреным квасом*, а слабенький, разбавленный водой и потому уже не такой вкусный прозвали *женатым квасом* (Куйбыш.).

В диалектах слово *квас* обозначает не только всем известный напиток, но и кушанье, которое на таком напитке готовится,— окрошку (Ворон., Ряз., Пск. и др.): *Угощенье нам было щи, квас с мясом и рыбой. Манька говорит: квас лучше хлеба (пастухи); рыбки куда накрошу, капусту, и чего же им!*

...Много столетий живет в русском языке старое слово *квас* — так же, как много столетий продолжает квас оставаться нашим любимым прохладительным напитком.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

У нас в магазинах продается напиток „Пепси-кола“. Хотелось бы узнать, что значит слово *пепси-кола*.

Е. А. Устинова, г. Алушта.

Сложное слово *пепси-кола* состоит из двух равноправных частей: *пепси* — греч. *pepsis* — пищеварение, англ. *peptic* — пищеварительный и *кола*, лат. *cola*, пришедшего в ботаническую латынь из западноафриканских языков. Наиболее ранние сведения об этом слове имеются в сообщениях историков XVII века, где *кола* (*koulou*) — название деревьев, растущих в тропических лесах Африки, а также их плодов. Орехи кола содержат кофеин, теобромин и дубильные вещества. Они применяются в медицине и для изготовления ликеров и напитков кока-колы и пепси-колы. По-видимому, дословное значение *пепси-кола* надо понимать так: напиток, способствующий пищеварению и поднимающий тонус.

К. А. Логинова

■
Кто такие *ваганты*? Слышал, что когда-то были такие певцы.

И. К. Семенов, г. Подольск.

Ваянтами (лат. *vagantes* < *vagus* — странствующий, бродячий) назывались в средние века в Западной Европе бродячие актеры (беглые монахи, недоучившиеся студенты), исполнители песен, участники сатирических представлений.

КРАВЧИЙ КРАВЦАЯ

«Басманов, новый кравчий царский, бил челом...», — читаем мы в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный».

Кравчий — «должность и придворный чин в Рус. гос-ве XV — нач. XVIII вв. Обязанностью К. было прислуживать государю за столом. В 17 в. К. поручалось руководство отд. приказами» (Большая Советская Энциклопедия, 3-е изд.).

Известно, что из-за боязни наведения порчи или просто отравления с конца XV — начала XVI веков при царском дворе (а позже и в домах богатых бояр и высших духовных лиц) процесс подачи пищи к столу был сложной процедурой. Существовал целый придворный штат стольников, чашников, кравчих, которые осуществляли этот ритуал и от которых требовалась особая присяга. Так, например, кравчий присягал: «Ничемъ государя въ ѣствѣ и въ питьѣ не испортити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ государю не дати...» (Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях).

Любую еду и питье обязаны были пробовать все, через чьи руки они проходили. «Ключникъ долженъ былъ испытывать, ставя ѣству на столъ предъ дворецкимъ; дворецкій долженъ былъ испытывать, отдавая ее стольнику, несть передъ государя; кравчий, принимая блюдо отъ стольника, долженъ былъ покушать въ глазахъ государя прежде, чѣмъ ставить къ нему на столъ. А чашникъ, какъ поднесетъ пить государю, самъ отольетъ въ ковшъ и выпьетъ, потомъ поднесетъ къ государю» (Там же).

Как показывают материалы «Словаря русского языка XI—XVII вв.», впервые слово *кравчий* встречается в Львовской летописи, памятнике первой трети XVI века: «А въ кравчїи былъ у великие княгини Иванъ Ивановичъ Челяднинъ, а у царицы былъ кравчїй князь Василей Репнинъ». В памятнике конца XVI столетия («Отрывок из записки о поставленіи патриарха Іова») читаем: «...патріархи пошли за столъ въ большую палату, а столъ учиненъ былъ патріархамъ единъ; ...а ѣства у патріарховъ была порознь по блюду, а кравчіе у них стояли особы; а передъ Іевом патріархомъ кравчей стоялъ Иванъ, а прозвище Бусурманъ; а передъ Іеремеємъ патріархомъ Поликарпъ игуменъ».

В русский язык слово *кравчий* пришло из польского языка (*krajszy* — «высшее дворцовое должностное лицо, первоначально обязанное резать панскую еду», совр. польск. *krajać* — резать), видимо, через Юго-Западную Русь, где оно было известно в формах *крайчий*, *крайчий*. Как отмечается в материалах А. М. Булыки (Даўнія запазычанні беларускай мовы, Минск, 1972), эти формы встречаются в памятниках 1489 года («...крайчому... 20 копъ...») и 1511 года («...крайчий князь Юрьи Александровичъ»). Кроме того, показательно, что в украинском языке известна форма *кравчий*, а в белорусском — *крайчы*.

Особенно широко представлено существительное *кравчий* в памятниках XVII века. В них упоминаются кравчии при царе, боярах, высших церковных чинах. Часто встречается слово в памятниках Петровской эпохи: в «Письмах и бумагах императора Петра Великого», «Архиве князя Куракина», «Московских Ведомостях времен Петра Великого» и др. В более поздних документах XVIII века оно используется крайне редко.

Уже в языке XIX века существительное *кравчий* стало историзмом и в словарях этого времени дается с пометой «старое».

В современных словарях *кравчий* фиксируется только как существительное мужского рода, хотя в XVI—XVIII веках было известно и соответствующее существительное женского рода — *кравчая* (*крайчая*). Кравчая занимала ту же должность, что и кравчий, но при царице. Дело в том, что все придворные обязанности при царице выполнялись женщинами. Кравчая была самой главной из приближенных к ней боярынь, которые избирались по специальному царскому указу. Кравчая не только прислуживала за столом, ее обязанности, по-видимому, были значительно шире: «Отъ царицы Евдокїи Лукьяновны изъ хоромъ выдала крайчая княгиня Соломонида Мезецкая опахало перы павино...»; «...къ царицѣ в хоромы 2 ар.(шина) 10 вер.(шков) сукна багрецу приняла кравчая Анна Михайловна Вельяминова» (Забелиц И. Е. Указ. раб.),

Наряду с *кравчий* (*кравчей*), *кравчая* были широко распространены и формы — *крайчий* (*крайчей*), *крайчая*. Варианты употреблялись параллельно и по значению не отличались. Иногда на одной странице документа могли встретиться обе формы: «...судовой Иванъ Текутьевъ взялъ ложку каповую, сказалъ что та ложка крайчей, чем накушываетъ передъ государынею царичею кушанье», чуть ниже: «...12 ар. тафты ...да 7 вер. отласу червчатого приняла кравчая» (Забелин И. Е. Указ. раб.).

В наше время рассмотренные слова используются в научных работах или в художественной литературе для воссоздания обстановки определенного времени.

Г. Л. ВЕЧЕСЛОВА
Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Как склоняются названия на *-ино* (Косино, Строгино, Пушкино и др.)?

Ю. С. Бобылев (Москва), И. А. Александрова (Харьков),
К. А. Николаев (Минск)

Мы уже писали в нашем журнале (1968, № 4) о склонении географических названий на *-ово*, *-ево* и *-ино*, *-ыно*. Географические названия населенных пунктов, городов типа *Медведково*, *Абрамцево* в системе склонения испытывают значительные колебания. Первоначально несклоняемые формы употреблялись лишь в профессиональной речи географов, военных, железнодорожников, чтобы не спутать дублетные формы без окончания: *Ковров* и *Коврово*.

Несклоняемость таких названий нормальна, если наименование является приложением к одному из следующих обобщающих слов: *село*, *деревня*, *поселок*, *станция*, *город*: в селе Марфино, в поселке Иваново, в городе Пушкино; если населенный пункт назван собственным именем известного лица: около Репино, недалеко от Лермонтово (см.: Русская грамматика. Т. I, М., 1980).

В письменной речи (не только в художественной литературе, но и в газетах и журналах) в соответствии с действующими грамматическими правилами, такие географические названия склопятся: «Это предохранит кварталы и водоемы Строгина от загрязнения»; «Все кварталы Строгина оборудуются современными инженерными коммуникациями» (Вечерняя Москва, 1980, 23 августа).

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—5; 1980, №№ 1—5; 1981, № 1

Труфанов. Фамилия нередка на Севере (Шенкурский, Пинежский районы Архангельской обл.), в Зауралье, в центрально-черноземных областях (Горшеченск. р-н Курск. обл., есть в Курске, Липецке, Орле, Тамбове). В моем исследовании «Северные фамилии» (ежегодник «Этимология», М., 1980) фамилия связана с северным словом *труфни* (разновидность обуви). В Москве фамилию произносят — Труфанов. Но поездка на Север в 1980 году убедила меня в том, что правильно только Труфанов от мужского имени Труфан. Такую этимологию указала и Г. Я. Симина (см. ее книгу: «Географические названия» — о пинежском топониме *Труфанова гора*). Автор напрасно утверждает, что это название — след новгородской колонизации; в Курской и смежных областях, как сообщил И. Г. Добродомов, форма Труфан обычна, а новгородцы там не бывали. Изменение *и* → *у* (Трифон — Труфан) пришло вместе с именем из Византии: графически греческая буква *υ* — «ипсилон» в

древнерусском языке могла передаваться и буквой *у*).

Трушницин. Возможна связь со словом *трушица* «мелочь, сор» (из *труха*, чередование *х* — *ш*, ср.: уха — ушица, муха — мушка).

Трындин. Вероятно, из имени или прозвища Трында от диалектного *трындать* «бездельничать». Фамилия записана в Куйбышево (1973).

Трыков. Фамилия записана в Ярославле (1974) и Костроме (1979). Отчество от прозвища из диалектного (по В. И. Далю — вологодское, ярославское) слова *трык* — «щеголь, франт, ветрогон».

Трясогузов. В основе, очевидно, прозвище за походку — Трясогуз (глагол — *трясти* и существительное *гуз* «зад»). Сравните с названием птицы — *трясогузка*. Фамилия записана в Пензе (1973).

Тувькин. Отчество от прозвища Тувька, значение из диалектного *тувькать* «плакать» (см.: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1863 — сообщил И. А. Попов).

Туганов. Отчество от тюркского мужского имени Ту-

ган — татар. *туган* «родной, родственник».

Туголуков. Отчество от прозвания охотника — *тугой лук*, что значит «отличный стрелок, лучший охотник». В документах XVI века встречаем — князь Иван Тугой Лук (Акты исторические, Т. 2), в 1660 году — служилый человек Туголуков, записан в Сибири. Фамилия встречена и на Пинеге — селения Киглохта, Ваймуга, 1897 год (Архангельск. обл. арх.), в Приуралье — Красноуфимский уезд, 1858 год (Пермск. обл. арх.), в Зауралье — Курганский округ 1887 год (Централ. историч. архив, Ленинград). На всех этих территориях охота была одним из главных занятий местных жителей, фамилия могла возникать всюду, но скорее всего она дает пунктирный след маршрута миграции с Северной Двины в Сибирь.

Тужилкин. От глагола *тужить* «горевать» возможно прозвище Тужилка (о человеке, который постоянно тужит, горюет о чем-то), отчество от которого могло стать фамилией, но в словаре В. И. Даля приведено слово *тужилки* «постные блинчики», вероятно, дающее более близкую этимологию фамилии: подобное прозвище мог получить и любитель блинов.

Тузлуков. Фамилия записана в Пензе (1973), Рязани (1976), Ярославле (1973). В тюркских языках *тузлук* «раскол».

Тукалин. Отчество от прозвища из диалектного слова *тукала* «крикун» (В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь, 1914).

Тулупов. О происхождении фамилии спрашивает А. С. Тулупов (Моздок. р-н Сев.-Осетин. АССР). Первоначально —

отчество от мужского имени Тулул. Оно неоднократно встречается в документах XVI века, например: крестьянин Тулул Левин сын («Новгородские писцовые книги» т. IV). Фамилия распространена широко, что справедливо отмечает А. С. Тулупов.

Туровский. Первоначально — обозначение прибывшего из населенного пункта Туров, Туровка (топоним нередок на Украине, в Белоруссии и Польше).

Тушин. Первоначально — отчество от русского педервовного мужского имени Туша «толстый, тучный». Известен в XVI веке боярин Туша (по его имени было названо принадлежащее ему село Тушино на Москве-реке; еще раньше, в 1210 году, это имя записано в Польше).

Тюменцев. В книге Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения» данная фамилия связана с заимствованным из монгольского тюркским словом, которое означает «многочисленность, большое количество, тьма; округ, уезд; название монеты». Ни к одному из этих значений фамилия не имела никакого отношения. Первоначально — отчество *тюменцев* (притяжательное прилагательное, образованное суффиксом *-ев* от русского именованья отца *тюменец* по месту, откуда прибыл, или по какому уезду приписан на службу), то есть «сын тюменца», как Уфимцев, Казанцев. Объяснение Н. А. Баскакова можно отнести не к фамилии, а к топониму Тюмень, о котором он напрасно не упомянул.

Тюнин. Отчество от прозвища Тюня; по В. И. Далю *тюня* — «туняец, лентяй».

Тюриков. Фамилия записана в Архангельске (1980). В

словаре В. И. Даля приведено слово, написание и произношение которого колебалось — *тюрик, тюрюк, тюряк*, изменялись и место ударения, и значения, например: нижегородское и костромское *тюрик* означало «сумка, мешок». Теперь едва ли можно установить, как звучала фамилия при ее возникновении и какое из значений выражала ее основа.

Тюрин. Возможны два, впрочем весьма близких, источника фамилии: 1) отчество от прозвища Тюр «размазня» (вялый, безвольный, никчемный), значение перенесено метафорически с простейшей пищи, в прошлом частой в крестьянских семьях — размоченные в воде, квасе или молоке хлеб, сухари; 2) из диалектного (по В. И. Далю — тверского) глагола *тюрить* — «врать», в этом случае чрезвычайно поучительна цепочка семантических (смысловых) сдвигов: лгать, путать, перемешивать.

Тюряков. Возможная основа — *тюряк, тюрюк*, по В. И. Далю: нижегородское — «сумка, мешок», костромское — «тюряма». Диалектная разновидность — Тюриков.

Тюхтин. Фамилия записана в Куйбышеве. Вероятно, отчество от прозвища Тюхтя; в словаре В. И. Даля *тюхтить* (нижегородск.) «хлебасть медленно, долго, много».

Тягин. Фамилия записана в Пензе (1976). По-видимому, отчество от прозвища Тяга, с тем же значением, какое имели устаревшие теперь слова *тягун, сутяга* — «любитель судиться».

Тяпин. В основе фамилии — прозвище, значение которого, очевидно, связано с глаголом *тяпить* — «клянчить, надоедливо выпрашивать» (см.: Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. 1961).

Тяпушкин. Фамилия записана в ряде селений Харовского района Вологодской обл., 1948 г. (Вологодск. обл. архив). В. Ф. Боровин записал в Вельском районе слово *тяпушка* — «толокно с квасом» (Диалектологический сборник. Вып. I, Вологда, 1941).

Тятюхин. Вероятная основа фамилии — диалектное слово *тятюха* «лихорадка» (Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь, 1914).

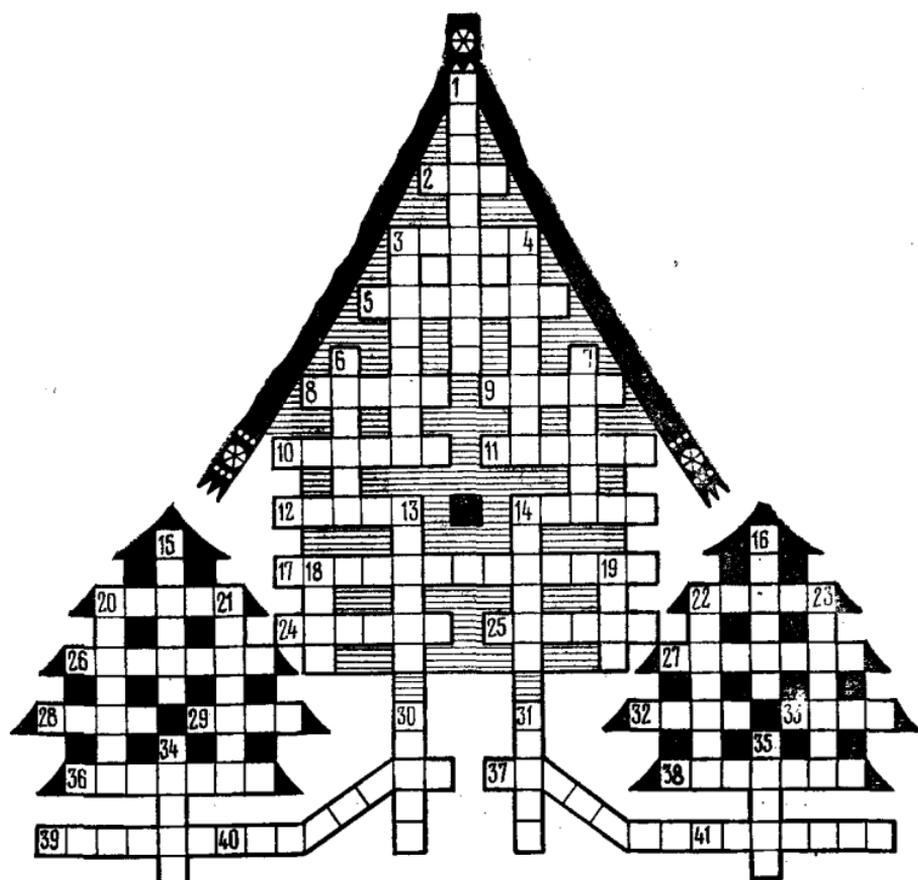
В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Советский кинорежиссер, постановщик фильмов «По щучьему велению», «Василиса Прекрасная». 3. Деревянное резное украшение на крыше избы. 5. Отдел сообщений в газете. 8. Друг А. С. Пушкина, которому Пушкин посвятил стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный!». 9. Торгово-промышленная часть города, обычно вне городской стены

в древней Руси. 10. Орган государственного управления в русском государстве в XVI — нач. XVIII вв. 11. Автор сказки «Лягушка-путешественница». 12. Автор романа-сказки «Три толстяка». 14. Европейское название бродячего фокусника. 17. Русская сказительница. 20. Крупный русский издатель-просветитель конца XIX — начала XX вв. 22. В древнерусской литературе мифическая

птица с женским лицом. 24. Всесоюзное общество в нашей стране. 25. Иносказательный рассказ с нравучением в старинной литературе. 26. Стихотворение преимущественно на историческую, обычно легендарную тему. 27. Краткое возражение, ответ. 28. Древнерусский поэт-певец. 29. Старинный русский город в верховьях Волги. 32. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 33. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 36. Английский драматург и общественный деятель, автор пьесы «Школа злословия». 37. Картина М. В. Васнецова. 38. Персонаж пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». 39. Русский просветитель, писатель, журналист, критик и книгоиздатель. 40. Сказочное чудовище с телом петуха, хвостом змеи, убивающее одним своим взглядом. 41. Автор сказки «Аленький цветочек».

По вертикали: 1. Второстепенный член предложения. 3. Известный музей-усадьба.

4. Мифическое существо — нечистая сила в женском образе. 6. Стихотворение на заданные рифмы. 7. Автор «Сказки о глупом мышонке». 13. Сочинение без обозначения имени автора. 14. Польский драматург, автор комедии «Дамы и гусары». 15. Персонаж пьесы-сказки М. Метерлинка «Синяя птица». 16. Персонаж пьесы-сказки Е. Шварца «Обыкновенное чудо». 18. Карельские и финские народные эпические песни. 19. В древней Руси собрание горожан для решения общественных дел. 20. Крупнейшая в Европе группа родственных по языку и культуре народов. 21. Рассказ И. А. Бунина. 22. Человек, который ко всему относится недоверчиво. 23. Русский поэт XIX века. 30. Автор «Удивительных приключений барона Мюнхгаузена». 31. Советский писатель, автор «Плотничих рассказов». 34. Старинный русский праздничный головной убор замужней женщины. 35. Повесть А. И. Куприна.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ БУКВЕННЫЕ ОКОНЧАНИЯ ПРИ ЦИФРАХ

«Когда пишут буквенные окончания при цифрах? Как нужно писать: *сочинения в 6-ти томах, в 6-и томах или в 6 томах*», — спрашивает читатель О. Д. Морозов из Харькова.

Между цифровой записью количественных и порядковых числительных имеются существенные различия. Если порядковое числительное обозначено цифрами, при нем может быть буквенное наращение: *1-й, 2-го, 27-му* и т. д. В таких случаях эти наращения возможны, но не обязательны. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года сказано: «§ 77. Пишутся через дефис: [...]». 5. Порядковые числительные, если они написаны цифрами с грамматическим окончанием, например: *15-й, 127-го*. Такая формулировка правила означает, что возможно написание порядковых слов только цифрами: *1967 год, 9 класс, 15 ряд* (но можно писать и с наращением: *1967-й год, 9-й класс, 15-й ряд*). Есть случаи, когда буквенное наращение при цифровом обозначении необходимо. Например, предложение *В эксперименте участвовали ученики 9 классов* можно прочесть и понять по-разному. В таких случаях следует цифру заменить словом, написать: *ученики девярых классов* или *ученики девяти классов*. Порядковое слово можно заменить цифрой с буквенным наращением: *ученики 9-х классов*.

Итак, если порядковое числительное обозначено цифрой, при ней может быть буквенное наращение. При количественных — буквенное наращение не ставится, но иногда под влиянием написания порядковых числительных в печати встречаются буквенные наращения и при количественных: «сочинения в 3-х томах», «в 15-ти метрах от дома» вместо нормативного *в 3 томах, в 15 метрах* от дома. Употребление буквенного наращения при цифрах, обозначающих

количественные слова, противоречит действующим правилам орфографии. Не добавляется буквенное наращение и к первой части сложных слов, если эта часть выражена количественным числительным, обозначенным цифрой. Значит, надо писать *2-этажный, 5-летний, 6-томник* (или *двухэтажный, пятилетний, шеститомник*), а не «*2-этажный*», «*5-тилетний*».

В. И.

■ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗНАК КАЧЕСТВА

Р. Р. Свицерский (Москва) спрашивает: «Как правильно следует писать наименование *Государственный Знак Качества*, какие слова в нем должны писаться с прописной буквы?».

Правила, регламентирующие написание прописных и строчных букв, не охватывают всех возможных случаев их употребления.

Нередко при возникновении новых названий возникают затруднения, связанные с выбором прописной или строчной буквы, так как при отсутствии конкретных правил они должны опираться на различные, иногда противоречащие друг другу образцы.

За последние годы появилось много новых почетных званий и знаков отличия. Лучшие трудовые коллективы награждаются Юбилейным почетным знаком, получают почетные грамоты, дипломы и вымпелы, заносятся на Доску почета, в Книгу почета.

В 1967 году было принято постановление о введении новой формы государственной аттестации качества выпускаемой предприятиями продукции — присуждении ряду изделий промышленного и бытового назначения высокого качества государственного Знака качества.

Первый государственный Знак качества был присужден 22 апреля 1967 года электродвигателю Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича. С тех пор эту форму аттестации имеют сотни изделий производственно-технического назначения и многие товары народного потребления.

В практике печати не сразу сложилось единообразное написание этого названия. В ГОСТе 1 сентября 1967 года было рекомендовано писать с прописной буквы первое слово названия — *Государственный знак качества*. Это написание было принято Большой Советской Энциклопедией, газетой «Известия» и рядом других печатных изданий: «Право использования *Государственного знака качества* предоставляется предприятиям министерствами (ведомствами) сроком на 2—3 года...» (БСЭ, 3-е изд.); «Восьми видам продукции присвоен *Государственный знак качества*» (Известия, 1974,

9 января); «Но вот на *Государственный знак качества* почему-то не решаются выдвигать продукцию» (*Лесная промышленность*, 1973, 29 мая).

Такое написание не противоречит действующим правилам и может быть соотнесено с написаниями *Государственная премия*, *Юбилейный почетный знак*, *Международная премия Мира* и т. п.

Однако интересующее нас название нередко употребляется в неполной форме *Знак качества*, при этом неполная форма выполняет роль полной: «Более половины всех тканей у нас выпускается со *Знаком качества*» (*Известия*, 1976, 1 ноября); «И не случайно *Знака качества* были в этом году удостоены очень многие изделия куйбышевцев» (*Известия*, 1976, 6 октября); «В 1973 году предприятие изготовит две тысячи столов со *Знаком качества*» (*Лесная промышленность*, 1973, 20 января).

Названия подобного рода не имеют сложившегося написания, например, *Доска почета — Всесоюзная Доска почета* и *Всесоюзная доска почета*: «Победителями... признаны... 1.562 трудовых коллектива, 760 из которых занесены на *Всесоюзную Доску почета ВДНХ СССР*» (*Известия*, 1978, 14 февраля) и «Имя нашего коллектива занесено на *Всесоюзную доску почета*» (*Известия*, 1976, 1 ноября).

Наряду с написаниями *Государственный знак качества* и *Знак качества* в ряде печатных изданий было принято написание *государственный Знак качества*: «Транзисторные радиоприемники завода „ВЭФ“ отмечены *государственным Знаком качества*» (*Правда*, 1973, 14 августа); «Объединение обязалось в этом году представить на аттестацию *государственного Знака качества* до 45% всей выпускаемой продукции» (*Труд*, 1976, 4 ноября); «На конференции отмечалось, что в Грузии сейчас с *государственным Знаком качества* выпускается более 2.250 наименований продукции...» (*Известия*, 1980, 4 октября).

По-видимому, написанию *государственный Знак качества* способствовала не столько ориентация пишущих на образцы, сколько естественное их стремление сохранить неизменным орфографический облик названия: *Знак качества — государственный Знак качества*. Следует учесть также, что определение *государственный* семантически включается в название *Знак качества* и не предполагает сопоставлений с республиканским, заводским или каким-либо иным знаком качества.

Написание *государственный Знак качества* получило широкое распространение и в настоящее время используется всеми печатными органами.

Л. К. Чельцова

■ СКЛОНЯЕТСЯ ЛИ СЛОВО ГОСТ?

Эти четыре буквы означают «государственный общесоюзный стандарт». Мы встречаем их всюду: на станке и ярлыке пальто, на автомашине и спичечной коробке. ГОСТ устанавливает «типовые нормы качества, обязательные для всех предприятий, заданные размеры и свойства выпускаемой продукции» (Моисеев А. В. Экономический словарь-справочник рабочего. М.: 1977, с. 53). Государственные общесоюзные стандарты были введены в 1925 году (до 1940 года они назывались общесоюзными стандартами — ОСТ). В современном русском языке сочетание *государственный общесоюзный стандарт* представлено двумя сокращенными формами: *гост* и *ГОСТ* — в строчном и прописном написании (см.: Словарь сокращений русского языка. Под редакцией Д. И. Алексеева). Однако анализ текстов различных жанров показывает, что аббревиатура *гост* в строчном написании почти не встречается, а прописное написание *ГОСТ* является преобладающим.

Как же употребляется это слово — склоняется или выступает в неизменяемом виде? Об этом спрашивает нас читатель В. М. Шмотков из Северодвинска.

ГОСТ относится к сложносокращенным словам, которые произносятся как обычные слова, например: вуз (высшее учебное заведение), дот (долговременная огневая точка), ВАМ (Байкало-Амурская магистраль), СМУ (строительно-монтажное управление) и др. Казалось бы просто: ГОСТ — это слово, оканчивающееся на твердый согласный, и, следовательно, должно изменяться в косвенных падежах по типу склонения имен существительных мужского рода. Современные словари, грамматики и справочники дают именно такую рекомендацию: сложносокращенное слово ГОСТ склонять. Однако наблюдения над употреблением этой аббревиатуры в разных текстах — в языке прессы, в научной и специальной литературе — говорят о том, что данная рекомендация не выполняется: в печати встречаются изменяемые и неизменяемые формы. Вот примеры употребления слова ГОСТ в склоняемой форме.

В языке прессы — газет и журналов: Этот низкокачественный пух не пригоден для изготовления платков, соответствующих ГОСТу... (Правда, 1970, 8 декабря); Есть у изделия свои ГОСТы (высота, расстояние между колесами...), свой фасон и отделка (Комсомольская правда, 1980, 19 января); ГОСТы регламентируют изготовление сыворток и вакцин, определяют, какими быть дорожным знакам... (Наука и жизнь, 1980, № 5).

В научной и специальной литературе, в словарях и справочниках: Иногда авторы ГОСТа вынуждены признать наличие синонимичной пары для наименования одного и того же понятия (Да-

ниленко В. П. Русская терминология); На практике «нормализация»... называется обычно «стандартизацией» (в широком смысле слова: установление ГОСТа...) (Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи); Исключение из этого правила составляют детали, которые согласно ГОСТу вообще не подлежат штриховке... (Данилов И. Я. Справочник автора книги); В словаре нашли отражение названия гарнитур шрифтов, определяемых ГОСТом (Полиграфический словарь).

В текстах официально-делового стиля, в котором аббревиатура ГОСТ употребляется наиболее часто, мы встретили только неизменяемую форму. Приведем примеры из текстов ГОСТов, относящихся к различным областям науки, техники, промышленности и т. д.: Нормальное значение силы тяжести Земли. По ГОСТ 17782—72. Топографическая карта. По ГОСТ 21667—76 (Геодезия. ГОСТ 22268—76); Обжим шпона. По ГОСТ 15813—72 (Технология спичечного производства. ГОСТ 19280—78); Набор сведений, приводимых в библиографическом описании, а также форма и последовательность их расположения установлены в ГОСТ 7.1.—76 (Система информационно-библиографической документации. Библиография. ГОСТ 7.0—77).

В отдельных случаях в несклоняемом варианте встречается ГОСТ и в специальных текстах: Бумага в виде листов (флатовая), согласно ГОСТ 1432—41... (Бельчиков И. Ф. Основы технического редактирования советской книги); Калькулятор экспонетра «Свердловск-4» предусматривает диапазон светочувствительности материала от 1 до 2000 единиц ГОСТ... (Наука и жизнь, 1980, № 5).

Приведенный иллюстративный материал свидетельствует о том, что в печати представлены склоняемые и несклоняемые формы сложносокращенного слова ГОСТ. Современная литературная норма не может оправдать несклонение этой аббревиатуры. Во всех стилях письменной речи слово ГОСТ в косвенных падежах должно получать окончание по типу имен существительных мужского рода, например: согласно ГОСТу 1432—41, по ГОСТу 21667—76, в проекте ГОСТа, в ГОСТе и т. д.

Г. И. Миськевич, Ю. Ф. Хаустова

О. Д. Васюкова интересуется словом *пунктограмма*, которое она встретила в учебнике русского языка для 5 класса.

Термин *пунктограмма* возник в 70-е годы XX века по аналогии с термином *орфограмма*. Бытует как «рабочий» термин в среде методистов школы, учителей, употребляется в сочетаниях типа: *пунктограммы*, изучаемые в 8-м классе; *пунктограммы*, связанные с выделением структурных частей предложения.

Пунктограм́ма (от лат. *punctum* — точка и греч. *grámma* — письменный знак, запись) — закономерно воспроизводимый в письменной речи знак препинания, соответствующий правилам пунктуации, например: тире между подлежащим и сказуемым, точка в конце предложения, двоеточие в бессоюзном сложном предложении, скобки при вставных конструкциях. Перечень пунктограмм соответствует перечню частных правил пунктуации. В понятие *пунктограммы* включается и отсутствие знака в том или ином месте предложения, например отсутствие запятой между частями сложносочиненного предложения с общим членом; отсутствие запятой между двумя придаточными, соединенными союзом *и*. Термины «*пунктограмма*» и «*знак препинания*» не тождественны: первый включает наименование оформляемой знаком синтаксической единицы, второй указывает на элемент графической системы языка (см.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979).

Н. В. Белая (Москва) спрашивает: «В каких случаях следует употреблять слова *лирический* и *лиричный*?»

Однокоренные прилагательные *лирический* и *лиричный* имеют некоторые различия в значениях и употреблении.

Лирический — значит «относящийся к лирике» (как роду поэзии), а также «полный чувства, эмоций». Например: *лирическое стихотворение*, *лирический герой*; *настроиться на лирический лад*, *лирический беспорядок* (шутливо) и т. п.

Лиричный — значит «проникнутый лиризмом; задушевный, взволнованный». Например: *лиричный тон* и т. п. Сочетания со словом *лиричный*, обозначая душевное состояние человека, лишены тех специальных, терминологических значений, которые могут быть свойственны конструкциям с прилагательным *лирический* (ср. *лирические отступления* — в стилистике, *лирическое сопрано* — в музыке и т. п.).

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 2. Роу. 3. Конек. 5. Хроника. 8. Пушкин. 9. Посад. 10. Приказ. 11. Гаршин. 12. Олеша. 14. Факир. 17. Кривополенова. 20. Сытин. 22. Сирий. 24. «Знание». 25. Притча. 26. Баллада. 27. Реплика. 28. Баян. 29. Ржев. 32. Катя. 33. «Утес». 36. Шеридан. 37. «Аленушка». 38. Акулина. 39. Новиков. 40. Васильск. 41. Ахсаков.

По вертикали: 1. Дополнение. 3. Карабиха. 4. Кикимора. 6. Вуриме. 7. Маршак. 13. Аноним. 14. Фредро. 15. Митиль. 16. Король. 18. Руны. 19. Вече. 20. Славяне. 21. «Надежда». 22. Скептик. 23. Никитин. 30. Распе. 31. Белов. 34. Кичка. 35. «Олеся».

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРНИКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией Т. С. Колмакова
Художественный редактор Т. А. Михайлова
Корректоры: В. В. Беляев, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 12.12.1980 Подписано к печати 10.02.1981 Т-04031
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 9,6.
Бум. л. 2,5. Тир. 55000. Зак. 3770

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10